

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ ПЕДАГОГІЧНИХ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СОЦІАЛЬНОЇ ТА ПОЛІТИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ

Юлія Кальницька

**ІСТОРІЯ СОЦІАЛЬНОЇ ПСИХОЛОГІЇ
В УКРАЇНІ:
ДРУГА ПОЛОВИНА ХІХ – ПОЧАТОК
ХХ СТОЛІТТЯ**

Навчальний посібник (хрестоматія)

Кропивницький – 2021

УДК 316.6+159.9(477):91
К 17

Рекомендовано до друку вченою радою
Інституту соціальної та політичної психології НАПН України,
протокол № 17/19 від 19 грудня 2019 року

Рецензенти:

О. І. Бондарчук, доктор психологічних наук;
Т. В. Мазур, кандидат психологічних наук

К 17 **Кальницька Ю. Історія соціальної психології в Україні:
друга половина XIX – початок XX століття : навчальний посіб-
ник (хрестоматія) / Юлія Кальницька ; Інститут соціальної та по-
літичної психології НАПН України. – Кропивницький : Імекс-
ЛТД, 2021. – 264 с.**

ISBN 978-966-189-604-7

Хрестоматія дає унікальний шанс ознайомитись із ключовими ро-
ботами, які презентують українську соціально-психологічну думку на
зламі століть. Вони є своєрідною антологією різних поглядів, ідей, тен-
денцій і напрямів у роздумах вітчизняних представників наукової інтелі-
генції, що свідчать про автентичність зародження соціальної психології
на українських теренах.

Адресована викладачам дисциплін загальнопсихологічного та со-
ціально-психологічного профілю закладів вищої та післядипломної осві-
ти; аспірантам і студентам; особам, що підвищують кваліфікацію за на-
прямами психології та соціальної роботи; науковцям і соціальним психо-
логам-практикам. Може становити інтерес також для вчених, що розроб-
ляють проблеми філософії науки, наукознавства, історії соціальних наук.

УДК 316.6+159.9(477):91

ISBN 978-966-189-604-7

© Інститут соціальної та політичної психології
НАПН України, 2021
© Кальницька Ю. С., 2021

ЗМІСТ

Передмова	5
Мовознавство та етнографія як джерела зародження ідей про соціально-психологічні характеристики великих груп	6
<i>Іван Якович Франко</i>	6
Мислі о еволюції в історії людськості (1881).....	7
Двоязичність і дволичність (1905)	10
Із секретів поетичної творчості (1898).....	24
<i>Олександр Опанасович Потебня</i>	98
Язык и народность (1895).....	98
О национализме. Заметка по поводу статьи: Über Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift für Völkerpsychol. und Sprachwiss. III B. 1865	131
<i>Дмитро Миколайович Овсянко-Куликовський</i>	136
Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного) (1909).....	137
Психологія масових явищ та впливу на маси в юриспруденції і психіатрії	158
<i>Іван Олексійович Сікорський</i>	158
Смерти в Терновских хуторах. Психологическое исследование (1899).....	159
<i>Микола Васильович Країнський</i>	212
Психология падших людей (1910).....	213

<i>Леонід Євстафійович Владимиров</i>	223
Психологическое исследование в уголовном суде (1901).....	224
<i>Анатолій Федорович Коні</i>	233
Искусство речи на суде (1910).....	234
Советы лекторам (Из неопубликованных заметок).....	237
Військова теорія і практика	244
<i>Микола Олександрович Ухач-Огорович</i>	244
Психология толпы и армии (1911)	244
Соціологія	253
<i>Агнеса Соломонівна Звоницька</i>	253
Социальная связь (1914).....	254
Післямова	258
Рекомендовані для вивчення праці представлених у хрестоматії та інших першопрохідців соціально-психологічної думки в Україні у другій половині XIX – на початку XX століття	259

ПЕРЕДМОВА

Формування соціально-психологічної думки в другій половині XIX – на початку XX століття відбувалося в царинах різних гуманітарних наук. У зазначений період соціально-психологічна проблематика розроблялася не в межах академічної психології, а тими спеціалістами, які на практиці стикалися з необхідністю вивчення тих чи тих соціально-психологічних феноменів: філософами, істориками, етнографами, психологами, літературознавцями, психіатрами, мовознавцями, юристами, педагогами, медиками, соціологами, суспільствознавцями. Переважна більшість цих учених відігравали помітну роль у суспільному житті, займали активну громадянську позицію і цікавилися гострими проблемами свого часу, висвітлюючи їх у своїй суспільній, літературній та науковій діяльності. Отже, ми хочемо представити читачеві вибрані твори інтелектуальної спадщини таких учених, як І. Я. Франко, М. В. Країнський, І. О. Сікорський, Л. Є. Владимиров, А. Ф. Коні, О. О. Потебня, Д. М. Овсяннико-Куликовський, А. С. Звоницька, М. О. Ухач-Огорович. Усі праці подаються мовою оригіналу.

МОВОЗНАВСТВО ТА ЕТНОГРАФІЯ ЯК ДЖЕРЕЛА ЗАРОДЖЕННЯ ІДЕЙ ПРО СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕЛИКИХ ГРУП

ІВАН ЯКОВИЧ ФРАНКО
1856–1916

Видатний український письменник, поет, учений-енциклопедист, перекладач, публіцист, громадський діяч. Народився в с. Нагуєвичі Дрогобицького повіту у Східній Галичині. По закінченні Дрогобицької гімназії восени 1875 р. вступив на філософський факультет Львівського університету. За активну громадсько-політичну й видавничу діяльність та листування з Михайлом Драгомановим був заарештований за звинуваченням у причетності до таємного соціалістичного товариства. У 1880 р. вдруге заарештований і після тримісячного ув'язнення змушений покинути університет. У 1892 р. працював в Інституті славістики Віденського університету над завершенням дисертації «Варлаам і Йоасаф, давньо-християнський духовний роман та його літературна історія» на здобуття вченого ступеня доктора філософських наук. Дисертацію захистив 1893 р. у тому ж університеті. З 1898 р. І. Я. Франко керував Етнографічною комісією НТШ (до 1913 р.) і разом з В. Гнатюком редагував «Етнографічний збірник».

Психологія українського народу розкрита Франком у блискучих розвідках із філософії, етнографії, мовознавства, літературної критики, фольклористики, історії, соціології, економіки.

Мислі о еволюції в історії людськості¹ (1881)

<...>

РОЗДІЛ I

Відмаленьку дома і в школі говорено нам, що пан-біг, сотворивши перших людей і вигнавши їх з раю, сам навчив їх робити на хліб; що перші родичі були хлібороби, їх один син пастух, їх внуки вже знали оброблювання металів і всякі механічні штуки. Ба що більше, перші родичі в раю мали знання о бозі і о світі далеко досконаліше, ніж ми тепер, в моральнім згляді рівні були святим ангелам, а тільки коли згрішили, помрачився їх розум і повернулася на зло їх воля.

Пізніше ми чули то само, коли ще й не краще, в грецькій і римській міфології, з уподобанням читали славне Овідієве «*Aurea prima Sat a est aetas*» і слідуючий відтак ідилічний опис первісних часів, коли-то мед капав з дубів, ріки текли чистим молоком, а люди жили жолудею та корінцями. І коли нам тепер ті оповісті видаються чистими казками, то не забуваймо, що вони були і є ще досі живою вірою мільонів людей, що вони були живим переконанням многих мислителів і вчених, що ще в половині минувшого віку на-смійник Вольтер, читаючи «*Contract sociale*» Жана-Жака Руссо, говорив, що, читаючи ті предковічні ідилії, йому й самому забагається скинути з себе одержу і лазити рачки; що врешті ще в 30-х роках сього століття Жозеф де Местер говорив: «Ми виходимо все з тої загально голошеної гіпотези, що чоловік піднісся *постепенно* з варварства до просвіти і цивілізації. То улюблена мрія, то чистий блуд, засаднича нісенітниця нашого століття».

Сей погляд на історію, вважаючий її немов поступенним вироджуванням людей усе на гірше, називається в науці *теорією дегенераційною*. Не можна сказати, щоб та теорія ще й тепер не мала прихильників, особливо між теологами. Правда, вони уже унимаються супротив очевидних фактів приписувати першим родичам досконале знання і математики, і астрономії, і всяких штук, але приймають все-таки, що чоловік первісно стояв на середнім ступені цивілізації і що відтак розвиток його йшов двома галузями: од-

---

¹ Франко І. Мислі о еволюції в історії людськості / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 45. – С. 76–139.

ною в долину до стану теперішніх дикарів, другою вгору, до теперішньої цивілізації.

Звісна річ, що наука, оперта на цілій масі аж надто переконуючих доказів, мусить відкинути і той погляд, хоть не може заперечити, що є в ній зерно правди. В історії стрічаємо справді не раз племена, котрі вироджуються, тратять з різних причин давніше знання, давнішу культуру і опадають на нижчі цивілізаційні ступені. Тому-то й противний крайній погляд, що мов розвиток людськості віднайнижчих ступенів дикості до найвищої цивілізації – се один однотяглий і безпереривний поступ, хоть і має багато правди в собі, все-таки не обнімає всіх фактів. Щоб одним поглядом обняти всі факти історії, треба стати на вищу точку – *загальної еволюції*. Еволюція (розвиток), виходячи від первісної дикості чоловіка, містить в собі поступ яко *головний* і вироджування (дегенерацію) яко *побічний, підрядний* складник. «Можемо собі представити цивілізацію, – каже Тейлор, – як вона в власній особі ступає землею; вона то зупиняється по дорозі, то спочиває; часом попадає на манівці, котрими по великим труді доходить назад на те саме місце, котре давно минула; але чи прямо, чи манівцями її стежка все йде наперед; а хоть вона часом і зробить пару кроків взад, то її хід тоді швидко стається безпомічним хитанням. Се незгідне з її природою, її ноги не так зладжені, щоб іти взад, бо вона своїм наперед зверненим поглядом і своїм наперед спішачим ходом є правдивим образом чоловіка».

Бачимо затим, що в понятті еволюції містяться поруч себе і понад собою два супротивні процеси: поступ наперед і поступ назад. Поступ наперед є проявою первісною, переважаючою і нормальною; поступ назад – проявою пізнішою і хоробливою.

Щоб поійняти докладно цілий хід еволюції в історії людськості, щоб мати з неї міцну провідну нитку при розборі, групуванні та цінуванні фактів історичних, треба передовсім познакомитися з загальними законами еволюції в органічній природі, треба пізнати її *двигачі причини і головні форми*, в яких вона проявляється. Не завагуємося ані на хвилю назвати сі дві точки основою до пізнання всякого органічного життя. Отож іменно сі основи зістали викриті і пізнані аж в половині нашого століття двома вченими англічанами, Дарвіном і Спенсером. Спенсер виказав, що в цілій природі розвиток іде від розрізнених а однородних часток до скуплених а різно-

родних. То значить, що в кождім розвитку (чи поступовім, чи дегенераційнім) ідуть побіч і мішаються дві струї: *різниціювання* (дифференціація) частей однорідних і *скуплювання* (інтеграція) частей різнорідних. Дарвін же показав, що движучою причиною тої еволюції в світі органічнім є боротьба за існування і впливаючі з неї появи: добір природний і половий, змінність і дідичність організмів. А позаяк дякувати вислідам учених, почавши від Гете аж до Дарвіна і Гекслі, звалений зістав переділ між чоловіком а звірами, і чоловік з цілі і вінця всіх творів усеї природи очутився тільки одним огнивом її безконечного ланцюга, то й не дивно, що іменно ті самі закони біологічні, викриті в зоології, сміло приложено й до чоловіка, до суспільності людської зі всіми її матеріальними і духовими здобутками.

Тільки сказати треба, що з смілістю не все йшло в парі належите знання й розуміння. Кожда наука, будь вона й як нова та невироблена, розростається нині так швидко і різносторонньо, що поединчому чоловікові годі зглибити кілька наук нараз. Можна бути вченим а навіть геніальним природознавцем, а дуже мало знати наук суспільних. І навідворіть, можна бути добрим економістом, правником або й істориком, а не знати наук природничих. От так було й тут. Природознавці брались говорити про питання суспільні, переносили сюди живцем свої теорії, незважаючи на відмінний ґрунт, і натворили багато лиха. А з другого боку, економісти, історики і пр., не знаючи наук природничих, а бачачи тільки ті невдалі вилазки природників на поле наук суспільних, згори порішили, що з усім тим природництвом, з еволюцією та дарвінізмом у них нема ніякогоділа.

Такий розлад мусив конечно вийти на обопільну шкоду і природознавцям, і соціологам. Бо як, з одного боку, наука еволюційна іменно в історії людськості находить для себе одну з найсильніших підпор, незрівняну щодо багатства фактів і найдогіднішу для всесторонніх дослідів, так, з другого боку, науки суспільні ніяким світом не можуть відриватися від ґрунту загального природознавства, ботільки на тім ґрунті й можливий їх зріст. Се й пізнали вже зразу многі передові учені, а іменно Спенсер, Маркс, Тейлор і др., і старалися, кождий по-своєму, працювати в напрямі з'єднання тих різних частей науки і взаємного оплодотворення. Маркс був один з перших соціологів, котрий, опираючись на теорії еволюцій-

ній і признаючи, що движучою причиною в розвитку людськості є боротьба за існування (т. є. кождохасові обставини економічні народу), прийнявся вислідити одну фазу того розвитку – початок розвитку порядку капіталістичного. Спенсер в своїй соціології задумав на еволюційній основі виказати початок суспільності людської взагалі, – тільки ж що йому не стає смілости доводити свій власний принцип усюди до крайніхконсеквенцій і через те він часто путається. Новішими часами чимраз більше соціологів ступає на тую дорогу; згадати тут лишень Альберта Шеффле, котрий, задумавши описати «будову і життя суспільного тіла», згрішив подвійно: раз тим, що те тіло він згори вважає індивідуально людським тілом, чого о тілі суспільнім не можна сказати, а по-друге, тим, що описує те тіло в стані спочинку, не в розвитку, не генетично. Але все це, як сказано, тільки проби, хоть часом і невдалі, та прецінь характеристичні і показуючі дорогу новим вислідникам, котрі, видячи, де їх попередники попадали на манівці, швидше й легше падають на просту дорогу. <...>

Двоязычність і дволичність¹ (1905)

Питання про становище москвофільства в Галичині, завдяки розвоеві випадків у нас і в Росії, чимраз різкіше і ясніше сходить на властиву дорогу, з питання політичного робиться питанням етичним. Чимраз виразніше показується також, що воно було таким і давніше, навіть у пору найголоснішого крику про його політичне значення. Виставлювані *pro foro externo*² поклики оборони руської народності перед колонізацією і грецького обряду перед латинізацією показуються чимраз виразніше грубо підмальованими шильдами, під якими довгі літа провадився шиночок дуже нечистих інтересів, ішла потайна ліцитація на апостазію, відступство від служби інтересам рідного народу, ішов вербунок на службу різним темним силам дома й за границею. Кореспонденція Лебединцева,

---

¹ Франко І. Двоязычність і дволичність / Іван Франко // Мозаїка. – Львів, 2001. – С. 263–277.

² *pro foro externo* (лат.) – формально, офіційно.

опублікована в «Киевской старине», відслонила нам одну картку тої історії; швидко надіємося одержати нову ревелюцію, яка освітить самі початки тої історії в 1850-х роках. Та поки се станеться, подаю один причинок до тої самої матерії і позволю собі нав'язати до нього деякі загальніші уваги, адресуючи їх спеціально до москвофільської молодіжї, до якої була звернена моя стаття в попередній книжці «Літературно-наукового вістника».¹

Дехто з молодих москвофілів сердився на мене, що я в своїм конспекті історії укр. літератури, друкованім у російськїм виданні лексикона Брокгауза і Ефрона, висловився досить неприхильно про діяльність і характер Івана Наумовича². Др. Святитський у «Живой мысли» похитав, так сказати, головою на мій осуд і побажав мати його більше мотивованим, а ось др. Дамов у своїй побрехеньці, іронічно названій «Горькая истина» і друкованій недавно в «Галичанине», побіг аж до «благородного українофила» М. Павлика позичати лайки на мене і на ціле Наукове товариство ім. Шевченка за те, що я буцімто зневажив пам'ять Наумовича. Що ж, за лайкою у нас далеко ходити не треба, особливо коли хто задовольється павликівською, голословною, подиктованою ображеним почуттям, а не розумом. Але ось що дивує мене: ані др. Святитський, ані др. Дамов, ані ніхто з молодших москвофілів не попрабували ввійти в саму річ, зачеплену мною, і показати речевими доказами нестійність мого суду. Адже Ів. Наумович і його діяльність не за горами, а у людей, що величають його як апостола і вважають його пам'ять святою, повинні б бути під руками факти, супроти яких мусила би замовкнути всяка неприхильна критика. Правда духова великість і правда заслуга не боїться світла критики і перетриває всякі і найзлюбніші вибрики партійної критики. Візьмім Шевченка. Скільки то від самого 1859 року написалися про нього поляки, якими калюмніями обкидали його по смерті, скільки на-

---

¹ «Літературно-науковий вістник» – перший всеукраїнський літературно-науковий і громадсько-політичний часопис, що виходив з 1898 року по 1932 рік. Заснований за ініціативою Михайла Грушевського. Видавався часопис Науковим товариством імені Тараса Шевченка.

² Іван Наумович – галицький письменник, політик, видавець, церковний і громадський діяч, греко-католицький, а згодом православний священник, один із провідників галицького москвофільства.

сміялися з нього наші москвофіли і насердилися на нього наші клерикали! Він був і «chłop», «rijak», «szaleniec», «hajdamaka», «богохульник» та «безбожник» і т. д., а проте його слава не паде, а росте, і чим глибше критика вникає в його твори, тим більше красоти знаходить в них; і чим більше деталей із його життя виходить на денне світло, тим більше ми вчимося поважати і любити його також як чоловіка. Се правдива велич, та се zarazом огнева проба для всякої фальшивої, дутої величі, що вона аніруш не може витримати історично-критичної перспективи.

Щодо Наумовича, я вже показався фатальним пророком. Буде тому швидко п'ять літ, як д. Мончаловський при кінці своєї книжки про Наумовича шумно заповів, що його поклонники при-ступають до друкування збірки його творів, яка, – говорить д. Мончаловський, – займе зо сто томів. Розбираючи ту книжку в ЛНВ, я тоді ж сказав, що з сеї шумної заповіді не буде нічого, що москвофіли не видадуть не то сто, але ані одного тома творів Наумовича, а то з тої простої причини, що збірне видання тих творів було би zarazом смертельним ударом для штучно роздутої слави його, показало би всю безвартність його писань. І справді, з заповіді д. Мончаловського досі не вийшло нічогосінько, крім, може, одного-двох передруків Наумовичевих повісток у популярних москвофільських виданнях. Для наукового видання творів Наумовича, для докладного пізнання та освітлення його життя, для оцінки його літературної та просвітної діяльності москвофіли не зробили також нічого.

Як се пояснити? На мою думку, тут лежить глибока психологічна проблема, якої коріння сягає малодосліджених досі тайників – зв'язку людської психіки з тими нібито конвенціональними, а проте так дивно органічними системами звуків, що називаємо рідною мовою. Здається, що таке рідна мова? Чим вона ліпша для мене від усякої іншої і що мені вадить при нагоді замінити її на всяку іншу? Практик, утилітарист, не надумуючися ані хвилини, скаже: пусте питання! Мова – спосіб комунікації людей з людьми, і, маючи до вибору, я беру ту, яка дає мені можливість комунікуватися з більшим числом людей. А тим часом якась таємна сила в людській природі каже: «Pardon, ти не маєш до вибору; в якій мові вродився і виховався, тої без окалічення своєї душі не можеш покинути, так як не можеш замінитися з ким іншим своєю шкірою». І чим вища,

тонша, субтельніша організація чоловіка, тим тяжче дається і страшніше карається йому така переміна. Візьміть для прикладу двох геніяльних українців – Гоголя і Шевченка. Як безмірно корисніші були обставини, серед яких писав Гоголь, у порівнянні до тих, серед яких пройшло бурлацьке та невільницьке життя Шевченка! А в їх духовій діяльності що бачимо? У Гоголя прудкий хід на недосяжні височини артизму, та на тих височинах заворот голови, внутрішнє роздвоєння, чорні сумніви і упадок у дебрі містицизму; а у Шевченка рівну, ясну дорогу все вгору та вгору, все на вищі, світліші височини, до таких гармонійних акордів гуманної евангелії, як «Марія». Які були причини такого кінця Гоголевої кар'єри, різні різно пояснюють, та все-таки серед тих причин важне місце займають відчуження геніального українця від рідної мови та його болюча внутрішня трагедія, якої відкриття завдячуємо пані Єфи-менковій.

Отеє внутрішнє роздвоєння було також, можна сказати, трагедією нашого галицького москвофільства. Люди, що могли б були зробитися позиточними діячами на рідній ниві, люди талановиті і працюючі, перенявши нещасною манією – міняти свою рідну мову на чужу, раптом робилися мов духово в часті спаралізовані, втрачали живе чуття до живих потреб рідного народу і вимог сучасності, забивалися в мертву і навіть науково безплідну старовину, як Петрушевич, марнували свій талант, як Микола Устиянович та Гушалевич, або кидали рідний край і йшли туди, де їх внутрішнє роздвоєння хоч по часті могло бути коли не усунене, то заглушене (Головацький і многі інші ренегати, остатній Ю. Яворський).

Може, найтрагічніша, та ні в яким разі не найсимпатичніша в тім ряді була доля Івана Наумовича. Чоловік, без сумніву талановитий, енергійний і невтомно працюючий, але з малою освітою, при тім сильно вразливий і податний на всякі подуви, він увесь вік був жертвою найрізніших сугестій, скакав із одної суперечності в другу, і все з тим самим запалом, з однаковою ширістю і пристрастю. Одиноким якорем рятунку для такого чоловіка, обік основної освіти, могла бути гаряча і непохитна любов до рідної мови і до рідного народу. Вона давала б його хиткому човну той доконче потрібний баласт, без якого нема рівного, і певного курсу.

Що відірвання від рідного ґрунту, поперед усього від рідної мови, мало фатальні наслідки на весь психічний устрій і на всю лі-

тературну працю Наумовича, на се маємо класичне свідоцтво його самого, його лист, писаний д. 31 марта [1882] з львівської тюрми до жінки і відчитаний на розправі. «Нынї пречудный день, – пише Наумович у тїм листі, – лиш жїй и наслаждайся Божїмъ свѣтомъ, а я тутъ сижу, Господь знаеть за що, хиба за мой нерозумъ. Збывшись долговъ, маючи помочъ отъ Николая (сина-лікаря, що був на службі при залїзниці в Росїї), лишъ Бога хвали й наслаждайся его добромъ. Но якоесь фатумъ женеть мене въ политику такую безумную, за которую встыдаться мушу самъ передъ собою. Та кобы якъ найскорше скончилось тое испытаніе! А може, Господь допустилъ его на мене нарочно, чтобы тутъ, въ вязницѣ, особенно раздумати мой нерозумъ и чтобы повернути до моего прежняго честного труда, коли то я вѣрно служилъ народу, церкви, державѣ, подносячи добро народа въ чистомъ австрійскомъ патріотизмѣ, безъ всякихъ безумныхъ выходокъ. Тогда мене всѣ любили й почитали й сами польскїи газеты о мнѣ похвально выражались, та не знаю, якъ я могъ от моей разумной дороги отдалитись. Но теперь маю истинно часъ въ самомъ тое все собѣ збрідити, вѣрь менѣ, що читаючи тутъ книжки не могу знести нїякихъ политическихъ статей, такъ мене то все мерзить. Моєю задачею было просвѣщати народъ наукою, а не мѣшати тамъ ничего изъ политики. Свѣтъ великій, природа, церковь, господарство, вотъ предметъ чудный, неизчерпаемый. И такъ скоро мене Господь увольнитъ, не умачаю уже николи мого пера ани до политическихъ, ани до религійныхъ споровъ». [Стенографическій отчетъ изъ судебной росправы по дѣлу Ольги Грабаръ и товарищей. Львов, 1882. С. 196] (Тут і далі в цій статті літера «ять» передається українською «і»)

Читаючи сей лист, маємо чуття, що Наумович говорить тут зовсім широко і справді відчуває те, що говорить, хоч, прим., як би його запитати, коли ж то в його діяльності був той блаженний час, коли він працював для просвіти народу без ніякої укритої політичної думки, то він ледве чи міг би на се відповісти ясно, бо ж на правду його діяльність, не числячи невинних із просвітнього погляду писань перед конституційною ерою, починається піднесенням обрядового питання, що мало далеко більше політичний, ніж чисто церковний підклад. І вже тоді ми бачимо у нього також язикове роздвоєння, бачимо намагання писати для простого люду чистою народною мовою, але про «вищі» справи і навіть у приватних

листах уживати язичія, що мало бути сурогатом і переходом до російської мови, яка робиться його справжньою національною мовою. Коли і серед яких саме впливів довершився той розрив у душі Наумовича, ми наразі не можемо вказати; з матеріалів, які маємо під рукою, видно, що вже в початку 1875 р. сей розрив був доконалий.

«Милостивий Государь, – пише Наумович до одного знайомого д. 14 січня 1875 р. – Послі отдачи письма моего на почту я перечиталь Слово й превосходную его статью о нашемъ обществѣ» і т. д. Так пише інтимно чоловік, який заставляв усіх галичан любитися народною мовою в своїй «Науці»; значить, уже тоді, пишучи народною мовою для селян, він уважає сю мову чимось менше вартним, негідним того, щоб сам уживав її в інтимній переписці з приятелями.

І те роздвоєння мститься на нім. Не почувуючи моральної опори в тім, що чоловікові найрідніше, він не знаходить її і в найближчих собі людях. Д. 28 січня 1875 р. він ось що пише до одного знайомого про свого найближчого співробітника при виданнях: «Съ Б-мъ маю сердечную грызоту. Не жаль бы мені было, если бы я поділился моимъ доходомъ съ человекомъ честнымъ, но стояти подъ курателею такого обманщика, то уже невозможно выдержати. Теперь онъ уже открылся, кто онъ есть. Вся предплата за «Читальню» его, ты Наумовичъ лишь пиши, купи образки, суши собі голову, а деньги до Б...!» А в листі до іншого знайомого з весни того ж року читаємо:

«Милостивий Государь! Ви пишете о Б. мні то, что мні хорошо известно. Я играю роль его коровы, которая даёт ему молоко, сыръ, масло, а самая получаетъ такую пашу, якъ ему угодно. И за всё то я ещё долженъ знати о томъ, что онъ Редакторъ и что онъ можетъ укоряти й ругати Наумка въ присутствіи своихъ хлопцовъ. Но знаете, мені съ нимъ ни жити, ни розлучитися. О томъ много говорити, и поговоримъ при способности. Я надіюся быти въ Львові, если мене не завозвуть телеграфично въ якомъ важномъ ділі».

Ми не маємо можності перевірити, наскільки оправдані були жалі Наумовича на Б., але маємо докази, що він при інших нагодах так само некорисно відзивався про обох адресатів, до яких були писані отсі листи, як також про інших своїх співпартійників і товаришів оружжя. Одно тільки можемо сказати, що такою бідною си-

ротою, що дала б визискати себе, Наумович не був ніколи. Треба знати, що в ту саму пору, коли він отак жалувався на визиск з боку Б. при виданню своєї «Науки» і «Читальні», він брав на ті видання рівночасно аж дві субвенції, а то від австрійського уряду в сумі 2000 гульденів річно і від російської амбасаді в Відні, і обі ті субвенції ховав собі до кишені. Що й понад те за кожний свій письменний твір він умів торгуватися хоч би і з тим самим опльованим Б..., доказує дальший виривок із цитованого вище листа з весни 1875 р.

«Я писалъ ему (Б-у) сегодня, чи не схочеть онъ перепечатати «О четырёхъ зілляхъ Онуфрія Грушкевича». Это повість понравившаяся всего лучше изъ моихъ писемъ. Народъ настойчиво домагается перепечатаня ея. Я ему писалъ, чтобы онъ купил собъ ее на власность за 300 р., а Катехизъ пчеловодства за 50 р. Я любопытень, что онъ отвітить. У меня теперь большія издержки на дітей: синъ одинъ въ Віні медикъ, стоить больше 600 гульд., другій въ Львові 300 гульд., дві дочки въ Росії тоже больше 700 гульд., дома учитель дітей 200 гульд., а еще й хозяйство я теперь взялъ въ свои руки – издержекъ очень много. Я любопытень, что онъ отпишетъ? Онъ любить все взяти дурничкою. Катехизъ народний взялъ за 60 гульд., Заливайка съ образками всіми за 80 гульд., а отобраль певно уже въ шестеро. Я его поставилъ на ноги, а онъ готовъ мене пожертвovati, если би только у него была потому сила. У того человека сердца нить, а народолюбіе только въ грошехъ».

Але коли зважимо, що Наумовичів «Онуфрій Грушкевич» має несповна 5 аркушів друку, то жадана за нього ціна 300 гульд., як на тодішні часи, зовсім не була така скромна; а коли згадаємо, що за таке віршоване дрантя, як «Луць Заливайко», Наумович велів заплатити собі 80 гульд., то мусимо сказати, що й у нього була, кажучи московською приказкою, «губа не дура».

Що се внутрішнє яzikове роздвоєння у Наумовича сягає геть у 1860-ті роки, на се маємо доказ у його листі до Ом. Партицького, яким він відповів на його запросини писати для збірничка «Зоря», видаваного «Просвітою». Ось що писав він д. 6 липня 1869 р.:

«Всечестнійшій Господине! Съ сердечною радостью я получилъ первый плодъ – «Зорю» Вашего товариства «Просвіты». Ещѣ въ 1850 году, бивши въ сіменище, я пересвідчень былъ, що мы образуємо висшіи верстви нашего народа, а не даючи ніякого

корму духовного сільському народови, будемь всегда безсильними, й вороги нась задавлять, якъ то истинно видимь ныні на ділі. Народъ нашъ такій тёмный, що своїхъ найбільшихъ друговъ и пророковъ не уміє познати, й слушає борше вороговъ, якъ своїхъ, якъ-то побачилисьмо при выборахъ. Если би ми тихъ 20 літь свободи били употребили всь наши силы на такіи популярніи издания, мы стояли би ныні далеко висше, й чувство народности овладіло би уже цілымъ народомъ. Для того не могу отказати Вамъ мого соучастья въ такъ великомъ й благородномъ ділі, и буду Вамъ прислати статіи различного рода, скоро время изволить. Теперъ же простіть, що Васъ обременю прошеніємъ. У нась испытъ въ Понеділокъ, а отти маю іхати еще на Зиспиты, яко делегатъ деканальный. Посилаю 5 р., за котори будете ласкави прислати 60 екземпляреи Зори, за 1 р. извольте купити молитвословцевъ, а за 1 р. образковъ русскихъ. Извиніть смілости моеи, що Вамъ такіи препорученія ділаю, но знаючи, що пишу до друга народа й дітей нашихъ русскихъ, надіюся, що не мені, но тим же дітямъ тую прислугу охотно сділаете. Зорю приняла дітва съ неимовірнымъ одушевленіємъ. Уже наші въ ціломъ селі знають еи ціле содержаніе. Видавайте скоро другій выпускъ, до котораго я гдешо пришлю конечно, несмотря на дуже мало остающоюся мені времени. Прошу принять вираженіе глубочайшого почтенія. І. Наумовичъ. Стрільче 6/7 1869».

Треба зазначити, що власне в ч. 1 «Зорі» Партицький помістив віршик Наумовича «Ворона, сорока й сова», передрукований із «Ластівки», – відси, мабуть, і ті похвали Наумовича для «Зорі», в якій не було, зрештою, нічогісінько такого, чим мусила би одушевлятися сільська дітвора. Що Наумовичева обіцянка – писати до «Зорі» – також була нещира, видимо з того, що далі він не то що не дає до неї і загалом до видань «Просвіти» ані одного рядка, але починає думати над заснованням нового, «свогого» товариства, щоб зробити конкуренцію «Просвіті». Та для нас у тім листі далеко важніші та принагідні вислови, які дають пізнати світогляд Наумовича, його погляд на народ і його потреби.

Народ наш темний, до тої міри темний, що при виборах слушає борше ворогів, ніж своїх «найбільших друзів і пророків». Кого вважав Наумович у 1869 році тими «другами і пророками», докладно не знаємо, та важні тут його слова, що мета освіти в тім, аби

«чувство народности овладіло цілымъ народомъ», то значить, щоб маси простого народа слухали своїх «другів і пророків» і піддержували їх. Ті «други і пророки», не даючи простому народові ніякої духової поживи, будуть усе безсильні; значить, їх сила, або, як каже Наумович на початку листу, «образоване высших верстов» – оте є головна мета національного розвою. Що в наївності свого сангвінічного темпераменту Наумович у першій лінії себе самого вважав таким другом і пророком галицько-руського народу і одним із перших обов'язків того народу вважав піддержувати його матеріально, на се в його публіцистичній і парламентарній діяльності щокрок знаходимо яркі докази. Коли йому вигибла його велика пасіка (десь у початку 1870-х років), він порушує сю справу навіть у парламенті як якесь національне руське нещастя. Переносячися з парафії на парафію, він обурюється, що мужики жадають заплати за перевіз його речей, і взагалі на конкретних, близьких собі мужиків, із якими має діло в щоденнім житті, він дивиться зовсім не як на матеріал для своєї просвітньої та педагогічної діяльності, а як на якусь ворожу масу, для якої шкода його праці. Ось його лист до одного знайомого священика, недавно дарований для бібліотеки Наук. Тов. ім. Шевченка, лист справді неоцінений для характеристики того «апостольського» духа, з яким Наумович брався до своєї просвітньої праці. Подаємо тут у цілості:

«Любезнійший друже! На послідное Твоє письмо поздно тобі отписую, бо знаєшь, сколько у мене всякого рода занятій. Я послухаль твоей рады и написал прошение до Консистеріи, но ещё не надаль на почту, суть бо нікоторьыи мои сусіды противни тому, чтобы Консистерія не хотіла мені гдещо приписовати взглядомъ уніи, папи й пр., отже, ещё здержуюся, не будеть ли Наука й безъ такой помочи существовати; й видится, що будеть, – есть бо до сихъ поръ уже до 900 предплатителей, й съ каждымъ днёмъ надтягають нови, такъ що назвати можна ей состояніемъ блистательнымъ, а надежда на ещё лучшее.

Не могу ти подати списа пренумерантовъ зъ Долинскаго для того, що головний списъ есть въ Коломыи, бо многи прямо тамъ пренумерують, отже, ажъ зъ Неділі буду въ Коломыи й скажу сынови списати. Ты, любезнійшій, мечтаешь о Коломыйщині, не знаючи Коломыйщины! Знаєшь, що если бы моя нужда мене [не] приковала до мого Стрільча, если бъ я могъ перевезти мою пасіку где-

нибудь, был бы я найщасливійшій, якбымь могь ещё якіи инніи, не Коломыйскіи сторони побачити. Позволь, щобы я тобі описаль Коломыйщину, до которой я колись въздыхаль.

Я получилъ приходъ мой 1867 года, а если бы не былъ приходъ а найгорша капелянія, я былъ бы доволенъ для того, що съ гр. Потоцкимь, моимь прежнымь коляторомь, я иміль очень непріятни отношенія, и зъ его добрь я ити былъ принуждѣнный. Исторія то очень любопытна, и она буде колись описана, а по моей смерти выпечатана, бо лицами дѣйствующими въ ней били: папа, нунцій, архієпископъ Віршлейскій, митр. Литвиновичъ, парохъ Вирскій, арендарь, повітовый урядъ Бобрецькій, Голуховскій, послы соймови польски й пр. пр.

Приіхавши до Стрільча, которого поміщикъ пок. Іаноха мені дуже спріяль, попросилъ я парохіянъ, щоби по мои річи выслали фіры до Коршева, 5 миль, до желізниці. – Много фірь треба? – вopросили мене. – 7-8 фірь. – Въ нашомь селі нема только фірь, коньскихъ, а може бы и стягнулося, каже войтъ, та по колько имъ обіцяете дати? Я отрекъ, що было бы зъ ихъ стороне не хорошо, щобы мене не звезли, коли то всюда такій звичай. Люде поглянули по собі, й поросходилися. – Таке било первое принятіе! Я спровадилъ мои річи своими фірами, и мои парафіяне ажъ зъ Коростна звезли мене сюда. Привезши річи й познавши тутейшихъ людей, якъ звичайно свой свого заразъ наилучше спознае, прійшоль одинъ изъ нихъ до мене и съ плачемъ повідае: Отче, вертайте назадъ, то не люде тут, то звірі! шкода васъ тутъ. – И знаешь, истинни слова сказаль. Я уже 5 літь тутъ, и до тыхъ звірей не могу привикнути. Ни Бога, ни віры, ни чести, ни чувства христьянского, ни челоуіческо-го, то совершенно инна раса не тыхъ людей, межи которыми я зродился и взросъ. И які люде, такі сами й священники. Я тутъ не могу жити, лишъ съ такими, що не зъ тыхъ сторонъ, якъ Дебельскій, Полевый, Глинскій, съ здішними не могу жити, бо то розбойники, опришки!

Мой попередникъ за похорони взяль 280 морговъ поля, которое нынъ варто щонайменше 30000 р. Въ Торовици (sic!) ещё лучше діеса, въ Чернятині такъ само й такъ больше-менше всюда. Народъ здичіль, а збіднілъ до крайности. Ты думаешь, що у нас богатства, а вотъ въ моёмъ приході на 300 нумеровъ нить одного газди, щоби малъ дві пари худоби!! То значить, ни одинъ не має своего

плуга. У насъ который має пару бычковь, зовѣтся богачѣмъ страшнымъ, а который має всего 2 овечці, то уже также числится до багачевъ. Церковь якбысь побачивъ въ Стрільчі или въ Серафинцяхъ, Ясенові и т.д., ты бы не увіриль, що то церковь. Через 5 літь я не малъ ни одной фіръ зъ села до гною, до сноповъ, до дровъ, а роботникъ йде щонайгоршій до мене и за больши гроши якъ до двора, такъ, що газдовство у насъ не выплачуеся съ всемъ, хиба такому, кто йде розбоемъ. Бывало я въ давныхъ моихъ приходахъ по обідахъ весіляхъ съ любезнымъ народомъ забавлюся; тутъ разъ я отважился ити на весілье до мельника, не простого мужика, й утікъ, бо одинъ замірялся бити меня. Отъ тогды я уже не знаю, що то обіды въ хаті. О пянстві, о розбояхъ нашихъ коломыйскихъ не маешь выображенія, а о лінивстві тымъ менше, треба бы го выдіти. Человікъ съ якимъ-то лучшимъ поглядомъ на світь въ Коломыйщині не жіє, лишъ мучится. Зъ Коломыйщины ніть на Руси ни одного патріота, ні одного ударованого человекѣ. Довольно, если я минувшой осени, змерзивши собі тутъ житья до крайности, выслалъ мою жену въ Холмъ, щобы мені тамъ містце зробила; но Попель мой другъ удостоилъ мене такимъ приходомъ, где кромъ 300 рублей ничего больше ніть, извиняся, что ніть міста, а мість въ самомъ Холмі были несколько! Послі сей неудачи я уже принужденъ здісь мучитися, но кажу тобі велика-то мука жити межи такими звірями. Видячи, що господарити не возможно, бо роботника ніть, одна пасіка, вся моя надежда! Все поле лучше засіваю білою конюшиною, и пасіка на велику стопу. Сего року выставлю 450 пней, и могу легко дойти до 800 пней. То уже капиталъ, дающій отсотковъ 4 - 5000! А містце у мене цілкомъ не соотвѣтне.

Такъ, любезнійшій, не мечтай о Коломыйщині, Коломыйщина не русска, но жидовска й орменска. Ормени по звірски обходилися съ тымъ народомъ, й онъ сталъ звіремъ. Человікови съ лучшимъ чувствомъ тутъ чи возможно жити. Трещаковскій былъ тутъ, но утікъ зъ кукурузовъ, а пойшоль на пісочокъ до Рудна, й тамъ жилъ щасливійше, бо тамъ совершенно инни люде. Ты знаешь, що въ Коссові мужики съ друками стали передъ салею виборчою, грозящи священникамъ смертію, который важилбы ся въ салю поступити? Ты не знаешь, що коломыйскій мужикъ передъ жаднымъ священникомъ шапки не здойме, но съ поруганіємъ поглядає на него, а жида въ руку цілує? У мене цілій рокъ никто передъ мною шапки

не здоималь, ажъ теперь уже втягнулися. Если бы не така нужда моя, що съ пасікою не можна переволюкатися, я бы тутъ не былъ, бо Митрополить обіцялъ мені парохію, где онъ презентуе, но годі мені рушитися, если не хочу знищити пасіку съ всемъ.

Такъ ты встаючи-лягаючи дякуй Богу, щось не въ Коломыйщині! Въ III книжць «Науки» може ти неприємно буде читати о дякахъ; я каюся, щомъ то написаль; но мене до живого то розсердило, що одинъ мой сусідъ священникъ между условіями, подь которыми пріймае дяка, положилъ то, щоби кождой ночи зима й літо спалъ въ стайни коло коней. Издаваемая нами «Читальня» буде занимательна. Дякуй тобъ за похвалу «Науки», но Слово не спріє мені, по какой причинъ, не знаю.

Много я бы съ Тобою малъ побесідовати, но шкода, що до Тебе нить желізниці. Если бысь коли въ Маю или въ первыхъ дняхъ Червня былъ въ Станиславові, зателеграфуй менъ, а я приїду, но въ первыхъ неділяхъ весни нить, бо буде нападъ въ пасіці, тогды отдатися не могу.

Білоуса печатня подносится, уже має нови черенки, и наміряє купувати Schnellpresse въ Львові стару за 800 р. – Се добрий знак.

Мы розвинемъ велику діяльність и велику силу, и польска осята поїде въ куть, скоро только мой катехизъ народний и историчний розойдеся хоть въ 2000 екземплярахъ.

Кончу, бо соньце блисло, й мушу до пчель ити, щобы ихъ непустити, бо студени пропали бы.

Цілую Тя й всю твою милую родину якъ найсердечнійше вразъ съ мою женою. Твой другъ И. Наумовичъ. Стрільче 22/3 1872. Не сообщай сего никому о нашихъ священникахъ и пр.».

Із маси невеселих рефлексій, які насуває сей лист, піднесу лиш одну. Отже, восени 1871 р. Наумович думав емігрувати до Холма, вислав туди свою жінку, щоб виеднала йому там місце, та Попель не знайшов для нього іншого місця, як парафію з 300 руб. річного доходу. <...>

Моєю власною слабою стороною є те, що я дуже мало вмію цінити гроші, з великою шкодою для моєї родини. Коли б я хотів карбованців, я б міг їх черпати повними пригоршнями в самій батьківщині карбованця. Нещастя переслідували мене в моєму житті безнастанно, і в 1861 р. я через пожежу втратив все своє майно; а це був час, коли побивалися про священнослужителів для

Холма, і мені усміхалося дуже корисне становище. Я не пішов, терпів нестатки ці тільки для того, що вирішив собі служити своїй милій батьківщині, Галицькій Русі, всіма своїми силами. Трапилася і друга можливість йти на батьківщину карбованця, куди запрошено мене на етнографічну виставку до Москви; була і третя можливість, але я не скористався з неї, бо не міг і подумати, щоб покинути свою рідну землю.

Ся «*trzecia sposobność*», се очевидно той сам факт, про який мова в вище наведеним листі, і ми бачимо, що справа стоїть зовсім не так, як представляє її Наумович у 1882 р.

Що й друга нагода зовсім фантастична, се очевидно; коли Наумовича запросили на слов'янський з'їзд до Москви 1866 р., то се ще зовсім не значить, що там зараз мало бути наставлене корито, з якого він міг би черпати рублі повними прогорщами. Не інакше було й з першою нагодою, вербунком до Холма, вже хоч би тому, що тут Наумович був послом і, може, надіявся за приміром гр. Шашкевича зробити з часом і політичну кар'єру, а там, крім парафії, не міг надіятися нічого.

Читаючи нарікання на Коломийщину в листі з 1872 р., подумає всякий певно, що перенісшися в іншу околицю, на Поділля, Наумович буде задоволений. Еге ж! Восени 1872 він одержав парафію Скалат, звідки в 1873 р. був вибраний послом до віденської ради державної, а вже в 1875 р. йому сприкрилося й се нове місце і в листі до одного львівського знайомого з 14 січня 1875 р. він строїть ось які плани: «Я приймаю собі прив. сотрудника до Скалата, даю ему 200 зр. й доходи, а самъ получаю 1000 зр. за поле й поселяюся съ женою и дітьми въ Коломыи. Яко приходникъ приїду нісколькo разъ въ годъ въ Скалатъ, напр., въ время Воскресенія или въ постъ и пр. Конечно изъ Скалата уїду». Певна річ, сього плану він не виконав, але само сновання таких планів чи не свідчить про те, що і з тою парафією не в'язали його ніякі сердечніші зв'язки?

В своїй біографії Наумовича сказав д. Мончаловський про нього, певно думаючи сказати йому сим великий комплімент: «Замічательна еще й слїдующая особенность, рідко встрѣчающаяся у образованныхъ людей: Ив. Наумовичъ уміль говорити подвойно, иначе, т. е. другими словами й другимъ складомъ для крестьянъ, а снова другими словами й другимъ складомъ для образованныхъ

людей». Тото й єсть, що за словами і складом пішов і зміст, що Наумович вихваляв перед селянами тих, кого перед освіченими товаришами називав розбійниками та п'явками, і дійшов нарешті до повного розбрату між словами і ділами, до того, що він на судовій розправі назвав своєю істерією. Се не була звичайна істерія; Наумович був чоловік сильно збудований і фізично здоровий; його лист, писаний із тюрми до жінки, не виявлював сліду патологічного стану. Се був періодичний бунт сумління, реакція здорової природи проти того неприродного психічного роздвоєння, в яким їй доводилося жити. <...> «Я маю часто такі хвилинні гістеричні приступи, знають про це всі мої знайомі і сусіди. В тюрмі це нічого дивного, ще була така хвилина суму і жалю за сім'єю: так згадуючи про жінку і дітей без опіки і порад, в хвилину болу серця я писав, щоб заспокоїти жінку, щоб не подумала, що я ще колись знову міг на себе стягнути такі ж неприємності. Але сьогодні я, однак, відкликаю те все, зазначаючи, що писав я це в хвилину важкого жалю за сім'єю під дією приступу гістерії, і засвідчую, що моїм наміром є, коли вийду з тюрми, вживати далі всі свої сили на службу народові в спосіб, який визнаю за найкращий, бо, як вийду, буду завжди австрійським громадянином, і мені будуть служити всі права цього громадянства, і хто знає, чи не змушений буду працювати ще на політичній ниві».

Се не було останнє відкликання в житті Наумовича. Вийшовши з тюрми, він поперед усього відкликав свої голосні заяви про свою вірність унії – і прийняв православіє. Потім відкликав своє австрійське горожанство і перенісся до Росії. А побачивши там, що його мрії про російський рай полягали на ілюзіях, відкликав усе своє життя – зажив отруту.

Із секретів поетичної творчості¹ (1898)

I. ВСТУПНІ УВАГИ ПРО КРИТИКУ

Певно, не раз тобі доводилося, шановний читачу, вичитувати в критичних статтях та оцінках такі осуди, як: отес місце ви-йшло вельми поетичне, мова у сього автора вельми мелодійна, або на-впаки: в тих віршах нема й сліду поезії, проза сього автора суха, мертва, рапава, вірш дерев'яний і т. д. І коли ти не привик без думки повторяти чужі осуди або хоч бажав виробити ясне виображення про те, що властиво значать оті критичні фрази, яким способом критик дійшов до свого осуду і як міг би його виправдати перед скрупулянтним трибуналом, то нема що й казати, твоє бажання було даремне. Критик не говорив тобі нічого більше, не мотивував свого осуду або в найліпшій разі вдовольнявся тим, що приводив пару віршів або пару рядків прози з критикованого автора, додавав від себе пару окриків вроді: ось як сей пише або: ну, що сказати про такий уступі – і лишав тобі самому до волі осудити, як же властиво пише той автор і що справді сказати про сей або той уступ. А властиво ні! Він не лишав тобі сього до волі, а всією своєю аргументацією силкувався згори накинути, сугестувати тобі свою думку. Не можна робити йому з сього закиду. Очевидно, кождий, хто пише, чинить се в тім намірі, щоби піддати, сугестувати другим якісь думки, чуття, виображення, тільки що один уживає для сеї цілі поетичної форми, другий наукової аргументації, третій – критики. Правда, кошти продукції сугестування на сих трьох шляхах досить не однакові. Поет для доконання сугестії мусить розворушити цілу свою духову істоту, зворушити своє чуття, напружити свою уяву, одним словом, мусить сам не тільки в дійсності, але ще й другий раз, репродуктивне, в своїй душі пережити все те, що хоче вилити в поетичнім творі, пережити якнайповніше і найінтенсивніше, щоби пережите могло вилитися в слова, якнайбільше відповідні дійсному переживанню; і вкінці попрацювати ще над тим, уже зовсім техніч-

---

¹ Франко І. Із секретів поетичної творчості / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 31. – С. 45 – 119. (Естетичний трактат, опублікований Іваном Франком 1898 р. у «Літературно-науковому віснику»).

но, щоби ті його слова уложилися в форму, яка би не тільки не затемнювала яркості того безпосереднього переживання, але ще й в додатку підносила б те переживання понад рівень буденної дійсності, надавала б йому коли вже не якість вище, символічне значення, то бодай будила в душі читача певні суголосні тони як часті якоїсь ширшої мелодії, збуджувала би в ній певні тривкі вібрації, що не втихали б і по прочитанні твору, вводили би в неї хвилювання, згідне з її власними споминами, і таким робом чинили би прочитане не тільки моментально пережитим, але рівночасно частиною, відгуком чогось давно пережитого і похороненого в пам'яті. Його сугестія мусить, проте, зворушити так само внутрішню істоту читача, вводячи в неї нове зерно життєвого досвіду, нове пережиття і рівночасно зціплюючи те нове з тим запасом виображень та досвідів, які є активні або які дрімають в душі читачеві й. Сказавши коротко: поет розширює зміст нашого внутрішнього «я», зворушуючи його до більшої або меншої глибини.

Учений не сягав так глибоко, а бодай не мусить сягати. Він відкликається до розуму. Його мета – розширити обсяг знання, поглибити розуміння механізму, яким сплітаються і докопуються явища. Правда, і тут його сугестія звичайно не є чисто розумова, хіба де-небудь у математиці. Адже ж наші розумові засоби підлягають тим самим психічним законам зціплення, асоціації образів і ідей, як усякі інші; значить, усяке нове зціплення, яке до нашої розумової скарбниці вносить вклад ученого, мусить розривати масу старих зціплень, які там були вже давніше, значить, мусить зворушити не тільки чисто розумові, логічні зв'язки, але весь духовий організм, значить, і чуття, що є постійним і неминучим резонансом всякого, хоч би й як абстрактно-розумового духового процесу. Та сього не досить. Адже ж учений, викладаючи нам здобутки науки, мусить послуговуватися мовою, і то не якоюсь абстрактною, а тою звичайною, витвореною історично, привичною для нас. А се значить, що коли він говорить або коли ви читаете його виклад, то без огляду на його і на вашу волю самі його слова викликають у вашій уяві величезні ряди образів, не раз зовсім відмінних від тих, які бажав викликати в вас автор. Ті побічні образи забирають значну часть вашої духової енергії, спроваджують утому, наводять нудьгу; річ талановитого писателя викликувати якнайменше таких побічних виображень, якнайменше розсівати увагу читача, концентрую-

чи її на головній течії аргументації. Значить, те, що ми назвали поетичною сугестією, є почасти і в науковій сугестії; чим докладніша, доказніша має бути наука, тим сильніше мусить учений боротися з сею поетичною сугестією, отже, поперед усього з мовою, – відси йде, напр., konieczність витворювати наукову термінологію, звичайно, дику, варварську в очах філолога, або звичай уживати для такої термінології чужих слів, відірваних від живого зв'язку тої мови, в яку їх вплетено, – на те, щоби не збуджували ніяких побічних образів в уяві.

А яка ж є сугестія літературного критика? Чи вона поетична? Деякі сучасні французькі критики, головню Леметр, готові зупинитися на тім. Ось, напр., Леметрові слова про критику, висказані в його статті про Поля Бурже: «Зовсім очевидно, що, як і всякий інший писатель, критик мусить вкладати в свої твори свій темперамент і свої погляди на життя, бо ж він своїм розумом описує розум інших... Значить, критика є так само особистою, так само релятивною і через те (?) так само цікавою, як і всі інші роди літератури». Завважте, Леметр подає ті крайне недокладні і в значній мірі невірні слова як речі, що розуміються самі собою! А тим часом яка ж тут логіка? Коли критик вкладає в свої твори свої погляди на життя, то які се можуть бути погляди? Або вони будуть – лишимо на боці догматичне «вірні-невірні» – ну, згідні з поглядами більшості його читачів, так сказати, вульгарні, і в такому разі критик не буде потребувати мотивувати їх ближче, – або вони суперечні з поглядами більшості, в такому чи іншому напрямі революційні, і в такому разі критик мусить зробитися пропагандистом, мусить мотивувати свої погляди більше або менше науковим способом. Чим більше наукові, спокійні, ясні, влучні будуть його аргументи, тим ліпше для нього і для його справи. Значить, виходило би, що чим більше критик зблизиться до типу ученого, тим ліпше відповідь своїй задачі. Але ні! По думці Леметра, з його слів виходить, що критика мусить бути особиста! Чому? Мабуть тому, що, крім своїх поглядів (значить, крім засобу свого знання), критик вносить у свій твір також свій іємперамент (значить, засіб свого чуття і навіть хвилих насіроїв). Так що ж з того? Учений також не може знівечити в собі впливів свого темпераменту, коли пише учений твір, та проте він раз у раз намагається, і то свідомо, систематично зменшити в собі ті впливи; наскільки се йому вдається, від того залежить власне міра його

критичної здібності. А літературний критик, по думці д. Леметра, має право бути цілком особистим, т[о] зн[ачить] може зовсім обійтися без критичної здібності, може писати, як йому подобається, коли тільки пише цікаво.

Свій погляд на критику договорує д. Леметр ось якими характерними словами: «Критика різnorodна до безконечності, відповідно до предмета її студій, відповідно до духового складу самого критика і відповідно до поглядової точки, яку він вибере собі. Предметом її можуть бути твори, люди і ідеї; вона може судити або тільки дефініювати. Бувши зразу догматичною, вона зробилася з часом історичною і науковою; та, здається, на сьому ще не зупинився процес її розвою. Як доктрина – вона несолідна, як наука – не докладна і, мабуть, іде попросту до того, щоби зробитися штукаю, користуватися книжками для збагачення і ублагороднювання своїх вражень». Коли що-небудь можна зрозуміти в тій блискучій галімації, так се хіба те, що д. Леметр прокламує повне банкрутство критики – звісно, такої, як він сам розуміє її. Бо справді, доли критика (говоримо тут усе про літературну критику, а коли д. Леметр так собі по дорозі притягає сюди за волосся також критику «людей і ідей» і про все разом висказує свій дальший осуд, то чинить се або навмисне для збаламучення читача, або сам не знаючи, що чинить) не має ані солідної доктрини, ані доброго наукового методу, то вона не зробиться навіть, як думає д. Леметр, штукаю смакування книг, а зійде на пусту, хоч і «артистичну» (т. є. блискучу по формі) балаканину або, ще ширше, на прислужницю літературної моди, що дуже часто буде рівнозначущим з прислужництвом зіпсованому смакові гнилих, дармоїдських, декадентних та маючих і впливових верств. Читача, котрий би жадав від критики якихось певних вказівок чи то на полі естетичного смаку, чи на полі літературних ідей або життєвих змагань, ся критика лишить без відповіді, а недогадливих потягне за собою блиском зверхньої форми, заставить їх кланятися літературним божкам, які їй подобаються і які не раз замість здорової страви подаватимуть їй отруту. Страшним прикладом може тут служити власне сучасна французька критика, або безідейно-суб'єктивна, як у Леметра, або безідейно-догматична, як у Брюнет'єра, в усякім разі нібито артистична, т. є. така, що блискучою, ніби артистичною формою маскує свою ненауковість.

Я трохи довше зупинився на словах Леметра головню через те, що він, так сказати, «зробив школу» не тільки у Франції, але й геть поза її границями. Візьмім, напр., видного німецького критика Германа Бара, що є керманічем літературної часті в віденському тижневику «Die Zeit». Суб'єктивна, безпринципна і ненаукова критика доведена у нього до того, що робиться виразом капризу, вибухом ліричного чуття, а не жадним тверезим, розумно умотивованим осудом. «Зухвальством видавалось би мені, – пише він про Верлена, – моїм дрібним розумом обняти сього величного Ми повинні глибоко хилитися перед ним і дякувати, що він був на світі». А тим часом в приватній розмові сей сам Бар признає, що Верлен був нікчемний чоловік і що між його віршами більшина – сміття, а тільки дещо має на собі печать генія. Чим же ж буде його «критика», як не надуживанням шумних слів та ліричних зворотів для одурення читача? Або коли він пише про Метерлінка: «Ми не характеризували його, ми оспівали його. Ми й не думали описувати його істоту; ні, ми тільки видавали окрики захвату. Так сильно спалахнув наш ентузіазм, що його постать через се щезла в димі і парі. Ми не могли нічого про нього сказати; ми співали йому Али-луя!». Що ввело Бара в такий захват? Він оповідає се так само лірично і незрозуміле для здорового розуму. «За всіма його творами почували ми чоловіка, котрий уперве розв'язав язик тайнам, які ми досі боязко берегли в собі. Не те, що він мовив, ні, невисказане і невідоме, що ми почували при тім, чарувало нас так сильно. Він мав ту силу, що міг нам дати почути, що в вічнім, якого ми тільки смієм догадуватися, він наш брат. Те, що він мовив, не мало для нас ніякого значення; в мовчанці ми зближувалися до нього». Можу хіба позавидіти тому, у кого ся ентузіастична тирада викличе яке-небудь ясне виображення, а не сам тільки шум у вухах. Нема що й мовити, що така критика є в найліпшій разі тільки стилістичною вправою, але своєї природної задачі – аналізу поетичних творів яким-небудь науковим методом – не сповнює ані крихітки.

Значить, критика повинна бути наукова. Та до якої наукової галузі має вона належати? Яким науковим методом мусить послуговуватися, щоби досягнути свою ціль? І яка взагалі повинна бути її ціль?

Вернемо ще раз до цитованих уже слів Леметра. По його думці, критика була зразу догматичною, потім зробилася історичною

і науковою, а вкінці (певно, в особі самого Леметра і його школи) змагає до того, щоби зробитися артистичною, творчою чи тільки репродуктивною, штукаю смакування літературних творів. І тут така сама історична галіматія, як уперед була логічна. Критика була насамперед догматична? Що се значить? Чи Арістотель, котрого можемо вважати першим літературним критиком на широку скалю, приступав до своєї праці з готовими вже догмами? І які могли бути ті догми? Наскільки знаємо, Арістотель поступав зовсім навпаки, т. є. зі звісних йому грецьких літературних творів висновував правила, які буцімто кермували поетами при компонуванні тих творів. Значить, Арістотелева поетика була не догматична, а індуктивна: до сформулювання правил критик доходив, простудіювавши багато творів даної категорії. Що пізніші віки брали Арістотелеві правила як догми і прикроювали до них пізніші твори, зложені серед інших обставин, се ще не робить Леметрового висказу правдивішим.

Другим ступнем розвою критики, по думці Леметра, було те, що вона зробилася історичною і науковою. Вже з самої стилізації видно, що д. Леметр не гаразд розуміє, яка може бути наукова критика, і мішає її з історичною, т. є. з історією літератури. Він показує як на приміри критиків – на істориків літератури Нізара, Тена і інших, забуваючи, що задача історика літератури зовсім інша, ніж задача критика біжучої літературної продукції. Бо коли історик літератури має дану вже самою суттю речі перспективу, користується багатим матеріалом, зложеним в творах даного автора, в відзивах про нього сучасних, в тім числі і критиків, в мемуарах, листах і інших чисто історичних документах, то звичайний критик не має майже нічого такого, мусить сам вироблювати перспективу, вгадувати значення, вияснювати прикмети даного автора, мусить, що так скажу, орати цілину, коли тим часом історик літератури збирає вже зовсім достиглі плоди.

Перемішавши таким робом наукову критику з історією літератури, Леметр, мабуть, зрозумів, що стукнувся лобом у стіну абсурду. Бо коли так, то критикові приходилось би ждати, аж критикований автор умре, аж будуть видані всі його твори, листи, документи про його життя, спомини його знайомих і ворогів. Про початкових, молодих, не звісних нікому авторів критик не повинен би нічого говорити. Та, на лихо, д. Леметрові і подібним до нього кри-

тикам прийшлося би в такім разі самим поперед усього пошукати собі іншого хліба, і ось на рятунок являється теорія критики несо- лідної, ненаукової, суб'єктивної, критики свого «я», як характери- зує той же Леметр критику Поля Бурже. «Критикуючи сучасних писателів, він не рисує нам їх портретів, не займається їх життєпи- сом, не розбирає їх книг і не студіює їх артистичних способів, не вияснює нам, яке враження зробили на нього їх книги як артистич- ні твори. Він дбає тільки про те, щоби якнайліпше описати і вияс- нити ті моральні принципи і ті ідеї їх, які він найбільше присвоїв собі з симпатії і з нахилу до наслідування». Може бути, що писан- ня, зроблені таким способом, будуть мати якусь вагу і значення, та тільки ж треба зрозуміти, що з літературною критикою вони не мають нічого спільного, бо власне те, що становить предмет літе- ратурної критики, – розбір книг, вияснення артистичних способів автора і враження, яке робить його книга, – лишаяють критику- суб'єктивісти на боці. <...>

Надіюсь, що шановний читач не поремствує на мене за ті по- лемічні ніби відскоки від простої стежки. Вони все-таки ведуть ме- не до мети, яку я назначив собі, поперед усього показуючи, чим не повинна бути літературна критика. Значить, чим же повинна бути вона? Ми, певно, всі згодимося на те, що вона повинна бути якомо- га науковою, т. є. основаною на певних тривких законах – не дог- мах, а узагальненнях, здобутих науковою індукцією, досвідом і аналізом фактів. Ми згодимося на те, що літературна критика не те саме, що історія літератури, хоча історія літератури може і мусить у великій мірі користуватися здобутками літературної критики. Значить, літературна критика, по нашій думці, не буде наукою іс- торичною і історичний метод може мати для неї тільки підрядне значення.

Так само хибним видається мені погляд т. зв. реальних кри- тиків, сформульований Добролюбовим ось у яких словах: «Для ре- альної критики важний поперед усього факт: автор виводить такого чи іншого чоловіка, з такими поглядами, хибами і т. ін. Ось тут критика розбирає, чи можлива і дійсна така людина; а переконав- шися, що вона вірна дійсності, критик переходить до своїх власних міркувань про причини, що породили таку людину і т. д. Коли в творі даного автора показано ті причини, то критик користується ними і дякує автора, коли ні, то чіпається його, як, мовляв, ти смів

вивести таку людину, не показавши причин її існування? Реальна критика поводитьсь з твором артиста так самісінько, як з появою дійсного життя; вона студіює його, силкується вказати його власну норму, зібрати його основні прикмети» (Н. А. Добролюбов. Сочинения, Т. III, с. 15). Що особливо дивує нас в тих словах, так се цілковите знехтування штуки «реальною» критикою. Для неї твір штуки має таке саме значення, як явище дійсного життя, отже, артистичне оповідання буде так само цінне, як газетярська новинка. Розбираючи артистичний твір, реальний критик поперед усього буде докопуватися, чи введена писателем у його творі людина правдива і можлива в дійсності? Значить, коли писатель змалює портрет дійсної людини або подасть її біографію, то для реального критика се буде цінніше від повісті Гоголя або Гончарова. І що цікавіше, Добролюбов не подає нам ані натяку на те, яким способом критик буде справджувати вірність і дійсність осіб, описаних у артистичнім творі, або вірність і дійсність настроїв, зображених в ліриці. Чи надасться йому тут метод статистичний, чи описовний, чи який інший? І чи твір найвірніший пересічній дійсності буде найліпший? І чи вільно авторові малювати явища виїмкові, людей видуманих і серед більш або менш видуманих обставин? На се все «реальна» критика не дає ніякої відповіді. На ділі ж, оскільки вона розвивалась була в Росії в 50-х і 60-х роках, се була переважно пропаганда певних суспільних та політичних ідей під маскою літературної критики. Як пропаганда вона мала своє велике значення; як літературна критика вона показала далеко не на висоті своєї задачі.

Сі уваги доводять нас і ще до одного обмеження: політичні, соціальні, релігійні ідеї властиво не належать до літературної критики; дискутувати їх треба з спеціальною для кожної науковою підготовкою. Вона може бути у літературного критика, та її може й не бути, і коли літературний критик згори відсуне від себе дискусію над сими питаннями, наскільки вони висказані в якімсь літературнім творі, і обмежиться на саму дискусію чисто літературних і артистичних питань, які насуває даний твір, то він вповні відповідь своїй задачі.

Що ж се за питання, які насуває нам літературний твір поза обсягом втілених в ньому соціальних, політичних та релігійних ідей, т. е. поза обсягом тенденції авторової? І Леметр, і Добролю-

бов мимохіть зачіплюють сі питання, та не вважають потрібним зупинитися на них довше. Се питання про відносини штуки до дійсності, про причини естетичного вдоволення в душі людській, про способи, як даний автор викликає се естетичне вдоволення в душі читачів або слухачів, про те, чи у автора є талант, чи нема, про якість і силу того таланту, – значить, і про те, чи і наскільки тенденції авторові зв'язані органічно з виведеними в його творі фактами і впливають із них? Буде се задача, може, й скромна, та проте важна, бо, тільки зробивши оту роботу, можна знати, чи можна на підставі якогось твору робити якісь дальші висновки про соціальні, політичні чи релігійні погляди автора, чи, може, сей твір як недоладний треба без дальшої дискусії кинути між макулатуру.

Вже з самого сформулювання тих задач, які поперед усього, по моїй думці, має перед собою літературний критик, можна побачити, до якої наукової галузі мусимо відносити його роботу і яким науковим методом він мусить послуговуватися. Літературна критика мусить бути, по нашій думці, поперед усього естетична, значить, входить в обсяг психології і мусить послуговуватися тими методами наукового досліду, якими послугується сучасна психологія.

Могло б здаватися, що се така ясна річ, що властиво не варто було так довго колесити, щоби дійти до неї, і нема пощо з таким притиском виголошувати сю тезу. Адже ж естетика є властиво наука про почування, спеціально про відчущання артистичної краси, – значить, є частиною психології. А в таким разі й основана на ній критика мусить бути психологічною і, тільки бувши такою, може користуватися й тими науковими методами досліду, які виробила сучасна психологія, – значить, може зробитися вповні науковою, спосібною до дійсного розвою, а не залежною від капризів та моди. І тільки тоді вона може як публіці, так і писателям давати певні вказівки, значить, може бути плідною, по-своєму продуктивною. Та вже самі наші дигресії показали, що вони були далеко не зайві, що питання про завдання і метод літературної критики далеко не такі ясні і загальноприняті, як би того випадало надіятись. В дальших розділах нашої розвідки побачимо, що й на полі чисто естетичної критики панує не менша неясність і замішанина понять.

В своїх увагах, що підуть далі, я бажав би познайомити нашу освічену громаду з деякими способами і здобутками новішої пси-

хології спеціально на полі естетики, прикладаючи ті методи до нашого поетичного матеріалу.

II. ПСИХОЛОГІЧНІ ОСНОВИ

Поки перейдемо до роздивлювання естетичних основ поезії, вважаємо потрібним згадати коротко про ті загальнопсихологічні основи, які мають рішучий вплив на процес поетичної творчості. Ми роздивимо тут по черзі три питання, а власне роль свідомості в процесі поетичної творчості, закони асоціації ідей і прикмети поетичної фантазії, а в кінці доторкнемося коротко питання про зв'язок поетичної вдачі з душевними хоробами.

1. Роль свідомості в поетичній творчості

Питання, чи поет творить свідомо чи несвідомо, належить до найстарших та zarazом до основних питань літературної критики. Відколи поезія виділилася з буденної мови і зробилася окремою духовою функцією, відтоді люди почали застановлятися над її основою. Сказати по правді, для тих первісних критиків тут не було ніякого питання. Вони були занадто близькі того джерела, звідки плила їх поезія, занадто різко і ярко почували на собі її вплив, щоб могли вагатися хоч би на хвилю, і вони згідно відповідали, що їх поети творять несвідомо, висказують, – а властиво, виспівують – не свої власні слова, не свої власні думки і образи, а тільки те, що їм піддає якась вища, божа сила. Поезія, по думці старинних народів, се боже вітхнення, *inspiratio*; поет є тільки знярядом божого об'явлення; він не є одвічальний за свої пісні, бо творить їх в непритомнім стані. Сей стан інколи порівнюють зі станом п'яного чоловіка. В староіндійських книгах «Ріг-Веди» і в староперській «Зенд-Авесті» свята рослина Сома, котрої сок упоює чоловіка, називається просто «батько гімнів»; у Гомера вино зоветься «божим» (Одіс[сея], II, 342), а бог вина, Діоніс, був zarazом богом драматичної поезії. У зв'язку з тим стоїть заховане у Павсанія <...> оповідання, що знаменитий трагік Есхіл був товаришем Діоніса; сам сей бог посвятив його на поета, а властиво, співав його устами; упоєний вином Есхіл списував свої трагедії, сам не тямлячи, що пише.

Далеко частіше, особливо у греків, процес поетичної творчості приведено в зв'язок з певного роду божевільством, з духовою хоробою, що в тих часах уважалася опануванням людської душі

демоном. В Гомеровій «Одіссей» те божество, що опановує співака, – раз Муза, то знов Зевес. «Музо, повідай мені про бувалого лицаря», – благає сам автор поеми (I, 1); «Муза співцеві звеліла співати про лицарську славу», – читаємо в іншому місці (VIII, 73). Та найбільш характерне те місце, де Телемах боронить кобзаря Фемія проти докорів своєї матері (I, 345-349);

Пенелопі на се Телемах вельми мудрий одвітив:
«Нене! нащо вбронять кобзареві наш дух звеселяти
Тим, що спадає на думку? Кобзар ні один тут не винен,
Винен Зевес, що по волі своїй і на кого лиш схоче
З неба високого силу таку надсилає».

Пізніше сю силу почали загально приписувати Аполлонові, богові світла, співу, музики і – божевільства.

Низьке хай бавить юрбу, а мені Аполлон кучерявий
Дасть касталійське питво, чару, налиту ущертъ, –

співає Овідій, а в гомерівським гімні (XXV) говориться:

«Музи і далекострільний Аполлон роблять на землі з людей співаків та музиків, а Зевес творить королів. Щасливий, кого люблять музи, солодкі слова пливуть йому з уст» (Hymni Homerici, ed. Baumeister, 75). В зв'язку з сим віруванням стоїть оповідання про філософа і поета Піфагора, що мав бути улюбленцем та навіть сином Аполлона і отримав від нього дар чути музику небесних сфер.

Платон виразно протиставляє поетичне вітхнення свідомій штуці; по його думці, поети себто те, що чинять, не чинять з розмислом, але якимсь природним поривом, немов маючи в собі якогось іншого духа. В іншому місці він просто називає сей стан (божевілля), або боже наслання <...>Та й стара латинська назва *carmen*, що в літературній мові отримала значення «вірша», «поема», первісно значила «закляття», «чарівницька примова»; відгомін сього первісного значення заховався ще й досі в французьким слові *charme* (чари, принада), *charmant* (принадний, чарівний).

Певна річ, в часах переваги рефлексії над дійсним вітхненням і наслідуванням дійсної творчості люди почали всі оті давні погля-

ди, поклики давніх поетів до Музи, до Аполлона з просьбою, щоби наслав на них поетичне божевілля, вважати пустими рито-ричними фігурами. Багато заколоту наробила тут грецька назва ποιητής (рукодільник, ремісник), що заступила місце первісного ἄΩττως – співак. Маючи назву ποιητή на означення поета, пізніші теоретики вимірковували для неї відповідні дефініції, не згідні з самою основою предмета. Платон виводить сю назву від поняття μύθος ποτετυ – творити міфи, – а властиво, коли ті міфи були вже витворені народною фантазією, перетворювати ті міфи відповідно до артистичних вимог. Те розуміння поезії, зрештою, не було оригінальне Платонове; ще Геродот назвав Гомера і Гесіода тими, що зробили грекам богів. Відповідно до сього розуміння дефініював також Арістотель поезію як свідоме перетворювання міфів, що є в найширшій розумінні слова, споминів, себто ідей, отож як артистичну техніку без властивої творчості. Новіші досліді показують, що тут була помилка давніх філософів, що слово поет – не походить від грецького – робити, чинити, але від того самого кореня поΐ, який заховався в старослов'янським і теперішнім російським пою, поΐ – співаю, співай, і значило, таким робом, те саме, що й гомерівське (Dr. Brunnhofer. Vom Pontus bis zum Indus. Leipzig, 1890, с. 2-3).

Довгі сотки літ панувала отся фальшива і одностороння Арістотелева дефініція; повставали і шезали нові держави, нові релігії, нові світогляди; люди ламали пута старих порядків і старих понять в політиці і науці, а Арістотелеві формулки стояли собі нетикані. Тільки під кінець XVIII віку захитано їх авторитет; в поезії повіяло новим духом, що до нього приложено характеристику «Sturm und Drang»¹. Його поклик був: емансипація поезії з кон-венціональних повивачів в ім'я свободної, творчої індивідуальності, і тут же виринає знов розуміння поетичної творчості як божевілля. <...>

Ся сама думка, що поетична творчість є щось відмінне від звичайного людського «я», вносить до нього щось особливе, проривається не раз і у Шевченка. Він дуже часто обертається до своїх «дум» як до якихсь істот, окремих від нього, обдарованих власною волею:

Думи мої, думи мої,
Ви мої єдині,

---

¹ Буря і натиск (нім.).

Не кидайте хоч ви мене
При лихій годині.
Прилітайте, сизокрилі
Мої голуб'ята,
Із-за Дніпра широкого
У степ погуляти...

Таких місць у «Кобзарі» чимало; їх можна би взяти за образіві речення, за конвенціональні звороти, якби вони не появлялися надто часто, власна, в пізнішій добі Шевченкової творчості, в тих його ліричних творах, де він добував найглибших, найсердечніших тонів, де був свобідний від усеї конвенціональної фразеології. Ще виразніше бачимо се в вірші «Муза», котру поет величає своєю матір'ю і вчителькою:

Моя порадонько святая!
Моя ти доле молодая!
Не покидай мене. Вночі,
І вдень, і ввечері, і рано
Витай зо мною і учи,
Учи неложними устами
Сказати правду.

Ми зупинилися на сих свідоцтвах самих поетів про процес поетичної творчості трохи довше головне через те, що кому ж ліпше й тямити в сьому ділі, як не самим творцям? Постороння обсервація тут майже неможлива; наука мусить в такім разі зібрати поперед усього свідоцтва першорядних свідків і, доповнивши їх подекуди по змозі, повинна взятися до вияснення самого факту.

Поперед усього мусимо сказати: сам факт, що в такій високій та скомплікованій психологічній діяльності, як поетична творчість, несвідомий елемент може грати важну чи, може, головну роль, належить до досить нового наукового надбання. Для філософів-раціоналістів XVIII віку він був зовсім неможливим, так само як неможливим був і для філософів-ідеалістів першої половини нашого віку, що силкувалися звести весь світ і всі його прояви, а тим самим і всю психічну діяльність до якоїсь одної, по змозі повної і безсуперечної формули. Тільки в ідеалістів-песимістів Шопенгауе-

ра, Гартмана сей факт піднесено з натиском, а то для того, що власне у Гартмана «несвідоме» (Das Unbewusste) було зроблене основним елементом усього його світогляду. Та для наукового до-слідку сього було замало, бо, роблячи «несвідоме» основним елементом, Гартман тим самим зробив його чимсь незвісним, таким, що не підлягає дальшому аналізу.

Тільки в найновіших часах, коли за почином Фехнера і Вундта розпочалися в Німеччині, Англії, Франції і Італії систематичні досліді над психологією експериментальним методом, коли давня метафізична або емпірична психологія перемінилася на психофізику або, як її називає Вундт, фізіологічну психологію, удалося в значній мірі прояснити роль несвідомого, між іншим, і поетичної творчості. Вихідною точкою були студії над тим, що називаємо людською свідомістю, і ми покористуємось тут найновішою працею про сю тему, виданою в минувшім році, – студією Макса Дессуара «Das Doppel-Ich», щоби показати, як сучасні психологи виявляють сю загадкову сторону поетичної творчості. В своїй студії підносить Дессуар той факт, що велика сила спостережень, зібраних в остатніх часах, довела нас до зрозуміння того факту, що кожний чоловік, окрім свого свідомого «я», мусить мати в своїм нутрі ще якесь друге «я», котре має свою окрему свідомість і пам'ять, свій окремий суд, своє почуття, свій вибір, свою застанову і своє ділання – одним словом, має всі прикмети, що становлять психічну особу.

«До мене прийшов приятель, – оповідає Дессуар, – і оповідає мені якусь новину, задля котрої я мушу з ним разом іти в одне місце. Коли він оповідає сю цікаву новину, я лагоджуся до виходу. Припинаю собі новий ковнірик, обертаю манжети, запинаю шпінки, одягаю сурдут, беру в кишеню ключа від брами, заглядаю мимоходом до дзеркала, – і при всім тім з найбільшою увагою слухаю оповідання, перериваючи його часом своїми запитаннями. Вийшовши на вулицю, починаю нараз сумніватися, чи не забув ключа від брами в своїм покої, тож біжу знов нагору, шукаю ключа по всіх усядах, та надармо, вкінці сягаю до кишені і переконаюся, що ключ є у мене. Коли я потім оповів се приятелеві, сей відповів мені: «Чого ж ти мені не сказав уперед, чого біжиш нагору? Адже я бачив виразно, як ти вийняв ключ від брами з купи інших ключів і вложив собі в кишеню. Як же можна бути таким розтріпанім!»

Прощу зважити, яка скомплікована була тут діяльність, а проте здавалося, що свідомість нічогісінько про неї не знала. Герой сеї маленької пригоди робить усі приготування до виходу так систематично і порядно, немовби уперед обдумав їх якнайдокладніше. З-поміж купи ключів вибирає власне той, якого йому треба, переконується в дзеркалі про повноту свого туалету – всі психічні функції, для яких конечно треба свідомості особи».

Ще характерніші ось які три приміри. Хтось читає голосно книжку, та його думки, звернені чимсь на інший предмет, займаються тим постороннім предметом. Та проте він читає добре, відповідно виголошує речення, перевертає картки, одним словом, виконує діяльність, майже незрозумілу без повної інтелігентної свідомості. Коректор перечитує статтю, а рівночасно розмовляє зі своїм сусідом; та проте серед живої розмови він поправляє друкарську помилку, поповнює пропуски, значить, мусить при тім мати почуття того, де тут зложено вірно, а де ні. Один член англійської «Society for Psychological Research» (Товариство для психологічних дослідів) через велику вправу дійшов до того, що може рівночасно провадити оживлену дебат і сумувати великі ряди цифр. Всі ті факти доказують, що є в нас не тільки якась несвідома інтелігенція, але також несвідома пам'ять або, краще, відомість і пригадування поза обсягом нашої свідомості. А що оба ті елементи становлять істоту психічної особи, то се значить, що в кождім осібнику є також друге, несвідоме «я».

Отсю подвійну свідомість називає Дессуар дуже влучно «верхньою і нижньою свідомістю» (Ober- und Unterbewusstsein). Те, що в звичайнім житті називаємо «свідомість», се, по Дессуаровій термінології, є верхня свідомість. Та під нею є глибока верства психічного життя, що звичайно лежить в тіні, та проте не менше важне, а для багатьох людей далеко важніше, ніж уся, хоч і як багата діяльність верхньої верстви. Найбільша часть того, що чоловік зазнав в житті, найбільша часть усіх тих сугестій, які називаємо вихованням і в яких чоловік вбирає в себе здобутки многотисячлітньої культурної праці всього людського роду, перейшовши через ясну верству верхньої свідомості, помалу темніє, щезає з поверхні, тоне в глибокій криниці нашої душі і лежить там погребана, як золото в підземних жилах. Та й там, хоч неприступне для нашої свідомості, все те добро не перестає жити, раз у раз сильно впливає на

наші суди, на нашу діяльність і кермує нею не раз далеко сильніше від усіх контраргументів нашого розуму. Отес є та нижня свідомість, те гніздо «пересудів» і «упереджень», неясних поривів, симпатій і антипатій. Вони для нас неясні власне для того, що їх основи скриті від нашої свідомості.

Та буває й так, що поодинокі моменти з тої нижньої верстви раптом вискакують на ясне світло свідомості. Великий закон непропащої сили має і в психології певне значення; що раз напечатано в комірках нашої мізкової матерії, се лишається нам на ціле життя, тільки що не все те може чоловік після своєї вподоби мати на свої послуги, а не раз треба якихось особливих обставин, щоби давно затерті враження прикликати знов до життя. Проф. Бенедикт приводить ось який цікавий факт: «В початку нашого віку захорувала над Рейном стара служниця і почала в гарячці рецитувати цілі уступи з Біблії по-гебрейськи і коментарій до них по-арамейськи. Розуміється, люди, що привикли вірити в чудеса, почали й тут бачити чудо і дякувати богу, що сподобив їх бачити його. Бо відки ж би ся зовсім неписьменна жінка могла набратися знання гебрейської мови, якби сам бог не піддав їх? Та лікар почав дошукуватися джерела і відкрив, що ся служниця перед кількома роками служила в одного пастора. Сей мав звичай уночі в своїй кімнаті читати голосно святе письмо в оригіналі з арамейським коментарем. Служниця ночувала зараз за стіною в кухні і чула все, і хоча не розуміла ані слова, то все-таки ті слова вбилися їй у тяму і довгі літа лежали в нижній свідомості, немов вириті на плиті фонографа, поки в гарячкській делірії не виплили наверх». Розуміється, що ті враження, засипані в нижній свідомості, найлегше виходять наверх тоді, коли верства верхньої свідомості щезне чи то хвилино, у сні, чи назавсідди, в тяжкій хоробі. От тим-то в снах так часто виринають давно забуті події з нашої молодості, що довгі роки, довгі десятки років дримали під верствою пізніших вражень, які тим часом проходили через верхню свідомість і засипали, покривали їх.

Сказавши по правді, є се наше велике щастя, коли маємо ту здібність, що на якимсь часі всі наші враження тонуть у сутінь забуття. Подумаймо лише, що всякий біль, коли б раз у раз стояв на поверхні нашої свідомості, зробився б вкінці таким нестерпним, що довів би нас до самовбійства. Та так само й усяке порядне думання, всяка духовна праця була б майже зовсім неможливою, коли б всі

наші досвіди і все знання рівночасно і рівномірно товпилося в нашій свідомості. При душевних хворобах таких, як манія і острій шал, ми бачимо, як надмір вражень робить неможливим усяке органічне думання. Ся велика ресорпційна сила нижньої свідомості має, зрештою, не тільки сю негативну користь; вона має також величезне позитивне значення, бо робить сю нижню свідомість величезним, невичерпаним магазином думок і почувань, багатим шпихліром, котрого засіки при корисних обставинах можуть відчинитися і видати з себе скарби, про які їх щасливий властитель не раз і сам не знав нічогісінько. Майже кождий чоловік має в собі величезне багатство ідей і почувань, хоча мало хто може і вміє користуватися ними. Бо все, що чоловік у своєму житті думав і читав, що ворушилось у його душі і розбуджувало його чуття, все те не пропадає, а робиться тривким, хоч звичайно скритим набутком його душі.

Та є люди, котрі мають здібність видобувати ті глибоко заховані скарби своєї душі і давати їм вираз у зрозумілих для кожного словах. Отсі щасливо обдаровані психологічні креси і копачі захованих скарбів – се й є наші поети. Властиво, віднаходять і видобувають вони ті скарби не зовсім активно, не зусиллям свобідної, автономної волі. Бо коли маємо дати віру признанням поодиноких поетів, то їх роль частенько буває чисто пасивна. Вельми цікаве є Грільпарцерове оповідання про те, як постала його знаменита трагедія «Прабабка» («Die Ahnfrau»), написана, як звісно, у протягу 16 днів. «Коли я одного разу лежав у ліжку, перепуталися в моїй голові випадково дві давніше прочитані історії і обі разом утворили основу драматичної події. Та наразі я не взявся до роботи, і треба було аж кількаразових упімнень мого друга Шрейфогля, щоби підбадьорити мою амбіцію і спонукати мене до роботи. При одній випадковій стрічі він заохочував мене так гаряче, що я під час дальшого походу почав обдумувати першу сцену, та, невважаючи на всяке зусилля, здужав скомпонувати не більше як 8-10 перших рядків. Вернувши додому, я записав їх на карточці паперу і покинув на столі. Та ось уночі почалося в моїй душі якась дивне розворушення. Мене вхопила гарячка, безсонний, я перевертався з боку на бік, і при всьому тому не було в мене ані думки про розпочату «Прабабку». На другий день встав я, почувуючи, що на мене надходить якась тяжка хвороба. І ось випадкове мій зір упав на той листок

паперу, де я вчора записав початкові вірші і про котрих відтоді зовсім забув; сідаю при столі і пишу далі, щораз далі; думки і вірші пливають самі з себе; швидше я не міг би був переписувати з готового».

Ми можемо тут докладно прослідити психічний процес в поетовій душі. В нижній свідомості Грільпарцеровій нагромаджено було багато страховинних оповідань про лицарів і духів, що їх чував і бачив на сцені ще замолоду, а то й сам з братами та сестрами дитинячим звичаєм відігравав дома. В тій нижній свідомості були ще також не менше страховинні дитячі спомини про т. зв. «лямус» – величезний пустий будинок обік його батьківського дому, його дитячою уявою заселений страшними розбійниками, циганами і духами. Додаймо до сього ще й те, що план «Прабабки» був уже уложений в його голові, та з часом потонув також в сутінку його нижньої свідомості, то побачимо, що в ній були вже згромаджені всі розрізнені елементи трагедії. Треба ще було тільки одного товчка збоку, щоб усе те піднести до світлої свідомості. А тим товчком було описане тут душевне зворушення. Ще попереднього дня поетова верхня свідомість надармо мучилася над виконанням драми і ледво-не-ледво сплодила перших 8-10 рядків. Аж по тій психологічній бурі почала нижня свідомість продукувати автоматично; і тепер поплили думки і гірші самі могутими хвилями, а верхня свідомість, так сказати, не мала що більше робити, як сидіти і переписувати – коли вільно про такі абстрактні настрої виражатися такими антропоморфними образами.

Подібних фактів можна би назбирати багато, особливо в новочасній історії літератури. От і про померлого недавно Альфонса Доде відомо, що він цілими місяцями не міг написати ані одного рядка, в таких часах блукав по Парижу і по околиці, підслухав і записував уривки розмов, шкіцував види, нотував настрої і враження, а ще більше дивився і думав. Та зате коли найшов на нього творчий настрій, він працював до 18 годин денно, день і ніч не виходив зі свого кабінету, руйнував своє здоров'я, поки новий твір цілком не вилився з його душі.

Пізнання сеї важкої ролі не свідомо, а властиво «нижній свідомості» в поетичній творчості є вельми важне не тільки для психолога, але також для літературного критика. Психолог на підставі сього факту мусить поетичну вдачу признати окремим, психічним

типом. Нам байдуже, чи він разом з Ломброзо назве сей тип хворобливим, чи по давній термінології – геніальним; для науки важне пізнання його основної прикмети: еруптивності його нижньої свідомості, т. є. її здібності час від часу піднімати цілі комплекси давно погребаних вражень і споминів, покомбінованих, не раз також несвідомо, одні з одними на денне світло верхньої свідомості. А літературний критик власне в тій перевазі несвідомого при творчій процесі має певний критерій до оцінки, за якими творами стоїть правдивий поетичний талант, правдиве «вітхнення», а де є холодне, розумове, свідоме складання, гола техніка, дилетантизм. Відсуваючи набір твори дилетантів, котрі, зрештою, не раз можуть бути і гарні і цінні чи то для психолога, чи для соціолога, чи для політика, критик тільки на творах правдивих, вроджених поетів буде студіювати секрети їх творчості; бо тільки тут ся творчість являється елементарною силою головно з огляду на форму, а почасти також з огляду на зміст і композицію. Певна річ, зміст і композиція поетичного твору, його, так сказати, скелет в значній мірі мусять бути ділом розуму, обдумані, розважені і розмірені, і де сього нема, там і найгеніальніше виконання деталей не окупить браку цілості. Повна гармонія сеї еруптивної сили вітхнення з холодною силою розумового обміркування показується у найбільших велетнів людського слова, таких, як Гомер, Софокл, Данте, Шекспір, Гете і небагато інших.

2. Закони асоціації ідей і поетична творчість

Духова діяльність людська полягає головно на двох прикметах психічного устрою: на можливості репродукції вражень, які колись безпосередньо торкали наші змисли і тепер являються тільки психічними копіями, ідеями, і на другій прикметі того устрою, що одна така репродукована ідея викликає за собою іншу, цілі ряди інших ідей, ті знов, коли на них буде звернена особлива увага, викликають дальші ряди ідей, і так без кінця. Чим ясніше і докладніше репродукуються ідеї в людській душі, тим ясніше мислення; чим більші і різnorodні ряди ідей повстають за даним імпульсом, тим багатше духове життя. Ясність і прецизія репродукованих ідей – се перша основа наукової здібності; багатство і різnorodність їх – головна прикмета поетичної фантазії.

Нема сумніву, що спосіб, як в'яжуться одні з одними ідеї, ре-продуковані в певнім поетичнім творі, надає тому творові головну часть його колориту. От тим-то досвід над асоціацією ідей у поета може нам докинути дуже важний причинок до його характеристики.

Чи можна говорити про якусь спеціальну поетичну асоціацію ідей? Признатися, я досі не стрічав у жадній естетиці спеціального досліду про сю тему, навіть не тямлю, чи котрий естетик сформулював те питання. А тим часом мені здається, що се питання вельми важне і вдячне, а в його розв'язці лежить ключ до зрозуміння маси індивідуальних прикмет різних поетів, різних шкіл і стилів поетичних, про котрі досі наговорено так багато шумних та неясних фраз.

Поперед усього до речі буде пригадати ті загальні закони асоціації ідей, які вислідила сучасна психологія, а потім розглянемо, чи і наскільки поети держаться тих законів, чи, може, вибігають поза їх межі. Вундт (*Physiologische Psychologie*, I, Ausgtabel, 788, і д[алі]) бачить тільки два такі закони, а то 1) закон подібності (в найширшій значенні сього слова) і 2) закон привички. Всяка ідея, що повстає в нашій душі, може викликати за собою іншу ідею і то або подібну чим-небудь до неї, або таку, яку ми привикли зв'язувати з нею чи то задля місцевої суміжності, чи задля часової близькості або періодичності. І так ми говоримо про «верби головаті» для того, що обрубуваний періодично верх верби нагадує голову, порослу розчіхраним волоссям; говоримо про криваве полум'я, про річку, що в'ється гадюкою, і т. і. І так ідея блискавки мимовільно викликає в нашій душі ідею грому, ідея фіалки – ідею про фіалковий запах, ідея книжки – згадку про школу, бібліотеку або читальню і т. і. Вундт не приймає закону контрасту, а асоціювання суперечних, контрастових ідей виводить або з привички, або з утоми нашої уяви, що, знесилившись сполучуванням подібних ідей, вкінці улягає протилежному напрямові і зразу перескакує на інший ряд ідей, що й становить контраст з попереднім.

Се огранічення показалося пізнішим психологам занадто тісним, і Штейнталь сформулював ось які три закони асоціювання ідей:

«1. Душа повертає легше з непривичного стану до звичайного, ніж протилежно.

2. Душа йде легше за ходом дійсного руху, ніж супроти сього ходу, тобто легше від початку до кінця, ніж від кінця до початку (напр., від цегли і каміння до будинку легше, ніж від будинку до цеглини). Дійшовши до цілі, душа заспокоюється і лишається в тім спокої; ідея зняряду попихає її репродукувати той рух, якому має служити той зняряд.

3. Самостійний предмет трудніше репродукує несамостійний, цілість трудніше репродукує частину, ніж противно».

Отсі Штейнталеві закони прийняв також Вундт і його школа, <...> і ми поспробуємо приложити їх до поетичних творів.

Коли в нашій уяві повстане образ погару, то мимоволі з сим образом в'яжуться й дальші образи: крик, метушня людей, голос дзвонів, гашення вогню і т. і. Се є звичайна асоціація, і наша думка мимоволі завсігди вертає до неї. Аби уявити собі, що люди серед погару танцюють, бенкетують та співають, на се треба незвичайного напруження нашої уяви, треба праці або поетичної сугестії. Тож коли Шевченко в своїх «Гайдамаках» два рази малює нам бенкети серед погарів, у Лисянці й Умані, коли співає, як-то:

...серед базару
В крові гайдамаки ставили столи.
Дещо запопали, страви нанесли
І сіли вечерять, –

то мусимо сказати, що він іде проти того Штейнталевого закону, тягне нашу уяву від звичайного ряду асоціацій до незвичайного.

Подібних прикладів маємо у Шевченка і загалом у поезії багато. І так ідея неділі викликає в нашій душі образи спокою, тиші, молитви, святочно прибраних людей; у Шевченка не те:

У неділю не гуляла –
На шовк заробляла
Та хустину вишивала...

До таких силоміць зчеплених асоціацій у Шевченка треба залічити чимало його улюблених зворотів, як ось: «недоля жартує», «пекло сміється», «ніч стрепенулась», «лихо сміється», «закрий, серце, очі», «лихо танцювало», «журба в шинку мед-горілку по-

ставцем кружала», «шляхта кров'ю упилася» і т. д. Се, очевидно, не випадкове явище, поет навмисне завдає труднощі нашій уяві, щоби розбурхати її, викликати в душі те саме занепокоєння, напруження, ту саму непевність та тривогу, яка змальована в його віршах. Пориваючи нашу уяву від звичайних до незвичайних асоціацій, він досягає один з наймогутніших способів поетичного малювання – контраст. Що чинить маляр, кладучи на малюнку близько одну коло другої дві плями різних кольорів, що стоять далеко один від одного в шкалі барв, те саме досягає поет, шарпаючи в відповіднім місці нашу уяву від звичайного асоціативного ряду до незвичайного або просто супротивного. Се діється особливо в тих творах, де темою є мішані чуття, драматичні ситуації, сильні людські афекти та пристрасті. Зовсім інакше в малюнках ідилічних, спокійних, нескладованих ситуацій, однорідних – усе одно, веселих чи сумних настроїв. Тут поет несвідомо держиться Штейнталевого правила, тобто добирає таких асоціацій, які б заспокоювали, заколисували уяву, а радше – дає вираз тільки тим асоціаціям, що самі, без ніякого напруження напливають в його власній успокоєній уяві. Чудовий взірець такого малюнка дав нам Шевченко в своїй вірші «Вечір на Україні». Вся та вірша – немов моментальна фотографія настрою поетової душі, викликаного образом тихого весняного українського вечора.

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть.

Як бачимо, поет без ніякої особливої прикраси, простими, майже прозаїчними словами малює образ за образом, та, придивившись ближче, бачимо також, що ті слова передають власне найлегші асоціації ідей, так що наша уява пливе від одного образу до другого легко, мовби той птах, що граціозними закрутами без маху крил пливе в повітрі все нижче і нижче. В тій легкості і натуральності асоціювання ідей лежить увесь секрет поетичної принади сеї вірші.

Друге Штейнталеве правило дуже широке. В ньому міститься той звісний факт, що нам зовсім легко проговорити «Отчеша» від початку до кінця, але дуже трудно від кінця до початку. На сьому правилі полягають усякі мнемотехнічні штуки, напр., подавання граматичних виїмків, уложених в вірші (panis, piscis, crinis, finis і т. д.). Та на ньому полягає й те, що називаємо поетичною градацією. Поет веде нас натуральним шляхом асоціації ідеї від часті до цілості, сю цілість показує знов як часть більшої цілості і так піднімає нас, неначе по ступнях, щораз вище, щоб показати нашій уяві широкий кругозір. Отес й є секрет сильного впливу, який роблять на нас початкові вірші Шевченкового «Заповіту»:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Україні милій.

Вже слово «поховайте» будить в нашій уяві образ гробу; одним замахом поет показує нам сей гріб як частину більшої цілості – високої могили; знов один замах, і ся могила являється одною точкою в більшій цілості – безмежнім степу; ще один крок, і перед нашим духовим оком уся Україна, огріта великою любов'ю поета.

Прикладів такої градації дуже багато у Шевченка і у всіх поетів, і я не буду їх тут нагромаджувати. Зате я вкажу приклади іншої градації, доконаної на підставі сього самого правила, тільки в зовсім противнім порядку. Часто, щоб досягнути надзвичайний ефект, збудити напруження нашої уваги, поет поступає противно, веде нас від цілості до часті, відси до ще меншої часті і так далі, аж до якоїсь дрібної точки, в котрій, власне, чи природно, чи тільки переносно лежить уся вага його твору. Є се так названий з французької пуант (pointe), так сказати, вістря, яким кінчиться твір. Вживання і надуживання сього ефекту характеризує звичайно поезію в добі переситу і перерафінування, та було б несправедливо заборонювати поетам взагалі сього риторичного способу. Ми стрічаємо його в народних піснях, хоч рідко стрічаємо і в нашого Шевченка, котрому, певно, ніхто не закине нагінки за пустими риторичними ефектами. Наведу тут тільки один приклад сього роду з Шевченкової поезії, в вірші «Хустина»:

Іде військо, іде й друге,
А за третім стиха –
Везуть труну мальовану,
Китайкою криту.
А за нею з старшиною
Іде в чорній свиті
Сам полковник компанійський,
Характерник з Січі.
За ним ідуть осаули
Та плачуть ідучи.
Несуть пани осаули
Козацькую зброю:
Литий панцир порубаний,
Шаблю золотую,
Три рушниці-гаківниці
І три самопали...
А на збруї... козацькая
Кров позасихала.
Ведуть коня вороного, -
Розбиті копита...
А на йому сіделечко
Хустиною вкрите.

Будова сього опису напрочуд майстерна. Зразу широчезний горизонт – аж три війська; за третім жалібний похід; труна, полковник, осаули; наша увага звужується, та разом з тим загострюється, ми добачаємо чимраз менші деталі, яких не бачили вперед, обіймаючи оком велику масу. Осаули несуть зброю, ми бачимо на панцирі сліди рубання, на всій збруї засохлу кров; серед того походу йде кінь без їздця, ми бачимо на ньому порожнє сідло, а на тім сідлі хустину, дрібнесеньку річ, та рівночасно таку, в котру поет чарами свого слова вложив усю трагіку сього козака, що лежить у домовині, і ще одної живої людини – дівчини, що вишивала сю хустину, що надіялася бачити в ній символ свого щастя, символ шлюбу з любимим козаком, а тепер бачить символ слави козацької – смерті в обороні рідного краю.

Тим самим правилом вияснюється й та легкість, з якою наша уява від частин іде до цілості. Ось, напр., у чудових віршах Шевченка:

Готово! Парус розпустили,
Посунули по синій хвилі
Поміж кугою в Сирдар'ю
Байдару і баркас чималий.

Можна сказати, що поет зовсім не свідомо, тільки завдяки своєму поетичному чуттю зумів змалювати тут момент, коли корабель рушає з місця, даючи нам отсю зовсім натуральну градацію образів: команда на кораблі (готово!), розпушений парус, сині хвилі, вкінці байдара і причеплений до неї баркас.

Третє Штейнталеве правило є, властиво, тільки інший вислів другого. Згадавши клепку, ми в уяві знехотя доходимо до образу бочки, та, згадавши бочку, нам не так легко згадати одну її складову частину. Та поет дуже часто і тут вибирає власне труднішу дорогу, щоби добратися до нашого серця. Він перед нашими очима розбирає цілість на її часті, як се бачимо, напр., у Шевченковій «Чумі»:

Весна. Садочки зацвіли,
Неначе полотном укриті,
Росою божою умиті,
Біліють. Весело землі:
Цвіте, красується цвітами,
Садами темними, лугами...

Сей спосіб представлення можна би назвати аналітичним, і він здибається в поезії досить рідко.

Зводячи докупи те, що ми сказали про асоціацію ідей і її закони, можемо сказати, що поети – розуміється, несвідомо – користуються тими законами на оба боки: вони з однаковим уподобанням раз ведуть нашу уяву туди, де відбувається найлегша асоціація, в інший раз туди, де вона трудніша. Обі дороги однаково добрі, хоча для різних цілей.

3. Поетична фантазія

В 1884 р. Леметр, розробляючи повість Золя «L'Oeuvre», висказав знехотя дуже цікаву думку: повісті сього майстра «натуралізму» роблять на нього враження кошмару, сонного привида. Леметр думав, мабуть, що таким осудом на смерть розбив золівський натуралізм, а тим часом він знехотя дав свідоцтво одній правді, що Золя попри всі свої натуралістичні доктрини і дивацтва є таки поет, великий поет, і хоча доктрина зробила його, як каже Леметр, «невольником одної епохи, одної сім'ї, одної породи людей і одної писательської методи», то проте він, виповнюючи свій план, творить так, що його твір набирає життя і пластики, пориває і зв'язує душу читачеву, опановує її подібно до сонної змори, кошмару.

Порівняння поетичної фантазії з сонними привидами, а в дальшій лінії – з галюцинаціями, тобто з привидами на яві, не є пуста забавка. Се явище одної категорії; творячи свої постаті, поет в значній мірі чинить те саме, що природа, викликаючи в людській нервовій системі сонні візії та галюцинації. Значить, кождий чоловік у сні або в гарячці є до певної міри поет; студіюючи психологію сонних візій та галюцинацій, ми будемо мати важні причинки до пізнання поетичної фантазії і поетичної творчості.

Я не думаю тут вдаватися в широкі розвідки, а відішлю цікавих до багатой літератури про сні. На сні звернена була пильна увага вже у старих єгиптян, греків та римлян. Їм надавано віще значення, божеське наслання, так само як і поезії. Снами займалися у греків філософи (Арістотель. *De divinatione*) і лікарі Гіппократ, Гален. Для вжитку одних і других зладив Артемідор цілу книгу, де заведено і усистематизовано масу снів (Онейрокрітikon). Новіша психологія займається ними також дуже пильно, почасти з лікарського погляду, при діагнозі хороб <...>, а поперед усього – з психологічного, щоби на них слідити істоту і вдачу духових <...>Для нас важно тут тільки вказати, в чім сходиться сонна фантазія з поетичною, і для сеї цілі ми користуємося книжечкою Дю Преля¹.

Поперед усього: як повстають сонні привиди? Щоби се выяснити, вийдім від звичайних вражень. Як повстають звичайні враження? Так, що зі зверхнього світу доходять до наших замислів певні механічні чи хімічні імпульси (тверді тіла, плини, запахи,

---

¹ Карл дю Прель – німецький філософ і письменник з питань містики та окульти.

тремтіння етеру або електричні рухи) і уділяються нашим нервам. Нерви проводять їх до певних мозкових центрів і в комірках нашої мозкової субстанції повстає образ того центру, з якого вийшов даний імпульс. Та вроджена сила нашого мозку така, що сей образ не уявляється нашій свідомості там, де він справді є, т. є. в комірках нашого мозку, а неначе в проекції у зверненім світі, там, відки вийшов імпульс або відки нам здається, що він вийшов. Се є джерело і спосіб нашої смислової перцепції (відбирання вражень зверхнього світу) та разом джерело наших зміслових ілюзій. Перша часть сього процесу, т. є. натиск імпульсів на наш організм і доношення їх до мозку, відбувається без нашого співуділу, зате друга часть – проектування вражень назверх, їх уміщування в зверхньому світі – відбувається не без праці нашого розуму, є здобутком довгого досвіду поколінь і кожного осібника, хоч, звичайно, відбувається зовсім несвідомо.

В сні відбувається зовсім аналогічний процес, тільки з одною важною зміною. Ті нерви, що приймають враження зі зверхнього світу (периферичні), засипляють, не приймають вражень, а властиво не доносять їх до мозкових центрів хіба в виймкових разях, коли ті враження будуть надто сильні. Зате внутрішнє, вегетабільне життя організму в сні так само сильне або й ще сильніше, як на яві, і воно викликає тисячні рухи, тони, натиски і зміни внутрі нашого організму, на які ми на яві звичайно не звертаємо уваги та котрі тепер, при часовій паралізі нашої уваги і нефункціонуванні периферичних нервів, без перешкоди доходять до мозкових центрів. І тут діється чудо. До мозкових центрів доходять, так сказати, телеграфічні звістки про якісь рухи, тони, блискавки і т. і., і ті центри на власну руку, не контрольовані периферичними нервами, але на підставі привычки, витвореної тими нервами, уміщують усі ті телеграфовані звістки в зверхнім світі, а що він моментально задля нефункціонування периферичних нервів не існує для нашого організму, то мозкові центри самі з власного запасу творять собі той зверхній світ, т. є. викликають нагромаджені в них образи зверхнього світу, відповідні до тих свіжих вражень, які доходять до них. Так, напр., молекул крові натисне на слуховий нерв у голові, – і що ж діється? До слухового центру в мозку доходить від слухового нерва, так сказати, сліпий алярм. Центр перцепує се як гук, і в тій хвилі з-поміж образів, нагромаджених у тім центрі, встає один,

чим-небудь схожий з тим гуком, напр., образ гуку пожежного дзвона. Сей образ на підставі закону про асоціацію образів викликає відповідні образи зору, запаху, дотику – і наша сонна фантазія в одній сотній часті секунди сотворила в нашій уяві повний, пластичний, живий образ пожеги – в тій хвили сонний чоловік зривається, опанований страхом, і кричить «крізь сон»: «Рятуйте! Горить!»

Вже з цього короткого представлення видно, як багато подібного є між творчістю сонної і творчістю поетичної фантазії. Поперед усього в обох разях процес відбувається несвідомо, «мозок функціонує як чистий продукт природи, а не як джерело суб'єктивної, рефлексивної свідомості» <...> В обох разях наша душа дізнає ілюзії, що витворений несвідомою діяльністю мозку світ образів є щось реальне, зверхне, лежить поза нашим «я». В обох разях результат дуже подібний – наглядні, пластичні образи. Як знаємо, сонні привиди відзначаються такою незрівняною пластикою, таким ярким колоритом, яких в дійсності звичайно не зазнаємо або зазнаємо в незвичайно подразненім стані, в гарячці, в галюцинаціях.

Сон є, як се видно з попереднього, «пробою нашого мозку вияснити якесь донесене йому враження». От тим-то більша часть наших слів має, так сказати, аналітичний характер: у мене в носі є терн, у сні почуваю біль, – і мені сниться, що мене кусає гадюка або пес. Із подушки вилізло перо і скобоче мені по шиї – мені сниться, що хтось стиха підійшов до мене і пальцями скобоче мене по шиї. *Те, що на ділі є один момент або якийсь стан, сонна фантазія уявляє як рух, як цілий драматичний процес.* Але те самісіньке чинить і поет. Стан чуми в селі поетична фантазія малює цілим рядом страшенно пластичних образів:

Чума з лопатою ходила,
Та гробовища рила-рила,
Та трупом-трупом начиняла
І «со святими» не співала.
Чи городом, чи то селом
Мете собі, як помелом.

Подивляти тут треба не тільки пластику поодиноких образів, але їх велике багатство і різnorodність: чума являється і як грабар з лопатою, і як дяк, що йде за похороном не співаючи, і як хазяйка,

що змітає помелом зерно – зовсім так, як у сні одне і те саме враження, коли воно тривке і інтенсивне, викликає за чергою різні образи, що нечутно переливаються один у один. Я в сні дістаю биття серця, і в тій секунді сонна фантазія докомпоновує мені його причини: мене гонить медвідь, я тікаю, наскакую на глибокий яр і стрімголов паду в безодню.

Сонна фантазія є не тільки репродуктивна, але й творча: вона потрапить уявити нам такі образи, такі сцени і ситуації, яких ми в житті ніколи не бачили і не зазнавали. Вона потрапить скомбінувати все те з величезного запасу наших звичайних вражень і ідей, послугуючися збільшеною в сні легкістю в асоціюванні ідей. Для сонної фантазії стоять отвором усі таємні скритки та схованки нашої нижньої свідомості, всі скарби наших давніх, забутих і затертих вражень від найдавніших літ, усе те, що наша свідомість на яві хіба з трудом може вигребти в пам'яті або може й зовсім не вигребти. І над усім тим скарбом сонна фантазія панує безгранично, всевладне. Легкість асоціювання тих образів у сні – величезна, власне задля браку контролю з боку свідомості і рефлексії. В тім пануванні над сферою нашої нижньої свідомості і в тій легкості комбінування лежить увесь секрет сили і багатства нашої сонної фантазії, та тут же лежить також увесь секрет сили і багатства поетичної фантазії. Ми вже вказували в попереднім розділі, як часто поет іде буцімто проти правил звичайної асоціації ідей, з якою легкістю він зводить до купи, комбінує такі образи, які в звичайній уяві тільки з трудом можна звести до купи, і як при помочі таких далеких асоціацій поет викликає в нашій душі власне такі враження, які бажав викликати, змушує нас до певної міри переживати те, що зачарувала перед нами його фантазія в словах.

Крім тих снів, котрих основою є безпосереднє, внутрішнє чи зверхнє подразнення нервів і котрі я назвав би аналітичними, є ще інша категорія снів. Звісно, що наше духове життя в границях свідомості складається з двох категорій явищ: 1) враження – образи і їх комбінації – думання і 2) афекти – чуття – пристрасті. Отже ж, коли аналітичні сні відповідають більш-менш перші й категорії, а властиво її двом нижчим ступеням, то другій категорії відповідають сні, котрі можна б назвати символічними. Те, що на яві ми називаємо абстракційними словами, бачимо не раз у сні в якимсь одним конкретним образі, взятім інколи зо сфери дуже далекої від да-

ного предмета. І так закоханому дуже часто сняться барвисті, пахучі квіти; чоловікові в веселім, погіднім настрої духу сняться, що він купається в чистій воді; в молодості, коли фізичні і духові сили доходять доповні розвою, нам часто сняться, що літаємо в повітрі або перескакуємо широкі рови чи навіть доми; чоловікові, що боїться напасті ворогів або дізнав такої напасті, сняться, що його кусають пси; чоловікові, що дізнався про якусь страшну, несподівану подію, сняться, що паде в пропасть, і т. і. Ся символіка сонних привидів здавен-давна звертала на себе увагу людей і була головною основою ворожби з снів (онейромантії) і приписування снам віщого, пророцького значення. Цікаво, що та сама здатність до символізування є також одною з головних характерних прикмет поетичної фантазії.

Поетична так само, як і сонна фантазія не любить абстрактів і загальників і залюбки транспонує їх на мову конкретних образів. Шекспір називає смерть «старим дзвонарем» або «лисим паламарем. <...>

Особливо багатою символікою визначається поезія Шевченкова. У нього жаль висловлюється картиною: «Серце плаче та болить», смерть являється в образі косаря, що то

Понад полем іде,
Не покоси кладе,
Не покоси кладе – гори,
Стогне земля, стогне море,
Стогне та гуде.

Його думи – то «сизі голуб'ята», що прилітають «із-за Дніпра ... у степ погуляти», проблиск радості по довгих днях смутку він малює ось як:

І стане ясно перед ним
Надія ангелом святим,
І зоря, молодість його
Витає весело над ним.

Моральний упадок чоловіка він малює такими словами:

Ви ж украли,
В багно погане заховали
Алмаз мій чистий, дорогий,
Мою, колись святу душу.

Мовчанку своїх знайомих в часі його заслання характеризує вельми пластично:

А їм неначе рот зашило,
Ніхто й не гавкне, не лайне,
Неначе й не було мене.

Таких символічних образів багато майже в кожному творі нашого Кобзаря; їх багатство, натуральність і пластика – це найліпше свідчення його великого поетичного таланту. Читаючи їх, ми бачимо наглядно, що він не підшукував їх, не мучився, komponуючи їх, що вони самі плили йому під перо, бо його поетична фантазія так само, як сонна фантазія кожного чоловіка, була самовладною панєю величезного скарбу вражень і ідей, нагромадженого в долішній свідомості поетовій, що вона так просто і без труду промовляла конкретними образами, як звичайний чоловік – абстрактами та логічними висновками.

III. ЕСТЕТИЧНІ ОСНОВИ

Пристаючи до продовження перерваної торік розмови про різні елементи поетичної творчості, я хотів би присвятити отсей розділ її естетичним основам. Естетика, від грецького слова <...> чуття, значить, властиво, науку про чуття в найширшій значенні цього слова <...>, отже, про роль наших змислів у приніманні вражень зверхнього світу і в репродукуванні образів того світу на зверх. Правда, все це тепер є доменою властивої психології, а для естетики лишилася тільки та спеціальна частина, що відноситься до краси чи то в природі, чи то в штуці. Отже ж, і ми, не вдаючися в спеціальні психологічні деталі, обмежимося на виказання ролі поодиноких змислів і прийнятих ними образів у поезії, а також на тім, якими способами поезія, в аналогії або в суперечності до інших штук, передає своїм слухачам і читачам ті змислові образи, щоб викликаги в їх душах саме таке враження, яке в даній хвилі хоче викликати поет.

1. Роль змислів у поетичній творчості

Все, що ми знаємо, є продуктом наших змислів – тобто доходить із зверхнього світу до наших мозкових центрів за посередництвом змислів. Ми знаємо зверхній світ не такий, як він є на ділі, а тільки такий, яким нам показують його наші змисли; поза ними ми не маємо ніякого способу пізнання, і всі постипути наук і самого пізнання полягають на тім, що ми вчимося контролювати матеріали, передані нам одним змислом, матеріалами, які передають інші змисли, а надто в науковій і поетичній літературі маємо зложений безмірний запас таких же змислових досвідів, їх комбінацій і абстракцій, а також великий запас чуттєвих зворушень найрізніших людей і многих поколінь.

Але наш організм не є самим тільки рецептивним апаратом: обік змислів, що приносять нам враження зверхнього світу, у нас є органи власної внутрішньої діяльності, не зовсім залежні від змислових імпульсів, хоча нерозривно зв'язані з самою природою нашого організму. Всі об'яви функції тих внутрішніх органів називаємо збірною назвою «душа». Розрізняємо кілька головних об'явів душевного життя; *пам'ять*, тобто можливість перераховування і репродукування давніх вражень або взагалі давніх імпульсів та змін у нашій організмі, далі – *свідомість*, тобто можливість відчувати враження, імпульси і зміни як щось окреме від нашого внутрішнього «я», *чуття*, тобто можливість реагування на зверхній або внутрішній імпульси, *фантазію*, тобто можливість комбінування і перетворювання образів, достарчуваних пам'яттю, і, вкінці, *волю*, тобто можливість звершення наших фізичних чи духовних сил в якійсь одним напрямі.

Коли вдумаємося в кожду з тих функцій душі, то переконаємося, що всі вони оперують матеріалом, якого їм достарчують наші змисли. А що поезія являється також результатом тих самих душевних функцій, то не диво, що і в ній змисловий матеріал мусить бути основою. Се все речі елементарні. Далеко глибше в поетичну роботу провадить нас друге питання: в якій мірі поодинокі змисли проявляють себе в поетичній творчості? В якій мірі поети користають із вражень, достарчених поодинокими змислами?

Не всі змисли однаково важні для розвою нашої душі, і вже елементарна психологія розрізняє вищі і нижчі змисли, тобто такі,

що мають свої спеціальні і високорозвинені органи (зір, слух, смак, запах), і такі, що не мають таких органів (дотик зверхній і внутрішній). З психологічного погляду, крім зору і слуху, найважливіший власне дотик, бо він дозволяє нам пізнавати такі важні прикмети зверхнього світу, як об'єм, консистенцію (твердість, гладкість і т. ін.) і віддалення тіл, тимчасом коли зір дає нам поняття простору, світла, барв, а слух – поняття тонів і часу (наступства явищ одних за одними). Смак і запах, хоч безмірно важні для фізіології нашого тіла, для психології мають далеко меншу вагу. Відповідно до цього і наша мова найбагатша на означення вражень зору, менше багата, але все-таки досить багата на означення вражень слуху і дотику, а найбідніша на означення вражень смаку і запаху. Ся мова дає нам тисячі способів на означення далечини, світла в його нюансах, цілої шкали кольорів, цілої шкали тонів, шумів і шелестів, цілої безлічі тіл, але вона досить убога на означення різних смаків, а ще бідніша на означення запахів.

Відповідно до того знаходимо і в поезії різних часів і народів зглядно найменше зображення вражень смакових і запахових, значно більше вражень дотику і слуху, а найбільше вражень зору. Ми подамо тут, так як і в попередніх нарисах, деякі приклади, черпаючи головню з нашої рідної поезії.

На означеннях різних *запахових* вражень має мова дуже мало слів. «Пахне» – на приємні враження, «смердить» – на неприємні, а коли прийдеться специфікувати, то додаємо або спеціально предмет, про котрий мова, або певні типові запахи, що більше-менше можуть, бодай у чуткіших осібників, репродукувати бодай згадку віднесеного враження. Взагалі треба завважити, що чим примітивніше життя чоловіка, чим примітивніша поезія, тим меншу роль грає запах, тим бідніша мова на його означення, тим менше згадують про нього поети. Можемо се побачити у Гомера, де запахові враження зазначаються рідко, та й то звичайно тільки прикметниками, тобто частями мови, найменше здібними до репродукції враження у слухача. Орієнтальні народи, старі єгиптяни, євреї, вавілоняни, здавна були далеко більше вразливі на запахи, і вони здавна грають більшу роль в їх поезії, ніж у європейців. У староегипетській повісті про двох братів запах волосся молодой жінки, котрого жмуток ухопив Ніл і заніс до царської пральні, пе-

редається одержі фараоновій і розбуджує у фараона непобориме бажання – знайти властительку сього пахучого волосся.

Дуже інтересною являється з того погляду старогєбрейська «Пісня пісень», де стрічаємо ось такі порівняння: «Твоє ім'я є мов пахощі кадила».

Коли король сидить при столі –
Мій олійок розливає пахощі;
Мій любий є обік мене,
Мов скляночка, повна мірри.

Тут стрічаємо «пахучий виноград»; милий порівнюється до клубиків диму в формі пальми, надиханих запахом мірри і кадила; його любов – се запах пахощів понад усі аромати; у дівчини запах одержі є мов запах дивану; сама вона – се садок, засаджений оливками, шафраном, рожами, цинамоном, міррою і алоесом і всякими деревами, що дають кадило з найкращим запахом.

Повій, вітре, від полудня,
Вій по мойому садочку,
Щоб він дихав пахощами! –

кличе молодий коханець.

Тільки у деяких новочасних поетів ми стрічаємо подібно або ще більше розвинений змисл запаху і його літературне визискання. Особливо багате жниво можна зібрати на французькій поетичній ниві. Як приклад досить буде назвати ті правдиві оргії чи симфонії різнородних запахів, які стрічаємо в повістях Золя, прим., запахи різних родів сиру в «Le ventre de Paris», запахи різних цвітів, у котрих душиться Альбіна, в «La faute de l'abbé Mouret».

В нашій поезії не стрічаємо такої гіпертрофії запахового чмислу. В народних піснях запах грає дуже малу роль, а такі звороти, як «коло мене, молодого, мандрівочка пахне», занадто ще слабкі, щоб викликати у слухачів хоч бліду ремінісценцію конкретного враження. У Шевченка не стрічаємо образів, узятих з сього змислу, коли не числити переспіву псалмів Давидових; щонайбільше зазначено у нього неприємні запахові враження, як «маслак смердячий».

Враження смаку далеко частіше попадаються в нашій поезії вже хоч би для того, що абстракції тих вражень у нашій і у многих інших мовах служать для вислову приємного і неприємного чуття взагалі. «Солодкий», «гіркий», «квасний», «солоний», «терпкий» мають різнородні значення. В народних піснях і поговірках раз у раз знаходимо такі епітети, як «любку мій солодкий», «гірка година», «на дворі кваситься», «солono продав», «гірко заробиш, солодко з'їси». Те саме бачимо і в інших мовах. <...>В нашій коломийці дівчина співає:

Ой солодке капустище, а гірке качання;
Ой солодке закохання, гірке розлучання.

Епітетами, взятими з обсягу смаку, характеризує свою любов парубок:

Ой дівчино, дівчинонько, така-с ми миленька,
Як уліті на нивоньці вода студененька,
Як уліті при роботі води сі на пити,
Так з тобою постояти та й поговорити.

Дівчина характеризує таким самим способом життя з нелюбом:

Ой волю я, моя мати, гіркий полин їсти,
Аніж маю із нелюбом обідати сісти.

У Шевченка із цього обсягу стрічаємо мало образів; найбільше пам'ятний і пластичний є, мабуть, у «Гамалії», де козацький напад на Скутару порівняно до гуртової вечері:

Не злодії з Гамалієм
Їдять мовчки сало
Без шашлика!

Контраст між свобідним і невилньним життям малює Шевченко також пластично і оригінальне образами, взятими з обсягу смаку:

А їлась би смаченька каша!
Та каша, бачите, не наша,
А наш несолений куліш,
Як знаєш, так його і їж!

Інші Шевченкові образи, взяті з обсягу смаку, як ось: «упитися кров'ю», «кров і дим їх упоїв» і т. д., не мають такої сили і пластички і являються більше риторичними прикрасами. І у Шашкевича знаходимо гарне означення:

І день йому милий, і солодка нічка.

Змисл дотику, як ми вже згадали, служить нам до пізнання не тільки форми тіл, їх консистенції, поверхні і температури, але також їх віддалення, корегуючи тут ненастанно змисл зору. Відси походить те інтенсивне явище, що первісні міри майже всі взяті з обсягу дотику, мірою майже все було людське тіло, наш народ і досі ще вживає таких примітивних означень, як: дошка груба на два пальці, довга на три п'яді, вода глибока на два хлопа, відси до нього нема і ста кроків. Зрештою, і загальніші міри: локоть, стопа, сажень (доти сягне чоловік) мають явні сліди мірення людським тілом. Не диво, що сей змисл, такий важний для психічного розвою кожної людини, дав нашій мові, а тим самим і поезії багато інтересних і важних термінів та епітетів, котрими послугуємося в найрізніших значеннях, не раз не думаючи про їх первісне призначення. І так говоримо: то тяжка справа, легко мені на душі, се піде гладко, гаряче любити, холодна розпука, квадратний дурень, гладка дівчина, рогата душа, твердий характер, м'яка вдача, слизька спекуляція, горойжитися і т. ін., і при тім в нашій душі вириваються образи різного роду, але не дотикові, хоч певно, ще несвідомо примішуються їй вони, даючи тим іншим образам певний окремий колорит. Нема що мовити, що їй поезія мусить користати з тих образів, нагромаджених уже в самій скарбівні мови, тим більше що вони вже поетичні самі собою. І ось ми бачимо їх живцем у народних піснях:

Ой не питай, пане брате, чи дівчина гладка,
Але питай, пане брате, чи метена хатка.

Парубок клене матір, що не дозволяє йому женитися з милою:

Бодай тобі, моя мати, так тяжко конати,
Та як мені, молодому, з конем розмовляти.

Про саму пісню співається:

Ой легонька коломийка, легонька, легонька.
Коли ж ми ся поберемо, рибко солодонька?

Вояк говорить товаришам:

Тяжко мені, тяжко, на серці сумненько,
Відай же я забив свого близенького,
Свого близенького, брата рідненького.

З того самого обсягу взяті також гарні образи:

Розсію я тугу по зеленім лугу,
Розсиплю я жалі по зеленій траві.

Коли говоримо «товариський кружок», «широкий круг слухачів», то хоча при тім враження дотику круглої форми й не виринає в нашій душі, а радше являється нам враження зорове: кільканадцять людей, що стоять довкола якогось одного, – а все-таки зв'язок між тими сферами вражень ще не порвався; коли ж у народній веснянці ми знаходимо рядки:

Вербове колесо, колесо
На дорозі стояло, стояло.
Дивне диво гадало, гадало –

то значення того «вербового колеса», котре стоїть на дорозі і щось думає, для нас неясне; ми мусимо вислухати решту пісні:

Ой що ж тото за диво, за диво?
Йшли парубки на пиво, на пиво,

А дівки сі дивили, дивили,
Що парубки робили, робили, –

мусимо через логічні заключення дійти до того, що верба в веснянках означає дівчину, щоб такою околесною дорогою дійти до того, що «вербове колесо» – значить «кружок дівчат». І коли у Шевченка читаємо:

В неволі тяжко, хоча й волі,
Сказать по правді, не було...
Холоне серце, як згадаю,
Що не в Україні поховають...

Один у другого питаєм,
Нащо нас мати привела!..
Якби кайдани перегризти,
То гриз потроху б... Так не ті,

Не ті їх ковалі кували,
Не так залізо гартували,
Щоб перегризти...
Так любо серце одпочине...

І слово правди і любові
В степи-вертепи понесли...
Нехай і такі Не наша мати,
А довелося поважати і т. і.,

то певно, що ми, причаровані простотою і силою тих слів, не думаємо про ті первісні, зміслові а спеціально дотикові враження, до яких апелює поет і якими він у нашій нижній свідомості ворушить таємні струни, що викликають у верхній свідомості саме такі акорди, яких хочеться поетові. Певна річ, і поет, пишучи ті рядки, не думав не раз про первісне, зміслові значення таких слів, як «поховати», «понести», «поважати», «чистий», «праведний» і т. і. Він користувався в значній мірі готовою вже поезією мови, готовим запасом абстракцій і аббревіатур, але все-таки треба признати, що правдиві поети все і всюди з багатого запасу рідної мови вміють

вибирати власне такі слова, які найшвидше і найлегше викликають у нашій душі конкретне змислове враження. Але й поза те правдиві поети, свідомо чи несвідомо, б'ють на наші змисли, творять залюбки образи, наскрізь змислові для виявлення своїх ідей, і в числі таких образів дуже часто знаходимо образи, взяті з дотикового змислу. Наведемо лиш пару таких образів із Шевченка. Щоб показати свою змарновану (по його думці) з вини деяких знайомих молодість, поет обертається до них з докором:

Ви тяжкий камінь положили
Посеред шляху і розбили
О його, бога боячись,
Моє малеє та убоге
Те серце, праведне колись.

Тут майже що слово, то образ із обсягу дотикового змислу, а всі ті образи, взяті разом, чинять сцену, повну руху і трагічної сили; ми чуємо і тяжкість каменя, доторкаємося ногами шляху, чуємо об'єм того малого серця, разом з ним перемирюємо довгу просту дорогу і разом з ним чуємо біль, коли його б'ють об камінь. Інтересно, як не раз поет якимось великим зоровим або слуховим враженням розбирає на дрібні дотикові враження і при їх допомозі силкується викликати в нашій душі образ, зовсім відмінний від тих складників. Щоб змалювати понурий пейзаж над Аралом, він показує нам

І небо невмите, ізаспані хвилі,
І понад берегом геть-геть,
Неначе п'яний, очерет
Без вітру гнеться...

Як бачимо, чотири образи первісне дотикові! Се процедура, аналогічна до процедури тих новочасних малярів-пуантилістів, що, щоб викликати в нашій душі враження інтенсивної зеленої барви, кладуть на полотні обік себе точки самої синьої і самої жовтої фарби, значить, викликають бажаний ефект при допомозі елементів іншої категорії. Таких образів, узятих із обсягу дотикового змислу,

знаходимо у Шевченка і у всіх правдивих поетів багато. Візьміть хоч би такі рядки:

Поклони тяжкії б'ючи...
Взяли Петруся молодого
Та в город в путах одвезли.
Його не довго мордували –
В кайдани добре закували,
Переголили про запас;
Перехрестивсь, оттак убраний,
І поволік Петрусь кайдани, –

і побачите, що кожне слово, підчеркнене мною, в ґрунті речі апелює до нашого дотикового зміслу, хоча поет не силкується тут компонувати ніяких незвичайних поетичних образів, а тільки оповідає, бачиться, зовсім сухо, попросту. Та власне для того, що його оповідання має в собі таку силу зміслових образів і що всі ті образи б'ють у одну точку, власне в змісл нашого дотику, ми, читаючи його, чуємо якийсь широкий подих, якусь гармонію, щось немов тиху, але сильну течію великої ріки. Далі ми бачимо, як поет, бажаючи викликати в нашій душі відмінне почуття, напр., неспокою, тривоги, гніву тощо, громадить і кидає поруч образи також зміслові, але такі, що шарпають нараз різні змісли і не дають увазі спитися ні на однім.

Досі ми роздивляли роль так званих нижчих з естетичного погляду зміслів у поетичній творчості. Тепер перейдемо до т. зв. вищих зміслів, тобто таких, що мають і поза поезією вироблені спеціальні для себе відділи штуки: слух – музику, а зір – малярство. Наша задача тут комплікується, бо обік такого роздивлення ролі даного зміслу, як досі, нам прийдеться хоч трохи зазначити відносини спеціальної артистичної творчості того зміслу до поезії і навпаки.

2. Поезія і музика

Роль слуху в нашій психічній житті безмірно велика. Світ тонів, гуків, шелестів, тиші – безмежний; він дає звірам і людям першу можливість порозуміватися, передавати собі взаємно враження і бажання. У людей на його основі виробилася мова, перша і дуже

багата, хоч, буквально беручи, на повітрі збудована скарбівня людських досвідів, спостережень, поглядів і чуття, людської цивілізації. Змисл слуху, в контрасті до змислу дотику, дає нам пізнати цілі ряди явищ моментальних, невловимих, летючих, цілі ряди змін наглих і сильних, що вражають нашу душу; до поняття твердості, постійності, форм, місця він додає поняття переміни, часу. Не диво, що і в поезії сей змисл грає велику роль, що поетові дуже часто приходиться апелювати до нього, тим більше що поезія загалом первісне була призначена для нього, була співом, рецитацією, оповіданням, грою.

Та ба! З того самого джерела виплила і на тій самій основі розвилася ще одна артистична діяльність людського духу – музика. Які ж взаємини добачаємо між сими двома творчостями? В чім вони сходяться, чим різняться одна від одної?

Ми вже зазначили, що початок обох був спільний. Тут додамо, що сей початок значно старший від самого існування чоловіка на землі, бо вже в звірячій світі ми знаходимо і початки мови як способу порозуміння між собою, і початки музики як вислову чуття. У давніх людей поезія і музика довго йшли рука об руку, поезія була піснею, переходила з уст до уст не тільки в певній ритмічній, але також в певній невідлучній від ритму музикальній формі. Розділ поезії від музики dokonувався звільна, в міру того як чоловік винаходив різні музикальні інструменти, що дозволяли репродукувати і продукувати тони і мелодії механічним способом, незалежно від людського голосу.

Та на тім спільнім походженні майже й кінчиться схожість між поезією і музикою. Нині поезія доходить до нашої свідомості тільки в виїмкових випадках через слух – на концертах та декламаційних вечерках і т. і. Переважно ми читаємо поетичні твори, приймаємо їх при помочі зору. Коли музика апелює тільки до нашого слуху, самими чисто слуховими враженнями силкується розворушити нашу фантазію і наше чуття, то поезія властивими їй способами торкає всі наші змисли. Коли музика б'є переважно на наш *настрій*, може викликати веселість, бадьорість, сум, тугу, пригноблення, отже, переважно грає, так сказати б, на нижчих регістрах нашого душевного інструменту, там, де свідоме граничить з несвідомим, то поезія порушується переважно на горішніх регістрах, де чуття межує з рефлексією, з думкою і абстракцією і не раз помітно

переходить в домену чисто інтелектуальної праці. Властиво доменою музики є глибокі та неясні зворушення, доменою поезії є більш активний стан душі, воля, афекти, – звісно, не виключаючи й моментальних настроїв. Деякі слухові явища з природи своєї недоступні для музикального представлення, напр., враження тиші; музика може користуватися ним тільки в дуже обмеженій мірі в формі пауз, тобто моментальних контрастів; поезія має змогу репродукувати в нашій душі і се враження в довільній довготі і силі.

Та перейдемо до прикладів; вони покажуть нам наглядно, як поводить ся поет зі слуховими враженнями і, може, дозволять нам провести розпізнання границь між поезією і музикою ще пару кроків далі. Візьмемо хоч би перший уступ Шевченкової «Причинної», а власне ті рядки, де поет малює словами різnorodні гуки, з яких складається буря:

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива...

Ще треті півні не співали,
Ніхто ніде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались
Та ясен раз у раз скрипів.

В першій і останній парі рядків зібрано тут кілька сильних слухових образів – рев великої ріки, свист і виття вітру, крик сичів, скрип дерева – все ефекти чисто музикальні і доступні для чисто музикального трактування. Але середня пара рядків? Там також є слова, що апелюють до нашої слухової пам'яті: півні співають, люди гомонять. Та ба, при однім і другім з тих слів є, сказати б по музикальному, касівник, слівце «не», котре вказує власне на брак даного враження, немов телефонує до нашої душі: «З сим враженням дати спокій». Пощо запотребилося се поетові? Пощо ся «сліпа тривога» – торкнути наш змисл і зараз же сказати йому: ні, ні, сього не треба? Чи, може, тільки для заповнення люки? Ні! Се дуже інтересний примір, як поет при помочі таких сліпих алярмів до нашого слухового змислу викликає в нашій уяві зовсім інший, не слуховий, хоч первісне на підставі слуху вкріплений в душі образ – часу, пори, коли відбувається подія балади. Правда, він міг би зро-

бити се коротше, немов конвенційною монетою, сказати: північ, та й годі, але він волів покласти тут нестемпльоване золото поезії, обійти абстракт, репродукувати його змисловими образами. Для музики ся процедура зовсім недоступна.

В тій самій баладі маємо далі знов цілий ряд слухових образів, котрими поет характеризує український ранок:

Защебетав жайворонок,
Угору летючи;
Закувала зозуленька,
На дубу сидючи.

Защебетав соловейко.
Пішла луна гаєм.

.....
Пішов шелест по діброві,
Шепчуть густі лози...

Тут для мене менше інтересний контраст між тими тонами, які тепер викликає поет в нашій душі, і тими, які викликав з початку твору; сей контраст зовсім натуральний, і його можна би ще значно зміцнити; порівняй, напр., отсей опис ранку з тим, який є в Квітчиній «Марусі», де, характеризуючи спів соловейка, приведено цілий словник оноματοпоетичних слів, значить, поет наробив багато шуму, тріскоту, ляскоту, але забув про найважливіше – про чуття і настрої нашої душі, для котрого вистарчить одне слово, так, як у Шевченка, але для котрого цілий словник має таке значення: як коновка зимної води, вилита зненацька на голову сентиментальному парубкові. Щире, глибоке чуття берегло Шевченка від усяких таких вискоків. Але, як сказано, не те головно інтересно в тім простенькім описі українського ранку, а те, що поет, зовсім аналогічно до опису бурливої ночі, і тут до змалювання погідного, тихого ранку бере переважно слухові, музикальні образи. Шевченко не раз описував ранок в українськiм селі, але ніде в такій мірі не послуговався музикальними мотивами, як власне тут. Я певний, що се сталося несвідомо. Видно, що ціла балада вилася у Шевченка з одного імпульсу, з одного сильного душевного настрою; слухова пам'ять, розворушена сильними враженнями, зібраними в першiм

уступі, тепер силою природної, але несвідомої реакції піддала поетові контрастові, немов суплементарні, але також переважно музикальні образи для змалювання ранку. Поет-дилетант, такий, що творить розумом, був би вже давно забув про початок і був би тут розсипав перед нами щедрі колористичні ефекти, – Шевченко ледве зазначає їх у трьох рядках: «Чорніє гай над водою», «червоніє за горою» і «засиніли понад Дніпром високі могили». Головне тло малюнка – музикальне, так само, як було музикальне тло першого.

Такими слуховими, музикальними образами оперує Шевченко залюбки в одній з найкращих своїх поем – у «Гамалії», що вся є немов дзвінким погуком козацького героїства, відваги і енергії. Тут чуємо козацьку просьбу до вітру, щоб «заглушив кайдани», до моря, щоб «заграло під байдаками»; тут бідні невольники бажують перед смертю «почути козацьку славу», тут козацькі сльози «домовляють тугу»; рев Дніпра дуже пластично змальовано словами:

Зареготався дід наш дужий,
Аж піна з уса потекла.

Тут «Море вітер чує», «Босфор клекотить, неначе скажений, то стогне, то виє». Козацький напад змальовано коротко, але сильно:

Реве гарматами Скутара,
Ревуть, лютують вороги...
Реве, лютує Візантія...

Згадаю далі, як у «Гайдамаках» Шевченко такими ж музикальними образами малює свої мрії про Україну:

У моїй хатині, як в степу безкраїм,
Козацтво гуляє, байрак гомонить,
У моїй хатині сине море грає,
Могила сумує, тополя шумить,
Тихесенько «Гриця» дівчина співає...

Таких уступів у Шевченковій поезії набрав би досить, та ми не будемо перебирати їх, а приведемо тут тільки деякі такі, де поет при допомозі спеціально слухових образів упластичнює інші, більш абстрактійні поняття. Ось, приміром, у «Княжні» він показує при допомозі двох слухових образів контраст панської розкоші і людського бідуння:

Ревуть палати на помості,
А голод стогне на селі.

Дальше від первісного значення такі слова, як «слава здорово кричить за наші голови», або ті, де поет в пересерді характеризує мовчанку своїх знайомих:

Ніхто не гавкне, не лайне,
Неначе не було мене.

Або коли малює жалібний настрій своєї душі: «співає і плаче серце», або коли бажає своїй душі такої сили,

Щоб огненно заговорила,
Щоб слово пламенем взялось, –

де комбінація слухового образу з зоровим надає цілому реченню незвичайний, яскравий колорит. Те саме треба сказати про такі звороти, як «елеєм слово потекло», «арена звіром заревла». Сподіваний упадок суспільного та політичного неладу в Росії малює поет як упадок старого дуба:

Аж зареве та загуде,
Козак безверхий упаде,
Розтросчить трон, порве порфиру,
Роздавить вашого кумира.

Вже з тих примірів, які наведено тут, можна побачити різницю між поезією і музикою. Різниця є і в обсягу обох родів артистичної творчості, і в методі поступування. Бо коли музика може малювати тільки конкретні звукові явища (шум бурі, свист вітру, рев

води, голоси звірів) і тільки посередньо, сказати б, символічно різні стани душі: поважний настрій, жаль, благання, гнів, радість і т. і., а недоступне для неї є ціле царство думок і рефлексії, абстрактів, крайобразів, руху і ділання (з виїмком таких випадків, котрі можна замаркувати якимись характеристичними звуками, напр., марш війська абощо), то для поезії не тільки доступні всі ті явища, які доступні й для музики, але й надто і ті, що недоступні для неї. Та тільки музика малює все те тонами, котрих скаля і різно-родність є дуже обмежена, але котрих зате вона вживає як до потреби, поодинокі або меншими чи більшими гармонійними в'язками (акордами), викликаючи тим способом в нашій душі такі ефекти, яких не може викликати говорене слово. З сього погляду поезію можна прирівняти до барвистої, але поодинокі нитки, а музику до штучної тканини. Поезія може в однім моменті давати тільки одне враження і з самої своєї природи не може чергування тих вражень робити скорішим, ніж на се дозволяють органи мови і організм бесіди; натомість музика може давати нам рівночасно необмежену кількість вражень і може міняти їх далеко швидше. Значить, враження, яке робить на нас музика, є не тільки безпосереднє (не в'язане конвенціональними звуками сеї або тої мови), але безмірно багатше, інтенсивніше і сильніше, ніж враження поезії. Але, з другого боку, воно більше загальне, обхапує, так сказати, всю нашу істоту, але не торкає спеціально ніякої духової струни. І властиво ж воно торкає живіше тільки деякі наші органи, побуджує кров до живішого або повільнішого обігу, буває причиною легкої дрожі або того, що у нас «пробігають мурашки за плечима», але вищі духові сили звичайно спочивають. Зовсім противна поезія. Хоча її ділання в кождім поодинокім моменті безмірно слабше від музики, то, проте, промовляючи не тільки до самого чуття, але й до інтелекту, вона розворушує всі наші вищі духові сили, розбурхує чуття, і хоча просочується до душі, так сказати, крапля за краплею, то, проте, викликає образи безмірно виразніші, яркіші і лишає тривкіші сліди в душі, ніж музика. Певна річ, і поезія викликає в нашій організмі такі самі зміни, як музика, і викликає їх не раз далеко сильніше, заставляє нас не тільки тремтіти і запирати в собі дух, але також сміятися, плакати, почувати тривогу, вдоволення, ненависть, погordu і т. і. Та головна річ тут та, що вона не втихомирює, а розбур-

хує до жвавшого ділання наші вищі духовні функції, і се можна би назвати її характерною прикметою.

Інтересно буде подивитися, як малює музика певні стани і зворушення нашої душі, а як поезія. Маючи змогу обертатися тільки до самого слуху, музика має кілька категорій способів, якими передає свій настрій нашій душі. Найвідповіднішою, найприроднішою її доменою є репродукування звукових явищ природи: бурі, шуму дощу, води або листя, криків різних живих сотворинь і т. і. Правда, сю найприроднішу свою домену музика відкрила не дуже давно, і не можна сказати, щоб зробила в ній великі поступи. Головні явища природи в музиці поки що виходять невиразні, ледве зазначені або дуже конвенціональні, «стилізовані», мов цвіти на народних узорах та тканинах. По моїй думці, тут власне лежить поле для музики будучини. Способи, яких уживає музика для сеї цілі, се добір інструментів і добір тонів, гармонізація в зв'язку зі скріплюванням або ослаблюванням, повільним або наглим перериванням поодиноких тонів чи цілих тонічних комплексів.

Друга домена музики, безмірно старша від першої, се символічна музика, музика людського чуття і людських настроїв. Первісне вона була в нерозривнім зв'язку з поезією (прастарі гімни, пісні і т. д.) і, мабуть, ніколи вповні не відділиться від неї. Щоб змалювати людські настрої і чуття і викликати у слухачів такі самі настрої і чуття, музика, крім слів, послугується здавна двома головними, чисто музикальними способами: темпом і мелодією. Мелодія – се певне симетричне згрупування музикальних фраз, котре вже само собою, своїм пов'язанням тонів викликає в нашій душі напруження, зацікавлення, степенує його і вкінці доводить до стану зглядного спокою і втишення. Темп же додає тій мелодії виразу живості або поваги; маємо темпи поважні, сумні, плачливі, набожні, радісні, веселі, гумористичні і т. і. Послугуючися всіми тими способами, музика, не виходячи з границь артизму, не роблячися клоунською еквілібристикою, може панувати над дуже широкою скалею явищ зверхнього і нашого внутрішнього світу.

Поезія має дуже мало чисто музикальних засобів. Людська мова вживає дуже мало чистих тонів, інтервал її дуже невеликий, а притім чисті тони (самозвуки) підмішані скомплікованими шелестами. Віршова і строфічна будова тільки дуже не докладно може змінити музикальну мелодію. Та зате поезія тим вища від музики,

що при допомозі мови може панувати над цілим запасом змислових образів, які тільки є в нашій душі, може при допомозі тих образів викликати безмірно більшу кількість і різnorodність зворушень, ніж музика. Візьмим, наприклад, як малює Шевченко тяжку задуму арештанта, у котрого мішається і жаль за страченою волею, і докори собі самому, і тиха резигнація:

За думою дума роєм вилітає,
Одна давить серце, друга роздирає,
А третя тихо-тихесенько плаче
У самому серці, може й бог не бачить.

Як бачимо, основний мотив чисто музикальний: змалювання такого-то настрою душі. Музик розібрав би сей мотив на музикальні часті: якусь основну, поважну, мелодію, до котрої зненацька домішуються плачливі, аж крикливі ноти, є там обривок якоїсь радісної мелодії, і знов поворот до основної сумовитості, і, вкінці, безнадійність зазначив би димінундами. Поет досягає ту ціль, торкаючи один за одним різні наші змисли. В першій рядку він показує нам рої якихсь невлених істот, що летять в далечині; у другій рядку він торкає наш дотик, у третій ми чуємо тихий плач і т. д. І хоча читач, слідкуючи за поетом, і не міркує, куди веде його поет, а тільки відчуває поодинокі імпульси його слова, то все-таки він і не спостережеться, як, прочитавши ті рядки, почує себе власне в такому настрої, в якому був поет, складаючи їх, або в якому хотів мати його поет.

Візьмим іще приклад, де поет пробує вдертися в чисто музикальний обсяг, в домену неясних почувань, загального душевного занепаду, що не проявляє себе ніяким фізичним болем, а проте мучить і знесилює душу мов прочуття якогось великого лиха. Музика дуже гарно вміє віддавати такі настрої і викликати їх в душі слухачів; поезія вже тим самим, що оперує словами, з котрих кожде має дане значення і більшість їх викликає в уяві певні конкретні образи, не надається до малювання таких настроїв, а коли й пробує робити се, то мусить уживати різних способів. Подивімося, як робить се Шевченко:

Я не нездужаю нівроку,
А щось такеє бачить око

І серце жде чогось, болить,
Болить, і плаче, і не спить,
Мов негодована дитина.

Придивімося ближче тим чудовим рядкам! У першім схарактеризовано фізичний стан поета, але як? Аж двома негациями. Ми розуміємо його, але наша уява не одержала ніякого пластичного образу. В другім рядку поет апелює ніби до нашого зору, але знов не дає ніякого образу; зоровий нерв подразнений, зрачок розширяється, але не бачить нічого. В третім рядку поет так само торкає наше внутрішнє чуття: серце жде чогось, б'ється сильніше, але і тут уява не одержує ніякого пластичного образу. Се напруження зміцнюється аж до почуття неясного болю. Тільки один змисл одержує виразніший імпульс – слух. Йому причувається далекий, сумний, монотонний голос, мов плач голодної дитини вночі. Сей голос сам собою, навіть без попередніх приготувань, міг би викликати в нашій душі сумний і важкий настрій, якби поет міг нам репродувати його так виразно і сильно, як музик. Але власне для того, що він не може зробити се безпосередньо, він осягає свою мету посередньо, іншими, своїй штуці властивими способами, він викликає в нас нервовє занепокоєння, розширення зрачків, прискорене биття серця, почуття неясного болю, так що одинокий пластичний образ, який він подає нашій уяві – голодної плачучої дитини, набирає великої сили, домінує, так сказати, над усіма іншими.

Варто придивитися ще одній процедурі музики і поезії – малюванню тиші. Перехід від голосних тонів до щораз тихіших, степенування тої тихості аж до границь, до яких тільки може наше ухо розрізнити тон, – се властива домена музики; поезія не має таких способів і дуже слабо може конкурувати з нею. <...>

Далеко краще, живіше малює Шевченко мертву тишу киргизьких степів над Аралом:

Не говорить,
Мовчить і гнеться, мов жива,
В степу пожовкля трава;
Не хоче правдоньки сказати,
А більше ні в кого спитати.

Поет навмисно вкладає в ту траву привид життя, підсуває нам враження, що вона не хоче говорити, щоби таким робом не тільки викликати в нашій уяві враження тиші, але в додатку ще й те важке почуття, яке огортає нас, коли станемо око в око з кимсь, що не хоче говорити з нами, а нам треба конче сказати щось, а нема кому. Або ось малюнок безсонної ночі, де поет не чує нічого, крім власної нудьги:

Приходить ніч в смердючу хату,
Осядуть думи, розіб'ють
На стократ серце, і надію,
І те, що вимовить не вмію,
І все на світі дроженуть,
І спинять ніч; часи літами,
Віками глухо потечуть.

З незрівнянним, хоч, певно, несвідомим майстерством, з тим майстерством, якого не осягне і найвище розвинена інтелігенція, а яке дається тільки могутньому чуттю і геніальній інтуїції, показав тут Шевченко, як малює поезія такі, на перший погляд, парадоксальні речі, як тишу і безсонність. Бо справді, тиша – се, властиво, брак вражень, то як же ж малювати її при допомозі таких чи інших образів? А дивіть на Шевченків малюнок! Він дав нам не один образ, а цілу драму, повну руху: ніч входить у хату, думи сідають довкола поетової постелі, розбивають його серце і надію, прогонюють усякі бажання, а вкінці спиняють біг часу, і ми чуємо, як над поетом пливуть безмежні простори часу «глухо», без шелесту, без зміни. Поет справді обсягає свою ціль; він не тільки не передає нам зі страшенною пластикою враження нічної тиші і безсонниці, але надто передає нам своє чуття, стан своєї душі під тиском вражень, передає не окремими словами, але самим колоритом, який він надав своєму малюнкові.

Такий ефект для музики неможливий. *Pianissimo*, котрим музика звичайно маркує тишу, має те до себе, що рівночасно малює лагідні чуття, неясні мрії і ніяк не може малювати таких внутрішніх драм тиші, які часто малює поезія. От тим-то музика, що має претензію малювати людські думки, внутрішню боротьбу різних сил нашої душі, навіть різних пристрастей, тобто музика, що

силкується вдертися в властиву домену поезії, наперед засуджена на невдачу. Так названа «Gedankenmusik»¹ є утопією; тони ніколи не можуть бути еквівалентом тих таємних рухів, які відбуваються в наших нервах.

Та, з другого боку, ясно буде також, яку вартість мають проби деяких, особливо французьких поетів зробити поезію чистою музикою, будувати вірші зі слів, дібраних нь відповідно до їх значення, але відповідно до їх т. зв. музикальної вартості. Се поступування зовсім подібне до того, про яке говорить наша приповідка: церков обідри, а дзвіницю полатай. Ті поети, мабуть, не розуміють того, що, ганяючися за фіктивною музикальною вартістю слів, вони тим часом позбуваються тої сили, яку мають слова як сигнали, що викликають в нашій душі враження в обсягу всіх змислів. Музикальна вартість поодиноких слів навіть у такій мелодійній мові, як французька, є зглядно дуже мала, і найбільші віртуози версифікації осягають тим способом дуже нетривкі ефекти – і то коштом далеко важнішої втрати в пластичності і змісті поезії. Візьмим один із найбільш звісних примірів, Верленову архімелодійну строфу:

Les sanglots long
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotone.

«Довгі хлипання скрипки восени ранять моє серце монотонною втомою». Перекладені на яку-небудь іншу мову, то значить позбавлені чисто механічної, мовної мелодії, ті слова не говорять нашій фантазії ані нашому чуттю нічогісінько; та й у французькім треба бути втаємниченим у спеціальну декадентську містику, щоб знати, що те «lo», повторюване в трьох перших рядках, значить не булькіт горілки крізь вузьку шийку пляшки, а осінню тугу, а те «on-in-an-on» у дальших рядках – то не голос дзвонів, а прим., спомини минувшини або щось подібне.

---

¹ Музика думок (нім.).

Зрештою, не треба забувати, що поезія від давніх-давен уміла використовувати ті музикальні ефекти, які дає сама мова. Ще в Софокла знаходимо вірш:

Τυφλός τα τ'ότα τον τε νοῦν, τα τ'ῆματα εἶ.

(ти сліпий на уха, на розум і на очі), в котрім так і чується здавлюваний гнів і погроза в устах сліпого старця, оте торкотання, що німці називають Stottern¹. Ми в одному із дальших розділів отсеї розвідки поговоримо докладніше про ті музикальні ефекти самої мови, про т. зв. оноματοпоетичні слова, викрики, алітерації, асонанси і рими. Тут згадуємо про них тільки для того, щоб зазначити, що французькі декаденти не винайшли тут нічого нового, а тільки своїм звичаєм і силою реакції довели до абсурду річ, давно звісну і природну. Зрештою, проти тої псевдомузикальної манії піднялась уже реакція в Німеччині. <...>

3. Змисл зору і його значення в поезії

Ми вже сказали, що змисл зору дає найбагатший матеріал для нашого психічного життя, а тим самим і для поезії. Пригадаймо тільки великі контрасти світла і темноти і безконечну скалю кольорів, пригадаймо такі поняття, як високість і низькість, краса і бридкість, форма і рух, такі образи, як небо, поле, земля, гори, і зрозуміємо, як глибоко сягає в нашу душу вплив зорового змислу. Гарний приклад великої ролі, які мають образи, взяті з обсягу зорового змислу, в народній поезії, дають нам важні і характерні *epitheta ornamentia*², якими радо послугується народна пісня. Користуючися багатою збіркою тих епітетів, зладженою Міклошичем (Dr. Fr. Miklosich. Die Darstellung im slavischen Epos, Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil. hist. Classe, Bd. XXXVIII, 1890, 28-40), я подаю тут ось який цифровий огляд:

У сербських піснях епітетів прикметникових є 97, а іменникових 25; між першими із обсягу зору взятих є 35; між другими 5; із обсягу дотику 2+5, із обсягу смаку 5, із обсягу слуху 1.

---

¹ Заїкання (нім.).

² Прикрашальні епітети (лат.).

У болгарських піснях на 58 постійних епітетів 21 узятю з обсягу зору, 16 з обсягу дотику, 2 з обсягу смаку, а один з обсягу слуху. В російських піснях таких епітетів начислив Міклошич 64, з них зорових є 18, дотикових 13, смакові 1, слухові 2. В українсько-руських піснях епітетів 38, з них зорових 17, дотикових 10, слухових 1. Загалом можна сказати, що в слов'янських епічних піснях на 279 постійних епітетів 173 (62%) взято з обсягу зміслових вражень, а з них 96 (55,3%) узятю з обсягу зору, 65 (37-57%) з обсягу дотику, 7 (4%) з обсягу смаку, а 6 (несповна 3%) з обсягу слуху. Інтересно, що у південних слов'ян, у сербів і болгар, запас епітетів загалом найбагатший, між ними найбільший процент епітетів зміслових, а між тими знову найбільше власне зорових. Те саме треба сказати і про порівняння. Сербська пісня порівнює молодого парубка до гарної китиці квіток; дівчина називає любка своїми чорними очима. Поява героя на обрії описується ось як:

Бачите ви оттой бовдур мряки,
Бовдур мряки з-під чорного лісу?
Тая мряка – Королевич Марко.
Поїздка юнака на поле – се політ зірки по небі:
Пак се ману преко пода равна,
Кано звезда преко ведра неба.

Мілош виїжджає на поле, «мов яркеє із-за гори сонце». Дуже гарно малює інша пісня похід юнаків:

Ой то суне хмара від Котара,
А крізь хмару блискавки блискочуть;
А як тая хмара піднялася,
З-під копит так курява знялася;
Як крізь хмару блискавки блискочуть,
Так блискочуть зброї на юнаках.

Ще одна цитата – опис дівчини-вродливиці, характерний із многих інших причин, а головню тою масою зорових образів, з яких зложено малюнок:

Гарна вона, краща й быть не може!
Бо що станом – тонка і висока,

А що личком – біла і рум'яна,
Наче зранку виросла до півдня
В тиші проти сонця весняного.
Очі в неї – два щирі клейноти,
А ті брівки – морській веселки,
А рісниці – ластів'ячі крила,
Руса коса – шовкове повісмо,
А устонька – цукровий замочок.
Білі зуби – бісера дві низки,
А рученьки – лебедині крила,
Білі груди – два голуби сиві.
Слово мовить, мов голуб воркує,
А всміхнеться, мов сонечко гріє.

Хто не пригадає наших поетичних образів, таких як: біле тіло, рум'яне личко, чорні очі, чисте поле, платити по червоному, по золотому, зелений явір і т. і.? В щедрівці співають про дівчину:

На горі, горі сніги, морози,
А на долині руженька цвіте.

Жаль прирівнюється до студеної роси по зеленій траві. Коломийка говорить:

Молодиці, як зірниці, дівчата, як сонце,
Ой напишу, намалюю, поставлю в віконце,

або висловлює таке саме порівняння краси дівочої з зорею іншим, більше поетичним способом:

Ой упала зоря з неба та й розсипалася,
А дівчина позбирала та й підтикалася.

Дуже інтересний паралелізм бачимо в отсій пісні, де дівчину порівняно до калини:

«Червона калино, чого в лузі стоїш?
Чи цвіту жалуєш, чи стужі ся боїш?» –

«Цвіту не жалую, стужі ся не бою,
Сама я не знаю, як зацвісти маю.
Зацвіла би-м біло – люди не пізнають,
Зацвіту червоно – гілля обламають». –
«Молода дівчино, чого сумна ходиш?
Чи головка больна, чи світу-сь не вольна?» –
«Головка не больна, і я світу вольна,
Три ночі не спала, один лист писала
До того жовняра, що-м вірно кохала».

Ми не можемо тут входити в такі інтересні деталі, як напр., символіка кольорів у народних віруваннях і в поезії, символіка цвітів і т. і., що, властиво, також належить сюди, і подамо ще декілька примірів зорових образів у нашій артистичній поезії, а головно у Шевченка. Кожному, хто читав Шевченкові поезії, мусила лишитися в тямці та маса зорових, кольористичних образів, якими він любить характеризувати українську природу, всі оті «карії оченята і чорнії брови», «вишневий сад зелений і темнії ночі», «синє море», «червону калину», «зелені байраки», «степ, як море широке, синіє», «небо блакитне», «чорні гори», і могили, «що чорніють, як гори», і ті хлопці і дівчата, що «як мак, процвітають». Варто звернути увагу на деякі мальовничі порівняння. І так в часі нічного нападу на Скутару:

Неначе птахи чорні в гаї,
Козацтво сміливо літає.

Загальнозвісне є порівняння: «Червоною гадюкою несе Альта вісті». В «Катерині» читаємо:

А без долі біле личко,
Як квітка на полі:
Пече сонце, гойда вітер,
Рве всякий по волі.

Дівчина у нього часто є рожевим цвітом. Катерина, «як тополя, стала в полі при битій дорозі». Дитина «червоніє, як квіточка вранці під рососою». Розпука «коло серця, як гадина чорна, поверну-

лась». Зима в Московщині: «Як те море, біле поле снігом покотилось». Взагалі багатство мальовничого елемента додає «Катерині» незвичайного повабу.

Дуже часто поет послугується грою кольорів у природі, щоб характеризувати зміну людського чуття. Є се звісна поява, що в добрім настрої чоловікові вся природа видається ясною, всміхнутою, свіжою і веселою, а в пригнобленні – понурою, темною, хорою. Характеризуючи настрій українського народу по битві під Берестечком, Шевченко співає:

Ой чого ти почорніло,
Зелене поле, –

де зелений колір, очевидно, є символом здоров'я, сили, краси і надії, які були перед битвою, а чорний – символом пригноблення по битві.

Та не треба забувати, що правдиві поети ніколи не дозволяють собі тих кольористичних оргій, у яких любуються теперішні декаденти та пленеристи пера і чорнила, їх описи виглядають радше як вказівки для маляра або як преїскуранти різних вишуканих фарб, аніж як поетичні креації. А погляньте, як описав Шевченко вечір в українському селі весною – на що вже мотив здібний до якого хочете кольористичного трактування!

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть.

І знов бачимо аналогічну процедуру до тої, яку ми видали попереду: поет, коли береться малювати, то не чинить се виключно красками, фарбами, котрі у нього властиво є тільки словами, зчепленням таких і таких шелестів і гуків, але торкає різні наші змисли, викликає в душі образи різnorodних вражень, але так, щоб вони тут же зливалися в одну органічну і гармонійну цілість. Ось у наведенонім вище куплеті перший рядок торкає змисл зору, другий – слуху, третій – зору і дотику, четвертий – зору і слуху, а п'ятий – знов зору

і дотику; спеціально кольористичних акцентів нема зовсім, а проте цілість – український весняний вечір – встає перед нашою уявою з усіма своїми кольорами, контурами і гуками як жива. Натомість ми бачимо, як поет уживає кольористичних ефектів зовсім не там, де вжив би їх маляр, а для характеристики психічного настрою людей. І так він характеризує кріпацтво: «Чорніше чорної землі блукають люди»; своє життя в неволі:

Каламутними болотами
Між бур'янами, за годами
Три годи сумно протекли.

Додаймо сюди ще такі народні звороти, як «у тебе зелено в голові» (ти ще молодий та дурний), «у тебе на бороді гречка цвіте» (борода сивіє, значить ти старієшся), «чоловік сорокатої вдачі» (непостійний), згадаймо Міцкевичеве

Zaczerwienit sie od ziosci,
Oblal sig zolcia zazdrosci¹,

і зрозуміємо, який обширний обсяг зорових образів у поезії.

4. Поезія і малярство

Так само, як слух, має також і змисл зору, крім поезії, свою спеціальну штуку, а властиво кілька родів штуки, що їх разом зовемо «пластичними штуками» (die bildenden Kunste²), з них найважливіші є малярство і різьба. Лишаючи на боці різьбу, а також такі роди штуки, як архітектуру, танець і штуку драматичну, ми повинні роздивити тут відносини між поезією і малярством як двома найважливішими паростями людської артистичної творчості, такими, що дають для творчого духу найширше поле, найбільше багатство форм і способів. Чим подібні, чим різні вони між собою?

Як звісно, малярство силкується при помочі ліній і красок, відповідно уложених на таблиці (полотні, папері, дереві, блясі, стіні і т. і.), передати нам чи то якусь частину дійсного світу (людське

---

¹ Почервонів від злості, заллявся жовцю заздрості (пол.).

² Образотворчі мистецтва (нім.).

лице, сцену, крайобраз), або якусь думку, виявлену також постатями, взятими більше або менше живцем з природи (різні алегоричні фігури, історичні та релігійні малюнки). Сама природа сеї штуки жадає того, що все, зображене нею, мусить бути недвижне і незмінне; світло і тінь держиться все на однім місці, люди і звірі стоять чи лежать все в одній позиції, з одним виразом лица, кольори лишаються все однакові, хоч у дійсній природі все те підлягає неастанним змінам, рухові та обміну матерії. Можна сказати, що кождий образ – се частина природи, вихоплена з негавного виру життя і закріплена на таблиці. *Малярство ризниться від дійсної природи своєю недвижністю.*

Та се ще зовсім не значить, що твори сеї штуки і на нас роблять враження недвижності та мертвоти. Певна річ, вони можуть робити й таке враження, але можуть робити й зовсім протилежне. Власне до найкращих тріумфів малярської штуки належить – при помочі способів, що властиво віддають тільки спокій і нерухомість, викликати в нашій душі враження руху. Інколи ми самі, про це не знаючи, висловлюємо се, коли про добрий портрет мовимо: здається, живий, от-от промовить. Хто бачив хоч у репродукції образи Репіна, такі як «Запорожці» або «Іван Грозний, що вбиває свого сина», той зрозуміє, що значить сказати: «в тім образі багато руху», зрозуміє, чому нервові люди мліли, зирнувши уперве на «Івана Грозного», чому дами невільно і несвідомо хапають рукою свої сукні, опинившись перед малюнком Айвазовського, де зображено одну-однісіньку морську хвилю, що немов ось-ось і кинеться на зрителів. І різьба вміє також своїми найкращими творами викликати сю ілюзію руху, і, прим., при виді Бельведерського Аполлона у нас мимовільно піднімаються груди, а при виді Лаокоона корчаться мускули, мов з болю і обридження перед гадюками. Так само перед гарними пейзажами ми почуваємо не раз свіжий подих холоду, гаряче сонячне проміння, а уява переносить нас чи то в холод під намальованими деревами, чи на запилений шлях, чи на круту стежку, що в'ється ген далеко по склоні гори; ми самі собою вносимо рух у той куточок природи, який закріпив маляр, і власне в тім лежить головне і всім доступне естетичне вдоволення, яке дають нам добрі малюнки. А яка ж мета поезії! І вона також властивими собі способами передає якийсь шматок дійсності, закріплює його в вузькій (порівняно до дійсності) рамці, піднімає його також понад водово-

рот дійсного життя і передає без дальшої зміни потомності. І поезія має таку саму мету – властивими їй способами репродукувати в душі читача чи слухача ті самі моменти життя (руху, ситуації), які закріпив у поетичному творі його автор. Значить, і вихідна точка, і мета обох сих форм артистичної творчості зовсім однакові. Можна би додати, що потроху однаковий і спосіб, яким вони досягають сю мету. Адже наша писана чи друкована поезія також в першій лінії обертається до зору, оперує цілою системою кольорових плямок (літер), що викликають в нашій тямці відповідні їм слова, а подекуди навіть (при тихім читанні) се посередництво слів зводиться до *minimum*, і літери відразу викликають в нашій уяві конкретні образи, відповідні словам, які творять літери, написані в книзі. Правда, поезія поки що менше піддається такому «скороченому поступуванню», як проза; поезія вживає ритму і рими і різnorodних способів, які дає мелодійність мови, на те, щоб, окрім зору, раз у раз відкликатися до слуху. Але найновіший німецький напрям, розпочатий згаданим у попереднім розділі Арно Гольцом, відкидаючи всі мелодійні придабашки і оперуючи самими простими словами в їх первіснім, конкретнім значенні, очевидно йде до того, щоб зробити друковану поезію *sui generis*¹ образковим письмом, де би чоловік, зирнувши на слово, не потребував репродукувати собі його слухового еквівалента, а репродукував би просто відповідний йому образ конкретного явища.

Та на сьому і кінчиться подібність сих двох штук. Бо коли малярство апелює тільки до зору і тільки посередньо, при допомозі зорових вражень, розбуджує в нашій душі образи, які найзвичайніше являються в асоціації з даним зоровим враженням (напр., бачимо на малюнку дерева з повигинаними в однім напрямі гілками і верхками і догадуємося, що се є вітер, або бачимо голі дерева і закутаного, скуленого чоловіка і заключаємо, що йому зимно і т. і.), то поезія апелює рівночасно до зору і до слуху, а далі, при допомозі слів, і до всіх інших змислів і може викликати такі образи в нашій душі, яких малярство ніяким чином викликати не може. Та головнo, апелюючи відразу до двох головних наших змислів, до зору і до слуху, поезія лучить у собі дві, на перший погляд, суперечні категорії: простору і часу. Вона може показувати нам речі в спокої,

---

¹ Свого роду (лат.).

розміщені одні обік одних, і в русі, як одні наступають по одних. Се може декому видатися парадоксальним; ще перед 100 роками Лессінг у своїм «Лаокооні» твердив зовсім не те, вбачаючи власне головну, бодай чи не одну різню між поезією й малярством в тім, що малярство панує виключно в категорії місця, а поезія в категорії часу. <...> Але се становище вже давно пережилося і потребує значної поправки. Досить розміркувати ось що. Малюнок, хоч би який малий, ми приймаємо в свою душу не весь відразу, а частями, зосереджуючи зір, хоч би як коротко, раз на одній, потім на другій, третій деталі, виконуючи очима і фантазією певний рух поки обійдемо цілість. І доки ми дивимося на малюнок, наші очі все блукають з одної деталі на другу; щоби скупити в собі враження цілості, ми або відвертаємося, або прижмурюємо очі, або відступаємо так далеко від малюнка, щоб деталі щезали, зливалися в наших очах. Значить, хоча артист усі ті деталі помістив одну при другій перед нашими очима, немовби виключно в категорії місця, ми перципуємо його твір частями, в категорії часу і руху. Те саміське діється також з поезією. Адже кожний поетичний твір, написаний чи надрукований, лежить також у категорії місця простору; те, що вмістив у ньому автор, так само незмінне, дане раз на все, покладене одне обік другого, як на малюнку; і перцепція відбувається тут так само в категорії часу, ми йдемо очима з одної деталі, від одного образу до другого, поки не пройдемо цілість. Тільки що поет дає нашій уяві далеко більшу задачу, малює їй не одну сцену, не одну постать, а звичайно цілі, не раз безмежно широкі панорами, з кольорами, постатями, з рухом, запахом, смаком, дотиком. Як бачимо, Лессінгова антитеза поезії і малярства не може вважатися вірною; хоч не в однаковій мірі, а все-таки обі ті галузі штуки простягаються в обох категоріях – простору і часу, мають у собі спокій і рух. Ми мусимо вести наш аналіз глибше, щоб докопатися їх дійсної, принципіальної різниці. Найліпше зробимо се, придивляючися якому-небудь поетичному творові, на такому, що власне робить найбільше «живописне» враження. От, приміром, загальнозвісна пісня Генріха Гейне¹:

---

¹ XVIII поезія із циклу «Повернення на батьківщину», переклад з нім. Ол. Ющенка.

На обрії далекім,
Як марево, встає
Крізь присмерк вечірній місто –
Забуте місто моє.

Вологий вітер мружить
Сірі шляхи водяні.
Веслує сумний з обличчя
Човняр у моєму човні.

Сонце ще раз підвелось,
Над обрієм дивно сія
Й показує те місце,
Де втратив кохану я.

Усе, що міститься в перших двох куплетах, є немов опис малянка або немов докладні вказівки для маляра, як має намалювати картину. Вихідна точка – море, човен. Далеко на краю обрію, ледве виступаючи з вечірньої мли, маячіє місто з вежами. Море сіре, злегка поморщене від вітру, весляр звільна січе його веслами. Окрім сього останнього, чого маляр не може віддати докладно, а що може зазначити символічно (лінива, сумовита поза весляра, не дуже високо понад водою піднесені весла), все інше дуже добре надається для маляра. Ніякісіньких риторичних прикрас у тих строфах нема, поет промовляє попросту, майже прозаїчно. Він малює словами, не силкуючись на мальовничі фрази, не додаючи від себе нічого або майже нічого. І коли б талановитий маляр пішов за його вказівками і намалював нам отсей самий пейзаж, він міг би самими лініями і кольорами осягти такий самий ефект, який осягає поет у двох перших куплетах своєї пісні, міг би не тільки показати нам такий і такий шматок природи в такому і такому освітленні, але надто навіяти на нас який сумовитий, тужливий настрій. Але тут була би й границя його творчості. А для поета се тільки початок, так сказати, декорація сцени. В останньому куплеті він відкриває нам свої секрети, перескакує на такі стежки, на яких маляр не може бігти з ним навзаводи. Візьмім зараз два перші рядки: «Сонце ще раз піднімається з землі, сиплючи промінням». Що може з сього зробити маляр? Він може намалювати нам сонце або над землею, або під землею, але

воно буде десь уміщене (наскільки маляр взагалі може намалювати його), буде в однім місці, недвижне; ніяким світом він не передасть нам того враження, яке одержує поет, гойдаючися в човні на морських хвилях і бачачи в хвилі піднесення човна на хребет хвилі ще раз сонце понад рівнем землі, раз, на секунду, з усім його блиском. Се одне. Але і се ще не є головна річ. В тім моментальнім блиску сонця поет ще раз бачить місто і ще раз бачить у тім місті те місце, може, вежу того дому, де живе його любка, що відцуралась його. І се поет висловлює простісінькими, зовсім прозаїчними словами, але в тих словах уже не малярський мотив, а ціла драма. Тут є і акцент гарячого, молодечого чуття <...>, і біль розлуки. Два останні слова – се шпиль <...> цілої п'єси, з них кидається певний відтінок, уже не кольористичний, а життєвий, на цілу поему. Тепер ми розуміємо, що жене поета на море, що змушує його озиратися на далеке місто на березі, чому якраз він вибрав для свого малюнка момент, коли сонце западає під рівень землі, чому він любить тим сірим кольором водяного шляху, чому веслує «сумним тактом». Останні слова пісні надають усьому інший, глибший, символічний змісл, додають малярським мотивам музикальності. Ми починаємо добачати, що властиво маляр із поетового малюнка може передати тільки незугарну копію, мертве тіло. Він намалює нам місто на морськім березі на краю обрїю, але те місто буде стояти, – у поета воно являється, виринає перед очима, і сього не передасть маляр. Він намалює нам море, пофалдоване вітром, але не передасть нам того почуття, як сей вітер «тягне» і що він «вогкий»; він покаже нам весляра з веслами, але щоби такт, з яким падають ті весла у воду, був сумний, сього він ніяк не потрапить передати нам. Значить, у чім тут секрет? А в тім, що поет може в кожній хвилі з домени зорового зміслу перескочити в домену всякого іншого зміслу, а маляр прив'язаний тільки до сього одного. Задля сього поет малює іншим способом, ніж маляр. Бо коли малярові риси, раз положені на полотно, лежать на ньому недвижно і в нашій уяві лишаются тільки недвижні, мов замерзлі образи, навіть коли тими образами символізується рух, – то поетові риси (слова, вірші), хоч лежать також недвижно на папері, але в нашій уяві репродукують рух, зміну, величезну різнорідність життєвих проявів. Отес й є та поправка, якої потребує різка Лессінгова дистинкція. Не те відрізняє маляра від поета, що теми одного лежать виключно в категорії

місця, а другого в категорії часу, а те, що техніка одної штуки зв'язана нерозривно тільки з одним зміслом зору, коли тим часом друга дає можливість апелювати до всіх зміслів.

5. Як поезія малює мертву природу?

Маляр малює природу при допомозі ліній і кольорів. А як малює поет?

Ми вже говорили про способи, якими поет осягає кольористичні ефекти, хоча, розуміється, ті ефекти ніколи не можуть бути такі безпосередні, як у маляра. Маляр дає нам *враження* кольорів, поет викликає тільки *спомини* кольорів; маляр апелює безпосередньо до зміслу, поет до *уяви*. Се перша і дуже важна різниця.

Друга, ще важніша, лежить в тім, як поет малює лінію. Маляр малює її просто, кладе її перед наші змісли; поет не може зробити сього, він мусить способами, властивими поезії, викликати в нашій уяві образ лінії, і тут виявляється величезна різниця між поезією і малярством. Візьмім для прикладу придніпрянський пейзаж: високий берег, яр, село внизу, ще нижче Дніпро, за Дніпром на березі каплиця. Маляр покаже нам усе те кількома рисами, закріпить контури на папері так, як вони являються його оку в своїй лінійній невідвижності, в спокої. Поет малює сей пейзаж ось як:

Із хмари тихо в и с т у п а ю т ь
Обрив високий, гай, байрак;
Хатки біленькі в и г л я д а ю т ь,
Мов діти в білих сорочках
У піжмурки в яру гуляють;
А долі сивий наш козак
Дніпро з лугами виграває...
І Трахтемиров геть горою
Нечипурні свої хатки
Р о з к и д а в з долею лихою...

Навіть лишаючи на боці порівняння, ми бачимо, що поет вніс у свій малюнок повно руху. Обрив, гай, байрак у нього не стоять перед очима, виступають; хатки не просто біліються, а виглядають; Трахтемиров мов спересердя розкидав свої хати і т. д. Таку саму процедуру ми бачимо на кождім кроці. Вона почасти лежить уже в

мові і має своє джерело в стародавньому, антропоморфічному погляді на природу, що панував тоді, коли творилася мова, а почасти в нашій психології і в тім несвідомім зчіплюванні образів, що є в значній часті основою нашого думання. Ми говоримо: сонце заходить, гора піднімається високо, шлях спускається круто вниз, степ стелиться рівно, яр біжить викрутасами, вулиця простягається просто і т. д. Ми вживаємо соток таких зворотів у мові, не думаючи про те, що се звороти наскрізь поетичні, що власне се й є спосіб малювання словами мертвої природи. «Коли я, – пише дю Прель, – стоячи перед горою, поводжу очима по її контурах, як вона піднімається з низу до самого вершка, і не побачу крутих ліній, то скажу: гора *звільна* підноситься або *злегка* підноситься. Оба ті вирази дуже інтересні, і вони – хоч зрештою взяті навгад приклади з дуже обширної купи подібних – варті ближчого розбору, тим більше що, тільки вглибляючись в дух мови, ми можемо вияснити собі процес естетичної уяви і закінчити безплідну суперечку між формалістичною і ідеалістичною естетикою. «Гора підноситься звільна». Відки приходить до сього наша мова, що для означення *відносин у просторі* уживає слів, що означають *відносини в часі*? Здається, що на се є тільки одна відповідь: коли мій зір пробігає по контурах гори, то мусить власне підніматися звільна – подія часова; сю діяльність ока я переносу на предмет, немовби сама гора, як яка водяна хвиля, власне перед моїми очима піднімається вверх, і для того говорю: «гора піднімається звільна». Мені здається, що, крім сеї одної причини, є ще й друга – коли не завжди, то дуже часто, а власне згаданий уже вище антропоморфізм, про котрий будемо говорити пізніше. Тут нам треба тільки зазначити і добре відтінити, що *поет малює мертву природу – оживлюючи її, малює лінії при допомозі рухових образів*. У Шевченка:

Отгут бувало із-за тину
В и л а с ь квасоля по тичині,

немовби ми могли бачити той спіральний рух, який робить квасоля; на ділі ми бачимо тільки його результат. В іншій місці поет каже:

Ой три шляхи широкії
Д о к у п и з і й ш л и с я,

і так малює нам образ роздоріжжя серед поля. Або поле під млою він описує таким способом:

У неділю вранці-рано
Поле в к р и л о с я туманом,

немовби сей процес відбувався перед нашими очима. Мертвий киргизький степ він малює так:

Кругом тебе п р о с т я г н у л а с ь
Трупом бездиханням
П о м а р н і л а я п у с т и н я,
К и н у т а я богом,

де кожде підчеркнене слово показує нам лінії і контури при допомі образів доконаного руху. Так само малює поет степовий пожар:

А з яру
В с т а є пожар, і диму хмара
Святеє сонце п о к р и в а.
І с т а л а тьма.

Правда, дійсний образ такого пожару повний руху, але ж маляр мусив би той рух усунути і схопити з нього тільки певний характерний момент, якусь одну лінію і закріпити її на полотні; поет сим не зв'язаний, він той самий один момент бере, так сказати, *in stalu nascendi*¹, малює при допомі рухових, а не недвижно закріплених образів. У нього –

В и с т у п а ю т ь
Широкі села
З вишневими садочками.

---

¹ У стані народження (лат.).

Захід сонця, улюблений малярський сюжет, він, хоч і сам маляр, рисує ось яким наскрізь драматичним способом:

За сонцем хмаронька пливе,
Червоні поли розстилає,
І сонце спатоньки зове
У синє море, покриває
Рожевою пеленою.

У нього «очерет без вітру гнеться», у нього український пейзаж виглядає ось як:

Он гай зелений похилився,
А он з-за гаю виглядає
Ставок, неначе полотно.
А верби геть понад ставом
Тихесенько собі купають
Зелені віти.

Таких прикладів у самого Шевченка можна би ще назбирати чимало, не говорячи про інших великих поетів. І прошу завважити, що в більшині приведених ось тут прикладів ми маємо діло не з порівняннями, не з символікою, не з навмисними поетичними образами; поет силкується якнайпростіше передати те, що бачить чи то на ділі, чи в своїй уяві, силкується малювати, але малювати способом, властивим поетові, не мавпуючи маляра. Я наведу ще для характеристики сеї прикмети поетичної творчості – малювання ліній і контур при допомозі рухових образів – два славні уступи з Гомерової «Іліади» – опис Пандарового лука і Ахіллового щита. Змалювати лук – для маляра найпростіша річ, се його домена. Натомість для поета, коли він хоче бути пластичним і дати не сам холодний опис і вимір, а дійсний образ, се велика штука. Гляньмо, як dokonує сеї штуки батько грецької епопеї:

Швидко гладеньку стрільбу він ухопив, що точена з рога
Цапа гірського, якому він сам колись груди прострілив,
Як із скали скавав; там, у захищеному місці засівши,
Стрілив у груди йому, він затрепавсь і впав на каміння.

Роги йому з голови виростали на п'ядей шістнадцять.
Виточив їх і управив мистець рогового майстерства,
Вигладив гарно усе і придав обручки золотії.

Замість сказати, що був лук із цапового рога, мав 32 п'яді від кінця до кінця, був точений, гладкий і окований золотими обручками, поет в ряді пишних образів, хоч і небагатьма словами, показує нам, як стрілець чатує на цапа, як убиває його, міряє його роги, як майстер точить, гладить і оковує лук. Так само радить собі поет і при описі Ахіллового щита; він показує нам, як на просьбу Ахіллової матері Фетіди Вулкан майструє той щит і прикрашає його штучними різьбами:

Сеє сказав і, лишивши її, повернувся до кузні,
Міхи звернув до горна і велів їм задимать щосили.
Двадцять тих міхів відразу задимало в печі огнисті,
Подуви різні шлючи у горни огнепального вітру,
Щоб то раз так, а раз ськ йому будь при роботі до ладу,
Як забажає Гефест для довершення всякого діла.
Він до вогню положив непоборного спіжу у тиглях,
Цину при тім, і величнее золото, й срібло блискуче,
Ковадло потім упер у колоду і в правую руку
Молот могутній узяв, а кліщі взяв у ліву долоню.
Поперед всього він щит змайстрував металевий, великий.
Кований штучно зо спіжу, і втрое обвив ще довкола
Ясним його обручем і додав іще ретязі срібні.
П'ять було блях у щиті, а на верхній фігурок багато
Повиробляв на зразок велемудрого хисту художни.
Землю створив він на ній, і розгойдане море, і небо,
Сонце, що вічно по цім оббігає, і місяць блискучий,
І всі знаки, що вінцем облягли небеса: тут Оріон
Сильний, Плеяд увесь рій, і Гіяди, й Медвідь, що то дехто
Возом небесним зове, і чатує він на Оріона,
І лиш один він ніколи не ниряє в глиб Океану.

І далі йде довгий опис (XVIII, 489-579), як божеський майстер представив на тім щиті цілу масу побутових образів, і всі вони

описані власне як сцени дійсного життя, повні руху і шуму, а не як мертві малюнки чи скульптури.

6. Що таке поетична краса?

Тут, може, буде пора сказати кілька слів про одне питання, котре вправді не поведе нас далі в наших дослідях над технікою поетичної творчості, але повинно прояснити і спростувати деякі хибні погляди, закорінені серед нашої суспільності.

Не один, читаючи отсі уваги про «естетичні основи» поезії, може й запитував себе з розчаруванням: як-то естетичні основи, а про поняття краси, про сю головну основу естетики і поетичної творчості, досі не сказано ані слова? Адже ж усі естетики, від Канта до Гартмана, вважають головною основою і метою поетичної творчості красу і починають свої естетичні міркування дефініцією, що таке є та краса. Що ж се за нова естетика, така, що торочить нам про змісли, враження і образи, а про красу ані слова?

Признаюся читачам, що дискусія про красу не входила і не входить у обсяг моїх уваг, і коли я в наголовку отсеї статейки поклав слова «поетична краса», то вони мають, як побачите зараз, зовсім окреме, спеціальне значення. Дискусія про красу *in abstracto*¹, якою починають всі дотеперішні естетики, по моїй думці, є зовсім аналогічна дискусія про «душу», якою починалися давніші психології. Одна й друга дискусія були зовсім безплідні, бо переливали з пустого в порожнє, силкувалися вложити в слова щось таке, що не має під собою ніякої реальної основи, є тільки абстракцією з тисячів різnorodних об'явів або є догмою, артикулом віри, але не предметом дійсного знання. І як вона, експериментальна психологія, замість міркувати *in abstracto* про душу яко *primum agens*², починає з противного кінця і аналізує об'яви і умови психічної діяльності від найпримітивіших аж до найбільше скомплікованих і силкується таким робом, аналітичне і ін-дуктивно, доходячи до зрозуміння, що є основою усіх психічних актів (див., на-пр., пречудову з методологічного погляду книгу Тена «De l'intelligence»), так і нова індуктивна естетика мусить прийняти за вихідну точку не поняття краси, а чуття естетичного уподобання,

---

¹ Абстрактно (лат.).

² Першу рушійну силу (лат.).

мусить при допомозі психології аналізувати те чуття і далі мусить в обсягу кожної поодинокі штуки розбором її технічних способів і її взірцевих творів доходити до розуміння того, якими способами кожда штука в своїм обсягу викликає в нашій душі чуття естетичного уподобання? Дотеперішня ідеалістично-догматична естетика гарцювала на полі абстрактів і не довела ані до якоїсь загально-прийнятої і загальнодовольючої дефініції краси, ані до ясної і науково підпертої відповіді на питання: що і чому подобається нам? Вона лишилася тут при старому *de gustibus non est disputandum*¹ і не прояснила сумерків, які лежать у самім понятті «*gustus*»². Одним словом, вона нагадує ту бабу в народній фацеції, що жила в темній хаті і силкувалася внести до неї світло, ловлячи сонячне проміння решетом.

Нова індуктивна естетика кладе собі скромніші завдання. Вона не ловить невлдимого решетом силогізмів, не має претензії на те, щоб з висоти абстр акційного поняття красоти диктувати закони артистичному розвоєві людськості, але стає на становищі далеко нижчим, та певнішим: *поперед усього зрозуміти*, а не судити і не приписувати законів. Вона слідить, що є постійне в змінних людських густах, аналізує чуття естетичного уподобання, послуговуючися для сього по змозі докладними експериментальними методами, і не менше докладно аналізує кожду поодинокую штуку, щоб вивідати, в чім лежить те уподобання, яке збуджує вона в нашій душі. Сею дорогою вона не надіється дійти до поставлення ніяких законів ані правил для розвою кожної поодинокі штуки, бо, навпаки, вона думає, що всякі правила, чи то диктовані давніше, чи такі, які можна б було подиктувати коли-небудь, усе були і будуть мертвою схоластикою і перешкодою для розвою штуки. Певна річ, досліди сеї нової естетики матимуть не саме історичне значення. Помагаючи широким масам зрозуміти процес і виплоди артистичної творчості, вони тим самим оживлять їх зацікавлення до сих виплодів, їх любов і пошану для сеї високої творчої функції людського духу, а з другого боку, вони будуть і для артистів джерелом поучення, помагаючи їм удосконалювати артистичну техніку, остерігаючи перед шкідливими збоченнями в творчості, подаючи ключ до відрізнення

---

¹ Про смаки не сперечаються (лат.).

² Смак (лат.).

правдивих, творчих артистів від дилетантів і віртуозів форми. Та й теоретично вже тепер, коли ся естетика числить дуже небагато літ розвою, вона дала деякі інтересні здобутки, а найінтересніший є, мабуть, сей, що допомгла із артистичної естетики *зовсім виелімінувати абстракційне поняття краси*.

– Як то? – скрикне, може, дехто в святім обуренні. – Поняття краси виеліміноване з артистичної естетики? Так, значить, краса не є метою артистичної творчості? О tempora! О mores!¹.

– Так, шановний добродію! – скажу я на се. – На жаль, чи на лихо, чи на щастя, краса не є метою артистичної творчості. І не думайте, що се тільки тепер десь на якімсь конгресі запала така ухвала! Я скажу вам під секретом: вона ніколи й не була такою метою. Ніколи ніякий поет ані артист не творив на те, щоб показати сучасним чи потомним ідеал краси, а коли які й творили з такою метою, то їх твори були виплодом злого смаку, моди, а не творчого генія, були мертвим товаром, а не живими творами штуки. І не артисти винні тому, що ви, шановний добродію, жили досі в тій ілюзії і не раз, може, – признайтеся до гріха! – кидали громи на нелюбих вам поетів або артистів за те, що вони, мовляв, «загубили відвічний ідеал краси і добра, затратили правдиву мету штуки». Ні, артисти і поети не винуваті тому, бо вони все йшли і йдуть одною дорогою. Винуваті тому панове естетики, котрі, замість студіювати дійсні твори штуки і з них a posteriori² висновувати думки для зрозуміння штуки (се почав був робити, тільки дуже неконсеквентно і неповно, перший естетик Арістотель, батько многих вірних, та ще більше невірних і шкідливих естетичних поглядів і формул), кинулися висновувати свої мнимі естетичні правила з абстрактного поняття краси, котре на ділі для артистичної творчості є майже зовсім байдуже. Бо візьмім яку хочете дефініцію краси і прирівняймо її до того, що дає нам поезія. Візьмемо, прим., Канта. По його думці, краса се тільки форма. «Formale Aesthetik soil von allem Inhalt absehen und sich auf blosser Form beschränken»³ – думка, без сумніву, глибока і вірна, та тільки, на жаль, не ясна для самого Канта, кот-

---

¹ О часи! О звичаї! (лат.).

² Пізніше (лат.).

³ Формальна естетика повинна залишити осторонь весь зміст і обмежитися тільки самою формою (нім.).

рий зараз же додав, що ся «formale Schonheit ist nur ein sehr untergeordnetes Moment an der Kunstschonheit, die wesentlich von der Form auf den Inhalt geht»¹.

Значить, артистична краса повинна, по Кантовій думці, головно залежати від гарного змісту; гарна форма має для неї досить підрядне значення. В чім лежить краса змісту – Кант пояснює і не може пояснити, бо ж, по його словам, краса є виключно прикметою форми. А в чім лежить краса форми? «Die Form ist nur Schon als unbeabsichtigte, unwillkiirliche Darstellung und Versinnlichung der Ideen»². І знов блиск дуже мудрої думки в тумані пустих слів: зазначено роль несвідомого в артистичній творчості, та, приплутавши сюди містичні «ідеї», замість конкретних вражень і психічних образів, попсовано всю річ. І остаточно не сказано нічогоісінько, бо не в тім річ, щоб висловляти ідеї чи образи – все одно, свідомо чи несвідомо, а в тім річ, як висловлюється їх; ані сам факт висловлювання, ані зміст висловлюваних ідей не чинить краси; по самій Кантовій дефініції, краси треба шукати в формі, в тім, як висловлено, як узмисловлено ті ідеї, а про се Кант не говорить нічого ближче. Навпаки, своїм застереженням, що артистична краса «від форми йде до змісту», Кант і зовсім загородив собі і своїм наслідникам стежку до ліпшого зрозуміння сеї справи, бо заставив їх шукати краси в змісті, значить, судити зміст артистичних творів після формулок і шаблонів, придуманих для дефініції краси. А се значило більше-менше те саме, як коли би хто взявся міряти воду ліктем, а сукно квартою.

Візьмім, напр., дефініцію Шлегеля: «Das Schone ist die angenehme Erscheinung des Guten»³. І тут на дні недоладно зчеплених слів є вірне почуття, що краса є щось приємне для нас, але поза тим яке ж баламутство, яка пуста гра загальниками – означування одного неясного двома неясними. І що має спільного так дефінійована краса з артистичною красою? Чи штука має метою подавати нам самі приємні образи? Зовсім ні. Вона часто малює нам муки –

---

¹ Формальна краса є тільки дуже підрядним чинником мистецької краси, яка, по суті, йде від форми до змісту (нім.).

² Форма гарна тоді, коли вона є несвідомим, довільним відображенням, наочним втіленням ідеї (нім.).

³ Краса є приємним проявом добра (нім.).

фізичні і душевні, вбійства, розчарування, гнів, розпуку, – тисячі неприємних явищ. Чи штука має метою показувати нам самі взірці добра і доброти? Зовсім ні. Навіть навпаки, поети, котрі би хотіли робити щось таке, прогрішились би против одного з найважливіших принципів штуки, творили б речі мертві, нудні, не артистичні. Чи метою штуки є показувати нам красу? Зовсім ні. Адже ж Терзіт, Каліббан, Квазімодо радше можуть уважатися взірцями бридкості, а проте вони – безсмертні твори штуки. В улюблені сюжети грецької пластики – фавни, сілени, кентаври – хіба се красавці? Та й загалом, хіба Гомер малює Ахілла на те, щоб показати в ньому ідеал краси? Зовсім ні, його фізичною красою він зовсім не займається, не описує її, хіба найзагальнішими, шаблонними рисами. А духово Ахілл також є чим собі хочете, а певно не жадним ідеалом. І се саме можна сказати про кожного героя і кожду героїню всіх справді безсмертних творів. Чи грецькі різьбярі, творячи статуї Бельведерського Аполлона, Мілоської Венери, Капітолінського Зевса, творили їх на те, щоб показати нам ідеали краси? Зовсім ні, вони творили богів, символізували той комплекс релігійних понять і почувань, який у душі кожного грека лучився з іменем даного божества. З сього погляду не видержує проби жадна інша дефініція краси, не для того, щоб усі ті дефініції були фальшиві – в кожній з них є якесь зерно правди, даром же мучились над ними мудрі люди! – але попросту для того, що *малювання краси не є метою штуки*.

Ті естетики, котрі основуються на догмі, що метою штуки є малювати красу, при найменшій зіткненні з дійсними творами штуки почувають дуже докучливий терн у нозі: поняття бридкого. Коли краса є доменою штуки, то відки ж береться те, що в творах штуки малюється так багато некрасивого, неспокійного, негармонійного, прикрого, бридкого? Яке право мають ті категорії вриватися в святий храм штуки, присвячений самій красі, гармонії, здоров'ю і приємності! Одні естетики, консеквентні в своїй доктрині, сміло замикають очі на дійсні факти і заявляють: не мають права ті погані демони! Штука, котра не є культом краси і гармонії, перестає бути штукою, є пародією, карикатурою, дегенерацією штуки. Забувають, сердеги, що в таким разі їм прийдеється покласти хрестик на всю дійсну штуку і лишиться при забутих і давно заплісних творах вроді Річардсонової «Памели» або «Paster fido» Гва-

ріні, при творах, виплджених власне доктриною, а не дійсним поетичним вітхненням, при тім, що ми нині хрестимо назвою псевдо-класицизму і фальшивого сентименталізму.

Інші естетики силкуються прорубати в тій доктрині хвірточку для дійсності і говорять: бридке має настільки право доступу до штуки, наскільки воно потрібне для змалювання *характеристичного*. І тут є на дні пустої фрази вірне почуття, але сама фраза пуста і не пояснює нічого, а навпаки, утруднює справу, бо замість одного неясного поняття дає нам два неясні. Ми не знаємо, що таке є характеристичне, а властиво можемо сказати, що краса й сама собою, без домішки бридкого, може бути характеристична, а бридке може бути зовсім не характеристичне, а проте мати таке саме право доступу до штуки, як і краса. Візьмемо деякі класичні приміри. У Бельведерського Аполлона характеристичною є вип'ята, чудово збудована груди – чи вона бридка? У Одісея характеристичний є бистрий практичний розум - що спільного має він з поняттям краси або бридкості? Чим і для кого характеристична бридкість Терзіта? Здається, тільки для нього самого. І пощо взяв Гомер сього бридкого чоловіка до «Іліади»? Що він схотів схарактеризувати або відтінити при його помочі? Нічоґісінько.

«Aby i tego nie brakowato»¹, – можна б сказати словами одного шановного педагога, сказаними в відповідь на питання, пощо бог сотворив воші, блощиці та мокриці.

Ні, нічого не pomoже хвірточка, де цілий будинок покладений кепсько і на невідповіднім ґрунті. Раз назавсіди ми мусимо сказати собі: *для поета, для артиста нема нічого гарного ані бридкого, прикрого ані приємного, доброго ані злого, характеристичного ані безхарактерного*. Все доступно для його творчості, все має право доступу до штуки. Не в тім, які речі, явища, ідеї бере поет чи артист як матеріал для свого твору, а в тім, як він використає і представить їх, яке враження він викличе при їх помочі в нашій душі, в тім одним лежить секрет артистичної краси. Грецькі фавни і сатири можуть собі бути які хочуть бридкі, а проте ми любуємося ними в скульптурі. Терзіт і Калібан погані, брудні і безхарактерні, а проте ми говоримо: ах, як же чудово змальовані ті постаті! Гоголівські фігури, такий Хлестаков, Сквозник-Дмухановський, Ноздрьов,

---

¹ Щоб і цього не бракувало (пол.).

Плюшкін і т. і., певно, не взірці ані фізичної, ані моральної краси, а проте вони безсмертні, безсмертне *гарні артистичною красою*.

Як у релігії, по словам Гуцкова, «Nicht was man glaubt, Nur wie man's glaubt, das giebt allein den Ausschlag»¹, так само і в артистичній творчості краса лежить не в матеріалі, що служить їй основою, не в моделях, а в тім, *яке враження робить на нас даний твір і якими способами артист зумів досягнути те враження*.

Уяснивши собі те, ми відразу виходимо з метафізичного туману і з пустої гри абстрактними поняттями і стаємо на полі реальних явищ, доступних для докладної обсервації і експерименту. І що найцікавіше, відси ми без труду можемо добачити всі зерна вірної думки в попередніх естетичних теоріях. Коли для Канта формальна краса лежить тільки в формі, без огляду на зміст, то се тільки інший, ідеалістичний вислів нашої думки, що артист може всякий зміст обробити артистично гарно. Коли ж той самий Кант говорить далі, що в творах штуки сама формальна краса значить небагато, бо «die Schonheit geht von der Form auf den Inhalt»², то се є тільки недокладний вислів Гоголевої думки, що артист, перетворюючи по-своєму явища дійсного світу, надаючи їм артистичну форму, тим самим ублагороднює їх, підносить їх «в перл создания». Коли Шлегель каже, що краса є приємною появою добра, то се тільки метафізична стилізація того факту, що твори штуки, навіть витискуючи у нас сльози, справляють нам розкіш. Коли ж той самий Шлегель говорить далі, що бридкість є неприємне явище зла, то в творах штуки можна б радше сказати, вживаючи сеї самої термінології, що бридкість є приємне явище зла, хоча, звісно, поняття добра і зла приплутано туг зовсім не до ладу. Може, ся невеличка екскурсія на поле естетичної метафізики не буде без пожитку і для нашої громади, котра іноді буває також не в пору і не до ладу «естетичною».

---

¹ Вирішальне значення має не те, у що ми віримо, а тільки те, як ми віримо (нім.).

² Краса йде від форми до змісту (нім.).

ОЛЕКСАНДР ОПАНАСОВИЧ ПОТЕБНЯ 1835–1891

Видатний український мовознавець, філософ, етнограф, психолог, фольклорист, педагог та громадський діяч, член-кореспондент імператорської Санкт-Петербурзької Академії наук. Народився на хуторі Манів поблизу с. Гаврилівка Роменського повіту Полтавської губернії. Після закінчення історико-філологічного факультету Харківського університету 1856 р. захистив магістерську дисертацію «Про деякі символи у слов'янській народній поезії». У 1862 р. виїхав на рік у закордонне наукове відрядження (Німеччина, Чехія, Австрія). Повернувшись, працював на посаді доцента кафедри слов'янського мовознавства і секретаря історико-філологічного факультету, захистив докторську дисертацію. У 1875 р. став екстраординарним, а згодом – ординарним професором кафедри російської мови і словесності Харківського університету. Один із засновників Харківської громади, Харківського історико-філологічного товариства (був його головою у 1877–1890 рр.).

Основні праці: «Думка і мова» (1862), «Із записок з теорії словесності» (1905), «Мова і народність» (1895), «Про націоналізм» (1905).

Язык и народность¹ (1895)

Довольно распространено мнение, что своеобразность народности находится в прямом отношении к степени ее отчужденности от других и в обратном к степени цивилизации. Последователи этого мнения поясняют его приблизительно таким образом.

Мы видим, говорят они, что в настоящее время своеобразность нравов, обычаев, костюмов можно найти лишь в каких-либо глухих углах Европы, между тем как в старину было иначе. Теперь

---

¹ Потебня А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Вестник Европы. – 1895. – Т. IX. – С. 5–37.

житель какого-нибудь немецкого или французского захолустья смотрит даже не немцем или французом, но носит совершенно особый отпечаток, только и принадлежащий данной местности. Напротив, у цивилизованного человека, особенно человека, много путешествовавшего по Европе, является общекультурный тип, характеризующий уже не француза, англичанина, немца, а вообще цивилизованного человека. Между образованными людьми всех наций более общего не только в теоретических убеждениях, но и в чертах характера, чем между образованными людьми известного народа и их необразованными соотечественниками. В этом убеждает, между прочим, сравнение себя и своих знакомых, с одной стороны – с героями иностранных романов, находящихся в одинаковом общественном положении, с другой – с лицами из простонародья в русских повестях.

Это явление представляется произведением двух факторов, действующих совместно, именно: успехов человеческой мысли, направленной на изучение природы, и врожденной человеку подражательности.

Откуда бы ни происходило различие народностей, во всяком случае оно поддерживается пространственным разобщением и различием географических влияний. Но сношения между людьми облегчаются и увеличиваются благодаря изобретениям, как пароходы, железные дороги, телеграфы и пр. Принудительность географических условий теряет свою силу, по мере того, как благодаря власти над пространством человек получает возможность менять место жительства и создавать себе искусственную среду, более благоприятную для жизни, чем какие-либо из данных природой. Смешение между людьми различных народов влечет за собой скрещивание видов и образование общих типов. Все, что увеличивает сношения между людьми, усиливает нивелирующее действие подражательности, искони свойственной человеку, сначала рефлексивной, произвольной, потом сознательной и критической. Подражательность производит слияние племен в народы, аналогично с чем можно предвидеть, что рано или поздно, положим через несколько тысяч лет, народы сольются в одну общечеловеческую народность. Указанием на возможность такого явления служат в прошедшем и настоящем явления, как распространение культуры известного народа на многие другие, как смена народных культов

христианством, не признающим народных различий. Когда из двух народов один заимствует у другого, например, устройство суда присяжных, а второй у первого устройство быта крестьян, то оба становятся сходнее друг с другом, чем были прежде.

Препятствия заимствованию и подражанию, поставляемые в настоящее время различием языков, могут сгладиться и исчезнуть. Указания на это есть в прошедшем и в настоящем. И прежде были языки, как греческий, латинский, влияние коих простиралось далеко за их первоначальные границы. Теперь есть международные языки образованных людей всех наций, зная которые, можно объехать весь земной шар. И кроме этих общеупотребительных, так называемых всемирных языков, мы видим, что как скоро в данной местности поселяется несколько племен и как скоро необходимость заставляет их стремиться ко взаимному пониманию, между ними устанавливается общность языка двумя путями: или тем, что язык сильнейшего племени вытесняет язык слабейшего, который при этом исчезает (напр., наречия обруселых финнов), или тем, что из смешения происходят амальгамированные языки, каковы: английский, французский, итальянский, испанский, венгерский.

К этому присоединяется мнение, что все увеличивающееся число переводов с одного языка на другой, т. е. увеличение количества и напряженность усилий передать средствами одного языка сказанное на другом, должно сглаживать их различия. Кроме того, полагают, что высшее развитие ослабляет в языке звуковой элемент и усиливает логический, считаемый общечеловеческим, выводит из употребления своеобразные обороты и поговорочные выражения.

Один из сильных авторитетов по части славянского языкознания, Миклошич, того мнения, что в языках Европы возникает общий новоевропейский синтаксис, основанный на синтаксисе классических языков.

Таковые известные нам соображения заставляют предположить, что ход развития человечества, направленный к освобождению человека от давления внешней природы, исподволь слагает с него и оковы народности. При этом предполагается, что существование одного общечеловеческого языка было бы настолько согласным с высшими потребностями человека, насколько выгодно для нас

искусственные условия жизни, благодаря которым уже теперь в Петербурге можно иметь тропические плоды.

Этим соображениям мы противопоставляем другие, имеющие для нас более силы.

1) Какое значение имеет подражательность в личной жизни? Особь во всех сферах жизни есть нечто в высокой степени самостоятельное по отношению к влияниям других особей и остальной природы. Человек в этом отношении, как и в других, есть конец ряда низших существ. Всякая сила действует на него не иначе, как видоизменяясь в нем и вызывая в нем противодействие. Подражание, вызываемое в человеке известным действием, не может быть точным повторением этого действия, по той причине, что для такого повторения подражающему нужно бы было быть тождественным с тем, что произвело это действие, и притом в тех же самых обстоятельствах; последнее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, не говоря о более сложных законах мысли. Если этих априорных соображений недостаточно, то можно простым наблюдением увериться, что произвольное, не доходящее до сознания субъекта подражание движениям и звукам другого дает движения, при благоприятных условиях, только сходные, а не тождественные. На более высоких ступенях душевной жизни подражание другому лицу или есть понимание его движений и звуков, <...>, или предполагает это понимание.

Но известно, что взаимное понимание не есть перекладывание одного и того же содержания из одной головы в другую, но состоит в том, что лицо *о*, связавшее содержание своей мысли с известным внешним знаком (движением, звуком, словом, изображением), посредством этого знака вызывает в лице *б* соответственное содержание. Но понимающие друг друга могут быть сравнены с двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собой в такую связь, что звук одного из них вызывает не такой же, но соответственный звук другого.

Таким образом, под словом «свеча» я могу понимать точно то же, что мой собеседник, когда органы восприятий у нас различны, а накопление воспоминаний (об этом) различно гораздо более того. Этим объясняется парадокс, что всякое, даже самое полное, понимание есть в то же время непонимание. Человек не может выйти из круга своей личной мысли.

Мысль и чувства человека невыразимы, хотя для нас необходимо противоположное этому убеждение, так что эта невыразимость сознается и даже становится руководящим принципом лишь в исключительных настроениях: «Молчи, скрывайся и тай» (Ф. Тютчев).

То, что называется общим уровнем мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлечения, то есть сведения действительного различия мыслей в различных субъектах на известный минимум различия, и благодаря фикции, состоящей в принятии этого минимума за эквивалент полных мыслей.

Эти элементарные, но многими игнорируемые положения объясняют нам многое. Во всех областях человеческой жизни «не-самостоятельность», «подражательность» выражают лишь известные, более или менее низкие степени различия самостоятельности, своеобразности мыслей и действий. В другом, безусловном, смысле эти понятия немыслимы.

Так, например, можно подделывать подписи, но увеличительное стекло откроет подделку; можно тщательно списывать прописи, но образовать себе точно такой почерк, как у другого, невозможно. Можно воспитанием достигнуть многого: сделать человека более или менее энергичным, сведущим, правдивым; но обезличить его, сделать совершенно похожим на образец, невозможно.

Понятно, что так как народы состоят из лиц и соприкасаются между собой через посредство лиц, то все сказанное о своеобразности и замкнутости лица применяется и к народу настолько, насколько его единство сходно с единством лица. Взаимное влияние народов есть тоже лишь взаимное возбуждение.

Распространение культуры одного народа на другие кажется нам объединением народов лишь до тех пор, пока мы витаем на холодных высотах абстракции. Но если мы сообразим, что немногие признаки, повторение коих мы замечаем в жизни разных народов, существуют в действительности лишь в группах множества других признаков, как конкретные явления, то мы принуждены будем говорить, например, не о том, что единое в себе и неизменное христианство разлилось по цивилизованному миру, а лишь о том, что христианство в виде первоначально определенного возбуждения было поводом возникновения целой цепи христианств, весьма различных между собой, если рассматривать их в их конкретности.

Есть не только восточное и западное, но и русское, польское, немецкое христианство и даже немецкие христианства. Вся сила в том, чтобы не принимать своих абстракций за сущности, что, однако, делается, когда рассматривают, например, христианство независимо от среды, в которой оно проявляется.

Другой пример, поясняющий свойства традиции, представляют странствующие повести и рассказы. О многих из них мы, благодаря мастерам особого рода литературных исследований, как Бенфей, Либрехт и многие другие, можем сказать, что их мотивы обошли без малого весь земной шар, перебивали и остались у множества народов, начиная от японцев и готтентотов <...> Казалось бы, что эти странствования суть очевидные доказательства способности всех народов воспроизводить одно и то же содержание. Но, спрашивается, имеем ли мы основание назвать эти географические и хронологические передвижения жизнью в том смысле, в каком мы приписываем жизнь языку? Конечно, да. Если же так, то к странствующим литературным мотивам должен быть приложен тот взгляд, которого мы держимся относительно форм языков.

Важность грамматической формы состоит в ее функции, которая, конечно, должна иметь место прикрепления. Подобным образом главное в странствующем рассказе есть то, как он действует, т. е. понимается и применяется на каждой точке своего пути.

Весьма почтенные литературные исследования таких рассказов со стороны их абстрактного тождества по своему характеру и значению равняются таким грамматическим исследованиям, которые рассматривают не формы, а их препараты, лишенные функции, т. е. жизни.

Признание, что мотивы странствующих повестей неизменны, равносильно с господствующим мнением, что значение корня остается неизменным во всем семействе слов и падает вместе с этим последним.

То же самое можно сказать о всех художественных произведениях. Жизнь их состоит в том, что они понимаются и как понимаются.

В противном случае о них стоит говорить не более, как о глыбе камня, куске полотна и пр. Если же так, то кто станет утверждать, что понимание и влияние произведений греческого ваяния одно и то же в цветущие времена Греции и теперь? Тогда и теперь

– это совершенно различные произведения искусства, имеющие лишь один и тот же материальный субстрат, но не одну и ту же, так сказать, душу.

Эти различия изменяются не только по времени, но и по родам.

Если бы языки были только средствами обозначения мысли уже готовой, образовавшейся помимо их, как действительно думали в прошлом, отчасти и в нынешнем веке, то их различия по отношению к мысли можно бы сравнить с различиями почерков и шрифтов одной и той же азбуки. Нам более или менее все равно, каким почерком ни написать, каким шрифтом ни напечатать книгу, лишь бы можно было разобрать; так было бы безразлично для мысли, на каком языке ее ни выразить. При таком положении дела было бы вероятно, что как скоро распространилось бы убеждение, что разница между языками лишь внешняя и несущественная, что привязанность к своему языку есть лишь дело привычки, лишенной глубоких оснований, то люди стали бы менять язык с такой же легкостью, как меняют платье. В результате можно бы ожидать того, что подобно тому, как ради известных удобств филологи приспособляют латинский язык ко множеству различных языков и как устанавливаются общие системы мер и весов, рано или поздно был бы принят скорее всего совершенно искусственный, наиболее легкий и простой общий язык. Можно бы ожидать, что такой язык, зародившись на вершинах интеллигенции, имеющей уже и теперь общие искусственные языки для глаз, каковы цифры, алгебраические, химические и метеорологические знаки, постепенно спускался бы в низшие сферы и наконец обнял бы все человечество. Но нашему веку принадлежит открытие, что языки потому только служат обозначением мысли, что они суть средства преобразования первоначальных, доязычных элементов мысли; потому в этом смысле они могут быть названы средствами создания мысли. Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, то есть так, что два сравниваемые языка могут иметь одинаковую степень совершенства при глубоком различии своего строя. Общечеловеческие свойства языков суть: по звукам – членораздельность, с внутренней стороны – то, что все они суть системы символов, служащих мысли. Затем все остальные их свойства суть

племенные, а не общечеловеческие. Нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков.

Хотя в настоящее время языковедение большей частью не в состоянии уследить за тем, каким образом первоначальная техника мысли, условленная языком, сказывается в сложных произведениях мысли; но тем не менее стоит прочно то положение, что эта техника гораздо важнее для совершенства и качества произведения мысли, чем, например, приемы, орудия и материалы рисования, живописи, гравюры для произведений этих искусств.

Эта техника, знаем ли мы об этом, или нет, непременно сказывается во всем, что бы мысль ни создала через посредство языка. Рассматривая языки как глубоко различные системы приемов мышления мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим – лишь понижения уровня мысли. Ибо если объективной истины нет, если доступная для человека истина есть только стремление, то сведение различных направлений стремления на одно не есть выигрыш.

Язык не есть только известная система приемов познания, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь осознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительно познания. <...>

Язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов, но лишь при помощи языка созданы грамматические категории и параллельные им общие разряды философской мысли; вне языка они не существуют и в разных языках различны. Самое содержание мысли относится к этим категориям различно в разных языках даже народов сродных и живущих в сходных физических условиях. <...> как неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо.

Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усиление его воли лишь изменяет

колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияние лишь посредственно. Это усиление может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы. Это сознавалось с большей или меньшей ясностью уже давно, в посвящении грамматики Ломоносова. И наоборот, если два и несколько языков довольно привычны для говорящего, то вместе с изменением содержания мысль невольно обращается то к тому, то к другому языку. Мне кажется, это можно наблюдать в некоторых западно-русских грамотах, в коих, смотря по содержанию речи, выбивается наверх то польская, то малорусская, то церковнославянская струя. Это же явление составляет реальное основание ломоносовского деления слога на возвышенный, средний и низкий.

Примером того же служит двуязычность высших классов русского общества.

«В этом, вполне русском, семействе Тютчевых, – говорит Аксаков, – почти исключительно господствовал французский язык, так что не только все разговоры, но и вся переписка родителей с детьми и детей между собой, как в ту пору, так и потом в течение всей жизни велась не иначе, как по-французски. Это господство французской речи не исключало у Екатерины Львовны (матери Ф. Тютчева, ум. в 1866, на 90-м году жизни) приверженности к русским обычаям и удивительным образом уживалось рядом с церковнославянским чтением псалтырей, часословов, молитвенников у себя в спальней, и вообще со всеми особенностями русского православного и дворянского быта. Явление, впрочем, очень нередкое в конце XVIII и в самом начале XIX, когда русский литературный язык был еще делом довольно новым, еще только достоянием любителей словесности, да и действительно не был еще достаточно приспособлен и выработан для выражения всех потребностей перенятого у Европы общежития и знания. Вместе с готовой западной цивилизацией заимствовалось и готовое чужое орудие обмена мыслей. Многие русские государственные люди, превосходно излагавшие свои мнения на французском, писали по-русски самым неуклюжим, варварским образом, точно съезжали с торной дороги на жесткие глыбы только что поднятой нивы. Но часто, одновременно с чистейшим французским жаргоном и... из одних и тех же уст можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую речь, более народную во всяком случае, чем наша на-

стоящая книжная или разговорная. Разумеется, такая устная речь служила чаще для сношений с крепостной прислугой и с низшими слоями общества, но тем не менее эта грубая противоположность, эта резкая бытовая черта, рядом с верностью бытовым православным преданиям, объясняет многое и очень многое в истории нашей литературы и нашего народного самосознания». <...> «Не странно ли, что при всей резкости народного (?) направления мысли в Тютчеве, наш высший свет, high life, не только не отвергал Тютчева и не подвергал равному с славянофилами осмеянию и гонению, но всегда признавал его своим, по крайней мере интеллигентный слой этого света. Конечно, этому причиной было то обаяние всесторонней культуры, которое у Тютчева было так нераздельно с его существом и влекло к нему всех, даже несогласных с его политическими убеждениями. Эти убеждения представлялись достойными сожаления крайностями, оригинальностью, капризом, парадоксальностью сильного ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящего остроумия, общительности, приветливости, ради утонченного изящного европеизма всей его внешности. К тому же все «национальные идеи» Тютчева представлялись обществу чем-то отвлеченным (чем, по-видимому, они и были в нем отчасти) делом мнения <...>, а не делом жизни. Действительно, они не вносили в отношения Тютчева к людям ни исключительности, ни нетерпимости; он не принадлежал ни к какому литературному лагерю и был в общении с людьми всех кругов и станом; они не видоизменяли его привычек, не пересоздавали его частного быта, не налагали на него никакого клейма ни партии, ни национальности» <...> «Но точно ли этот русский элемент в Тютчеве был одной отвлеченностью, мыслью, только делом мнения? Нет; любовь к России, вера в ее будущее, убеждение в ее верховном историческом призвании владела Тютчевым могущественно, упорно, безраздельно, с самых ранних лет и до последнего издыхания. Они жили в нем на степени какой-то стихийной силы, более властительной, чем всякое иное личное чувство. Россия была для него высшим интересом жизни; к ней устремлялись его мысли на смертном одре. А между тем странно подумать, что стихотворение по случаю посещения русской деревни («Ах, нет, не здесь, не этот край безлюдный был для души моей родимым краем») и стихотворение «Эти бедные селенья», написаны одним и тем же лицом».

Ф. Тютчев служит превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, или, наоборот, как в предчувствии направления, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек берется за тот или другой из доступных ему языков. Два рода умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собой, но сохраняя свою отдельность, через всю его жизнь, до последних ее дней. Это, с одной стороны, поэтическое творчество на русском языке, с другой стороны – мышление политика и дипломата, светского человека в лучшем смысле этих слов – на французском (Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева. Москва, 1886. Стр. 9-10, 75-76).

«В 22 года его почти безвыездного пребывания за границей, – говорит его биограф, – он почти не слышит русской речи, а по отъезде Хлопова (бывшего крепостного дядьки Тютчева, взаимно связанного с ним тесной дружбой) и совсем лишается того немногого, хотя и благотворного соприкосновения с русской бытовой жизнью, которое доставляло ему присутствие его дядьки в Мюнхене. Его первая жена ни слова не знала по-русски, так же как и вторая, выучившаяся русскому языку уже по переселении в Россию (и, собственно, для того, чтобы понимать стихи своего мужа). Следовательно, самый язык его домашнего быта был чуждый. С русскими путешественниками беседа происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно, велась и дипломатическая корреспонденция, и его переписка с родными».

«По собственному его признанию, он тверже выражал свою (прозаическую) мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писал исключительно на французском языке и, конечно, на девять десятых более говорил в своей жизни по-французски, чем по-русски. А между тем стихи у Тютчева творились только по-русски.

Значит, из глубочайшей глубины его духа была ключем у него поэзия, из глубины, недостижимой даже для его собственной воли, – из тех тайников, где живет наша первообразная природная стихия, где обитает самая правда человека». Стихи у него не были плодом труда, хотя бы и вдохновенного, но все же труда, подчас даже усидчивого у многих поэтов. Он их (создавал) и записывал. Лучшие созданы мгновенно.

Тютчев представляет поучительный пример не только того, что различные языки в одном и том же человеке связаны с различными областями и приемами мысли, но и того, что эти различные сферы и приемы в одном и том же человеке разграничены и вещественно. Во время предсмертной болезни, с половиной тела пораженной параличом, Тютчев почти до смерти сохранял способность к блестящей французской речи и живой интерес к политике. Раз, после продолжительного обморока, первыми словами его были: «какие последние новости из Хивы?». Между тем власть над стихом и чувство стихотворной меры оставили его гораздо раньше. Он порывался слагать стихи, но ничего не выходило.

Знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздвояет этот круг и наперед затрудняет достижение цельности мирозерцания, мешает научной абстракции.

Если язык школы отличен от языка семейства, то следует ожидать, что школа и домашняя жизнь не будут приведены в гармоничные отношения, но будут сталкиваться и бороться друг с другом.

Ребенок, говорящий: «*du pain*» к родителям и гувернантке и (тайком) «хлеба» к прислуге, имеет два различные понятия о хлебе.

Когда два лица, говорящие на одном языке, понимают друг друга, то содержание данного слова в обоих различно, но представление настолько сходно, что может без заметного вреда для исследования приниматься за тождественное. Мы можем сказать, что говорящие на одном языке при помощи данного слова рассматривают различные в каждом из них содержания этого слова под одним углом, с одной и той же точки. При переводе на другой язык процесс усложняется, ибо здесь не только содержание, но и представление различны.

Если слово одного языка не покрывает слова другого, то тем менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; соль их исчезает при переводе; остроты непереводаемы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника.

И это понятно. Допустим на время возможность того, что переводимая мысль стоит перед нами уже лишенная своей первоначальной

чальной словесной оболочки, но еще не одетая в новую. Очевидно, в таком состоянии эта мысль, как отвлечение от мысли подлинника, не может быть равна этой последней. Говоря, что из мысли подлинника мы берем существенное, мы рассуждаем подобно тому, как если бы сказали, что в орехе существенное не скорлупа, а зерно. Да, существенное (*geniessbar*) для нас, но не для ореха, который не мог бы образоваться без скорлупы, как мысль подлинника не могла бы образоваться без своей словесной формы, составляющей часть содержания. Мысль, переданная на другом языке, сравнительно с фиктивным, отвлеченным ее состоянием, получает новые прибавки, несущественные лишь с точки зрения первоначальной ее формы. Если при сравнении фразы подлинника и перевода мы и затрудняемся нередко сказать, насколько ассоциации, возбуждаемые той и другой, различны, то это происходит от несовершенства доступных нам средств наблюдения.

Поэзия в этом случае, как и в других, указывает пути науке. Существуют анекдоты, изображающие невозможность высказать на одном языке то, что высказывается на другом. Между прочим, у Даля: заезжий грек сидел у моря, что-то напевал про себя, и потом слезно заплакал. Случившийся при этом русский попросил перевести песню. Грек перевел: «Сидела птица, не знаю, как ее звать по-русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через лес, далеко полетела». И все тут. По-русски не выходит ничего, а по-гречески очень жалко! В действительности, всякий перевод более или менее похож на известную шуточную великорусскую переделку малорусского «Ой, був та нема» «Эх, был, да нетути». Даже легкое изменение звука, по-видимому, нисколько не касающееся содержания слова, заметно изменяет впечатление слова на слушателя. Вероятно, многие испытывали на себе неприятное впечатление фальши, неискренности, слушая певца или актера, говорящего в угоду местной публике на непривычном для них наречии. Искусство переходит здесь в лицемерие.

О невозможности для поэта говорить на чужом языке Тургенев говорит следующее: «Я никогда, ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник, а просто дрянь. Как это возможно писать на чужом языке, когда и на своем-то, на родном, едва можно сладить с образами,

мислями» т. д. Трудность самого соблюдения различий в эффектах увеличивается, когда мы имеем дело со словами одного происхождения в обоих языках; сходное в двух языках одного происхождения происходит не от того, что пути их развития действительно сходятся, а от того, что, расходясь от одной точки, они некоторое время идут почти параллельно друг подле друга. Впрочем, то, что перевод с одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбуждение другой, отличной, применяется не только к самостоятельным языкам, но и к наречиям одного и того же языка, имеющим чрезвычайно много общего.

«Я попросил раз одного хохла, – говорит Пигасов в «Рудине» Тургенева, – перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, как он это перевел? «Храматыга е выкусьтво правыльно чытаты и пысаты»... «Что же, это язык по-вашему? самостоятельный язык?» Именно то, что перевод с литературного языка на областное наречие и с одного областного наречия на другое весьма часто кажется пародией, именно это служит доказательством, что, предупреждая решение науки, верное чутье понимает самые сходные наречия, как различные музыкальные инструменты, быть может, иногда относящиеся друг к другу как церковный орган к балалайке, но тем не менее не заменимые друг другом. Для того, чтобы так было, нет никакой нужды лезть из кожи, чтобы сделать фразу наречия совершенно непохожей на фразу литературного языка, как это делали у нас некоторые ревнители самостоятельности малорусского языка. Это значит возить дрова в лес. Есть чувства и мысли, которых не вызвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко вызываются на областном наречии. Есть писатели, которые сама посредственность, когда выбирают своим органом литературный язык, но которые на родном наречии глубоко художественны и правдивы. Их творения, как научные материалы, незаменимы никакими изданиями памятников народной поэзии, сборников слов и оборотов, обычаев, поверий и проч. Мы имеем таких писателей, имеют их и немцы и высоко ценят их влияние на общенемецкий язык и литературу.

Такое мнение о наречиях и поднаречиях общераспространено и не нуждается в подкреплении авторитетов. Впрочем, таких подкреплений можно найти довольно. Сравним, между прочим, мне-

ние Гримма, что если бы наречия чешское и польское исчезли в общеславянском языке, как это представляют себе некоторые возможным и желательным, то это было бы достойно сожаления, ибо каждый из этих наречий имеет свои ничем не заменимые преимущества. Здесь речь только о формах вроде двойственного числа, но с большим основанием можно бы это сказать, имея в виду весь строй языка. «Лишь в редких случаях, – говорит В. Гумбольдт, – можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако же, даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа <...>, подобно тому, что замечают уже греческие грамматиками о более мужественном дорическом а сравнительно с более нежным ионийским ос»

Возвращаясь к влиянию иностранных языков, мы видим, что если бы знание их и переводы с них были во всяком случае нивелирующим средством, то были бы невозможны ни переводчики, сильные в своем языке, ни переводы, образцовые по своеобразности и художественности языка. Между тем известны переводы, между прочим, книг священного писания, по упомянутым свойствам и по влиянию на самостоятельное развитие литературы превосходящие многие оригинальные произведения. Даже в школе переводы с иностранных языков на отечественный, при соблюдении некоторых условий, оказываются могущественным средством укрепления учащихся в духе и преданиях отечественного языка и возбуждения самостоятельного творчества на этом языке. Упомянутые условия состоят, с одной стороны, в том, чтобы ознакомление учащихся с иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрепились в знании своего; с другой стороны, в том, чтобы язык учеников был для учителя родной и чтобы учитель в состоянии был требовать от переводов точности и согласия с требованиями отечественного языка. Пристрастие многих русских из классов, покровительствуемых фортуной, к <...> обучению детей новым иностранным языкам заслуживает осуждения не само по себе, а по низменности своих мотивов. Такие русские смотрят на знание иностранных языков как на средство отличиться от черного люда и как на средство сношения с иностранцами. В последнем отношении они стараются не снискать уважение иностранцев, а лишь говорить как они. В языке видят только звуки, а не мысль, а

потому, ради чистоты выговора, начинают обучение иностранному языку чуть не с пеленок и, как во времена «Недоросля», поручают детей Вральманам. Так, из детей с порядочными способностями делаются полуидиоты, живые памятники бессмыслия и душевного холопства родителей.

Что до замечательных людей, вроде Тютчева, с детства усвоивших себе иностранный язык вместе с богатым запасом содержания и не потерявших способности производить на отечественном языке, то в них деятельность мысли на иностранном языке, без сомнения, происходила в ущерб не только мысли на отечественном, но и общей продуктивности. В самом Тютчеве можно заметить узость сферы, обнимаемой его русским языком. Он сделал бы больше, если бы при том же таланте и таких же занятиях владел лишь одним языком и знал другие лишь ученым образом настолько, насколько это нужно для возбуждения мысли, идущей по колее родного языка.

Хотя двуязычность в людях высшего круга – не редкость в русском обществе XVIII и XIX века, но, тем не менее, она составляет не правило, а исключение... Притом же мы идем от этого состояния, а не к нему. Влияние двуязычности на более обширные классы населения, почти на целые, впрочем немногочисленные, народы, как чехи, я думаю, тоже неблагоприятно.

Можно принять за правило, по крайней мере для нового времени, что расцвету самостоятельного народного творчества в науке и поэзии всегда предшествуют периоды подражательности, предполагающие более или менее теоретическое или практическое, более или менее глубокое и распространенное знание иностранных языков, что, соразмерно с увеличением количества хороших переводов, увеличивает в народе запас сил, которые рано или поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве. Собственно здесь о подражательности и самостоятельности судят так, как о необходимости и свободе воли. Где виден еще первый толчек, как в первом отражении шара от бильярдного борта, то называют подражательностью, необходимостью; где между возбуждением и воздействием является промежуточная среда, маскирующая это возбуждение, то называют самостоятельностью и свободой. Но подражательность есть тоже своеобразность, очевидным доказательством чего служит, между прочим, наша подражательная литерату-

ра. Наоборот, в ней более <...> самостоятельных продуктов мысли; только научное наблюдение открывает следы внешнего импульса.

Говоря об отношениях равноправных народов, можно думать, что их своеобразность стиралась бы по мере их общения с другими, возрастала тем в большей прогрессии, чем крепче их внутренняя связь.

Но для увеличения их особенности достаточно даже того, чтобы их внутреннее и внешнее общение усиливалось в равной мере. Между тем кажется более вероятным, что среди больших народных масс Европы внутреннее общение народов увеличивается в большей мере, чем международное, разумеется кроме тех случаев, где правильное течение дел изменяется силой оружия или политического шахрайства.

Дифференцирование первоначально сходных языков не значит, что в народах уменьшается способность возбуждения со стороны других языков; но оно, мне кажется, значит, что как человеку, так и народу с каждым годом становится труднее выйти из колеи, прорываемой для него своим языком, именно настолько, насколько углубляется эта колея. С этой точки зрения кажется, что чем архаичнее язык народа, чем менее резкие перевероты в нем совершаются в течение времени, отделяющего его от начала, тем более возможна для него денационализация.

Какой же смысл имеет после этого денационализация? Она состоит в таком преобразовании народной жизни, при котором традиция народа, заключенная главным образом в языке, прерывается или ослабляется до такой степени, что является лишь второстепенным фактором преобразования. Случаи полнейшей денационализации могут быть наблюдаемы только в жизни отдельных личностей, еще не говорящими перенесенных в среду другого народа. В таких случаях жизнь предков такой личности вносится в ее собственное развитие лишь в виде физиологических следов и задатков душевной жизни. В применении к целым народностям, необходимо состоящим из лиц разных возрастов, такие случаи и невозможны. Здесь денационализация предполагает непременно лишь ослабление традиции между взрослым и подрастающим поколением, т. е. частное изъятие этого последнего из влияний семейства. Допустим, самые благоприятные условия денационализации, именно, что подавляемый народ не лишается имущества и не обращается в рабство в его грубой форме и что подрастающему его поколению, вза-

мен семейства, дается лучший из воспитательных суррогатов семейства, – школа. Но школа эта, по предположению, не пользуется языком учеников, как готовым образовательным средством, но, обучая их новому языку, тратит время на то, чтобы приготовить из сознания учеников род палимпсестов. <...>

Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенстве прочих условий, будут во всех отношениях ниже тех, которым при поступлении в нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьные крохи к огромному запасу дошкольных запасов мысли.

Подобные результаты мы получим, если вместо школы поставим другие образовательные средства, обнимаемые понятиями жизни в обществе. Таким образом, для денационализируемого народа естественным течением дел создаются неблагоприятные условия существования, вытекающие из умственной подчиненности, которая будет тем значительнее, чем менее подавляемый народ приготовлен к усвоению языка подавляющего. При подобной ломке неизбежно на месте вытесняемых форм сознания воцаряется мерзость запустения и занимает это место до тех пор, пока вытесняющий язык не станет своим и вместе с тем не принорвится к новому народу. Люди, по правилу, добровольно не отказываются от своего языка, между прочим в силу бессознательного страха перед опустошением сознания.

Ибо, пока мы не научены чему-либо лучшему, мы держимся мнения Гумбольдта, что «никакой народ не мог бы оживить и оплодотворить чужого языка своим духом, без того, чтобы не преобразовать этого языка в другой». Другими словами: народность, поглощаемая другой, вносит в эту последнюю начала распада, которые, конечно, произведут заметные результаты тем скорее, чем многочисленнее и нравственно сильнее и своеобразнее поглощаемая народность, и наоборот.

Крайне наивно думать, что хороший переводчик имеет способность высказывать из своей народной шкуры и входить в инородную мысль, что будто бы то самое, что делает немцев «лучшими в мире» переводчиками, облегчает им перемену народности и производит то, что, например, так много немецких фамилий между славянами. Нет спору, в немецкой литературе множество превосходных переводов, со множества языков земного шара. Германия – страна филологии, родина сравнительного языкознания. Но все это

главным образом зависит от степени образованности, от количества запроса на ученых и количества сих последних, употребляющих разумный труд на изучение иностранных языков и литератур, и лишь в меньшей степени от общих свойств их народности и языка. Здесь надобно различать теоретическое и практическое знание языка, т. е. легкость думать и говорить на нем. В последнем отношении немцы ниже славян, и если вообще можно гордиться чем-либо, то скорее можно на этом основании гордиться большей замкнутостью и устойчивостью своей народности. Если бы близость и географическое соседство языков были главными факторами, дающими их теоретическое знание, то такое знание литовского языка было бы достоянием русских и поляков и мы учились бы этому языку у них, а не у Шлейхера. Между тем неизвестно, что, не говоря уже о звуках, многие категории славянских языков на практике представляют для взрослого немца, образованного и простолюдина, затруднения, неодолимые в целые десятки лет.

Из этого мы можем заключить о их способности владеть языками, менее сродными с немецким.

Относительно этого вопроса я не знаю точных наблюдений, но мне кажется, что вряд ли между немецкими простолюдинами найдется столько практически владеющих какими-либо иностранными языками, как между русскими, находящимися в сношениях с инородцами, например, на Кавказе, в Сибири. Хотя я и не думаю, чтобы взрослый русский мог вполне усвоить какой-либо иностранный язык, даже в звуковом отношении (хотя гамма звуков, которой владеет русский, – в особенности бывалый и знающий польский язык, и, наоборот, поляк, знающий по-русски, что нередко, – гораздо обширнее той, какой владеет немец), но это не мое лишь личное мнение, что он скорее выучится по-немецки и по-французски, чем немец и француз по-русски. Трудно выдумать что-либо более поверхностное, чем мнение, что немец по складу своей народности космополит, что француз, например, только француз, и один немец – человек. Жалобы германофилов на то, что немцы-переселенцы, где они не изолированы, как в России, теряют свою народность, предполагают странное и неосуществимое желание, чтобы влияние отдаленного, покинутого отечества на второе и третье поколение немецких переселенцев было сильнее влияния окружающей их среды.

Само собой разумеется, что если нельзя признать непременно денационализирующим того изучения иностранных языков и того литературного (влияния), которые мы можем наблюдать в наше время, то то же можно сказать о подобных явлениях древнего времени. Доисторические следы, оставленные взаимным влиянием народов, имеют если не исключительно, то преимущественно лексический характер, но именно лексическая сторона языка наиболее способна без перерождения выдерживать напор внешних влияний. Говоря а priori, всякое иностранное слово на новой почве должно переродиться; но бесчисленны примеры того, что такое перерождение и в звуках и в значении столь очевидно, что не требует доказательств.

Можно думать, что особенность и своеобразность народов существует не наперекор их взаимному влиянию, а так, что возбуждение со стороны, меньшее того, какое получается изнутри, является одним из главных условий, благоприятствующих развитию народа, подобно тому, как, по мысли В. Гумбольдта, влияние личности говорящего на другую состоит не в вытеснении этой последней, а в возбуждении ее к новой плодотворной деятельности. Взаимное возбуждение народов предполагает не ассимиляцию, а лишь взаимное приспособление, которое можно сравнить с тем, какое возникает между цветами, питающими насекомых, и насекомыми, содействующими оплодотворению цветов. Применяя это к России, я думаю, что а priori, влияние финских и других племен, не вымерших, а поглощенных русскими, на образование русской народности не подлежит сомнению; но указания на частные случаи этого влияния, кроме некоторых лексических заимствований, большей частью ложны. Так, мнение, что великорусские племена со стороны языка своим существованием обязаны влиянию финнов, остается ложным, так как при нынешних средствах языкознания в грамматическом строе великорусских наречий не может быть открыто никаких следов посторонних влияний.

Возвращаясь к денационализации и разрыву с преданием, следует прибавить, что с точки зрения языка под этим понятием следует разуметь вовсе не то, чторазумеют под ним поборники идеи народности, когда, например, жалуются на раскол между высшими и низшими слоями русского народа, между до-Петровской и послеПетровской Русью. Народная традиция или развитие народной жизни без выхода из колеи имеет много общего с

традицией известной религии или научного направления. То, что с одной точки кажется изменой известным началам, с другой – представляется лишь их развитием, ибо развитие здесь есть лишь другая сторона предыдущего момента. Человек, воспитанный в догматах известной религии и потом дошедший до их отрицания, по своему нравственному облику принадлежит к ней настолько же, насколько послушный сын этой религии. Западный протестантизм принадлежит к школе католицизма, русские диссиденты – к школе православия. Мысль эту, которая у нас давно высказана, если не ошибаюсь, кем-то из славянофилов, теперь я нахожу у Штейнталя. Католик, протестант и еврей, сходящиеся в религиозно-философских воззрениях, дают этим воззрениям каждый свою историческую подкладку. То же в области науки. Последователи Гримма и Боппа камень за камнем разрушают сложное ими здание, но, в то же время, они продолжают их дело так, что Гримм и Бопп при новых условиях не могли бы поступить иначе. Подобно этому, например, в русском народе отчуждение от народности мы можем наблюдать только в отдельных лицах, в силу сословных предрассудков, с детства дрессируемых для этого. Но образованный человек, участвующий в создании литературы и науки на русском языке или добровольно и сознательно отдающийся их течению, какой бы анафеме ни предавали его изуверы за отличие его взглядов и верований от взглядов и верований простолюдина, не только не отделен от него какой-то пропастью, но, напротив, имеет право считать себя более русским, чем простолюдин. Их связывает единство элементарных приемов мысли, важность которых не ослабляется от сложности работ, на которые они употреблены. Но литературно образованный человек своего народа имеет перед простолюдином то преимущество, что на последнего влияет лишь незначительная часть народной традиции, именно, почти исключительно устное предание одной местности, между тем как первый, в разной мере, приходит в соприкосновение с многовековым течением народной жизни, взятым как в его составных, так и в конечных результатах, состоящих в письменности его времени.

Согласно с этим, образованный человек несравненно устойчивее в своей народности, чем простолюдин. Последний на чужбине почти совершенно разрывает связи с родиной, и хотя с трудом и плохо выучивается чужому языку, но с необыкновенной быстротой забывает свой, как, например, поляки, солдаты в русском войске.

Для первого и на чужой стороне лучшая часть влияний своей народности может сохраниться. Замечу, между прочим, что нерусские элементы языка одного из блистательнейших русских писателей, долго жившего и умершего за границей, происходят в гораздо меньшей мере от этого обстоятельства, чем от воспитания.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что если цивилизация состоит, между прочим, в создании и развитии литератур, и если литературное образование, скажем больше, если та доля грамотности, которая нужна для пользования молитвенником, библией, календарем на родном языке, есть могущественнейшее средство предохранения личности от денационализации, то цивилизация не только сама по себе не сглаживает народностей, но содействует их укреплению.

Предполагая, что в будущем смешение племен на той же территории увеличится, следует принимать в расчет, что к тому времени увеличится и препятствие к образованию смешанных языков, состоящее, кроме упомянутого увеличения в каждом народе привычки к своему языку, и в облегчении средств поддерживать связь между отдаленными концами одной и той же народности. Мы видим и теперь, например, как группируются немцы у нас и в Северной Америке.

Но, говорят нам, неужели мы не видим, что образование национальных литератур предполагает слияние племен в нации, объединяемой литературным языком? И разве не говорят нам замечательные филологи, что под влиянием общения мысли языки становятся все более и более сходными в важнейших сторонах своего строения? Не вправе ли мы продолжить это стремление до полного слияния по крайней мере европейских языков арийского племени? Конечно, мы вправе были бы это сделать, если бы посылки были верны.

Между тем общие очертания истории арийских языков, по которой мы можем судить об остальных, представляются нам в виде их дифференцирования не только в звуках, но и в формах, взятых в их употреблении. От одного общего славянского языка пошло десять, одиннадцать или двенадцать, смотря по тому, как считать, славянских наречий. Отдельные народы денационализированы и наречия вымерли, но в общем это не составляет большого расчета, и вряд-ли кто-либо в состоянии доказать, что когда-либо славянских наречий было больше, чем теперь. Между тем доказа-

тельства противного весьма сильны. Если бы кто вздумал понимать объединение племен в народ, например, русский, как действительное слияние нескольких наречий и поднаречий в одно, как говорят, органическое целое, тот создал бы себе миф. Конечно, отдельные русские говоры вероятно возникли вследствие смешения и взаимного проникновения элементов двух или нескольких соседних говоров. Но не таково возникновение того, что мы называем русским языком. Этот язык есть совокупность русских наречий. Народность с точки зрения языка есть понятие отличное от так называемой «идеи национальности». Тем не менее эти понятия настолько связаны друг с другом, что требуют тщательного разграничения.

Кажется очевидным, что не только чутье, но и сознание народного единства, в смысле общения мысли, устанавливаемого единством языка, есть явление глубоко древнее, притом такое, время происхождения коего не может быть определяемо с точностью. В отличие от этого мы слышим, что идея национальности родилась впервые в начале нашего века, что она дала толчок «постепенному выделению личностей народов цивилизованных» из «первоначального безразличия диких народов», что «великая заслуга сообщения этого толчка» может быть приписана определенным личностям, в Германии между прочим, Фихте старшему, у нас – славянофилам. Подобные мнения высказываются и другими, но лишь отчасти справедливо. Конечно, в отличие от Экклезиаста, мы думаем, что под солнцем все ново и не бывает повторения событий. Идея национальности нашего времени запечатлена своеобразностью, но подобные появлялись и раньше. Родовое их сходство состоит, мне кажется, в следующем. Такая идея есть не непременно признак народа, а возникающий от времени до времени умысел отдельных лиц и кружков сделать известные черты, приписываемые народу, руководящим началом намеренной деятельности отдельных лиц, обществ, правительств этого народа, – сообщить большую энергию деятельности, возвеличив ее начала. Таким образом, эта идея есть частью известное содержание мысли, частью общее душевное настроение личности, кружка, общества, иногда, в редкие критические минуты народной жизни – значительной части народа. В этом смысле эту идею мы видим везде, где в народе, под влиянием враждебного столкновения с другими народами, возникает апофеоза известных народных признаков и где на знамени пишется нечто

вроде: «с нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь»; или: «с нами цивилизация» и потому опять-таки «покоряйтесь».

Идея национальности есть всегда род мессианизма. Усматривая всеобщность этих черт, в различных, иногда противоположных взглядах, окрашенных «идеей национальности», мы приходим к мысли, что они суть неизбежное следствие известных условий народной жизни, и лишаемся и права, и охоты относиться с насмешкой к явлениям как наше славянофильство. Известное стихотворение Хомякова выражает весьма верно настроение славянофилов и намекает на необходимость возникновения их учения, как противодействия подобному и столь же одностороннему учению культуртрегеров:

«Не с теми Он, кто говорит:
Мы соль земли...
Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил ...
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм»,

т. е. он со славянофилами, несмотря на то, что со стороны в их смирении была заметна гордость. Без этой гордости, будет ли ее мотивом известная утрировка положительных преимуществ народа, измеримых «общим аршином», или вера в грядущее в высокое назначение своего народа, пока усматриваемое только пророческим взором, нельзя обойтись, как скоро обстоятельства, – такие ли, как наши, или такие, как в Германии начала нашего века, – требуют удаления «духа уныния». Перед судом потомства нет правых, но в свое время, а отчасти и в наше, славянофилы имели право сказать своим противникам, искавшим истины лишь вне себя: «Цивилизация для них фетиш ...

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы».

(Ф. Тютчев)

Эти противники не видели того, что немецкое культуртрегерство по меньшей мере столь же односторонне. Упрекая славянофилов в том, что они, будучи небольшим кружком, всегда имели слабость говорить от лица всей России, они не видели того, или мирились с тем, что культуртрегеры берутся решать за все человечество. В статье Рюдигера, обратившей на себя их внимание и переведенной на русский язык, мы находим следующее. Идея национальности, или просто национальность, возникла лишь в наше время наперекор успехам цивилизации, единственно лишь потому, что та же цивилизация устранила некоторые влияния, враждебные национальности, что она ослабила аскетизм христианства, изменила взгляд на династические права, разрушила муниципальную и сословную замкнутость, дала победу демократии.

Таким образом, сама цивилизация вызвала силу, враждебную высшим интересам человечества, ибо национальное стремление удержать народные различия, вопреки нивелирующей цивилизации неизбежно переходит в несправедливое пристрастие к своему, в незнание чужого, в пренебрежение и вражду к нему:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

(Ф. Тютчев)

Образование, неразлучное со стремлением за пределы одного народного, старается пренебрегать несущественными различиями. Образованный ум от всякого мнения требует истины, от художественного произведения – красоты, от учреждения – целесообразности. Но во всяком народе многое не выдерживает такой поверки и нужна особенная любовь к своему, чтобы считать сказку о древних веках народной истории за истину, грубую образину грубых веков за мастерское произведение искусства, нелепый закон за произведение глубочайшей государственной мудрости. Во многих народах толпа верит подобным вещам, а знающие больше не смеют ей противоречить. Национальность может служить и прогрессу, и реакции. <...>. Так, например, национальные стремления либеральны в Германии, где свободе и единству противодействуют государи; но они враждебны прогрессу там, где он враждебен национальности.

«Так в славянских землях ненавидят немецкую образованность, т. е. почти всю образованность, какая там есть, и явно стремятся к варварству прежних веков».

Здесь под национальностью мы должны разуметь «идею национальности», а не народность в обширном смысле, ибо если под этой последней будем понимать не более как сосуд цивилизаций, то и в таком случае мы не в состоянии будем понять, как развитие содержимого могло не разрушить сосуд, как птица, выклеываясь из яйца, разрушает скорлупу, а, напротив, укрепить этот сосуд. При этом, по-видимому, идее национальности, как силе, враждебной цивилизации, приписывается, как постоянный признак – ложь. Но, исключив недобросовестных людей, которые есть во всяком обществе, образованном или нет, разве можно сказать, что необразованный ум принимает то, что про себя считает ложью, безобразием, нецелесообразностью, за нечто противоположное, только потому, что так думают его соотечественники? И носители национальной идеи, как поклонники единой вселенской цивилизации, считают мысль истинной только до тех пор, пока не убедились в ее ложности. Приписывать им требование, что личное мнение, несогласное с мнением большинства, должно быть подавляемо – крайне несправедливо. Даже тогда, когда их идеалы позади, эти носители являются всегда представителями начала движения, а не застоя.

Именно поэтому с гораздо большим основанием их можно упрекнуть в теологической точке зрения на историю как на исполнение призвания, развитие предначертанных начал, воплощение заранее готовой идеи. Это заметно, между прочим, у Градовского, несмотря на то, что он старается возвыситься над точкою зрения славянофилов. Он говорит, «народное творчество – вот последняя цель, указываемая наукой каждому племени, цель, без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого». Особенность Градовского состоит в том, что у него «последняя цель» указывается не произведением, а наукой, от чего дело теряет большую часть своей ясности. Что может значить «указание цели» Сущему наукой, т. е. в конце концов вами лично, ибо наука, как известно, говорит только устами отдельных своих представителей? Не может быть, чтобы русский народ до сочинения такого-то профессора не имел цели. Вероятно, следует понимать по-прежнему, что эта цель была предначертана, и только открыта, говоря возвышенным слогом, наукой, а попросту – таким-то. Но если наука не в со-

стоянии вместе с тем (как это и есть в действительности) открыть, где кончается подражание и начинается творчество, то открытие это пустое. И если когда-либо будет достигнуто совершенство рода человеческого, так что дальше некуда будет идти, то наука не в состоянии будет этого заметить. В отличие от национальной идеи понятие народности, определяемое языком, кажется несовместимым с орудованием идеями, как конечная цель и достижение совершенства. Народ, как и язык, имеет бесчисленное множество целей, достигает их именно тем самым, что живет, но для земного наблюдения не имеет ни одной конечной. Странность взглядов Рюдигера объясняется тем, что его «цивилизация» как общечеловеческое начало, есть в действительности цивилизация с точки зрения немецкой национальной идеи, столь же узкой, как и славянская. Он на себе доказывает свои слова, что «национальные взгляды необходимо односторонни и национальное чувство немислимо без несправедливости к чужим». В сущности Рюдигер говорит, благо, если «свое» хорошо, как у немцев: тогда его охранение и развитие законно. Но у славян «свое» дурно, и потому любовь к нему и ее последствия суть преступления против человечества. Но кто сказал, что «свое» у немцев хорошо и что оно должно стать общечеловеческим? Кто определил содержание этого прогрессивного «своего» и решил его несовместимость с инонациональной формой? Сами же носители немецкой национальной идеи, которые хотят быть судьями в своем деле и выдают личную мерку за абсолютную.

Их идеал, в конце концов, сходен с идеалом славянофилов. <...> мечтали о денационализации славянских племен русскими, так те видят всемирное назначение немцев в денационализации соседних народов. Взявши денационализацию в самом мягком ее виде, мы получим, что развитие цивилизации с точки зрения культуртрегеров должно совершиться на чужой счет; за обучение врагов цивилизации добру, истине и красоте и учителям должно переплатить кое-что в виде материального богатства или менее вещественных удовлетворений, сопряженных с властью. Таким образом, и здесь мы можем перефразировать слова Мефистофеля: <...> то, что вы называете общечеловеческим, есть только ваше; оно еще необходимо для всех, но вы хотите его сделать таким, получить за это плату и сверх того сохранить при этом убеждение, что даром потрудились на благо человечеству. Вы говорите: «с нами Бог», но этого Бога создали вы сами, хотя и не без достаточного основания,

не без нужды для вашей собственной жизни, но без внимания к тому, годится ли этот Бог для других и захотят ли, и могут ли другие уверовать в него добровольно, или же вера в него должна быть вколочена. Если это последнее справедливо, то допустивши даже, что известной народности предстоит всемирное значение, мы должны будем признать, что развитие цивилизации совершается в видах всего человечества, ибо все человечество включает в себе и подавляемые народы, т. е. частью обращаемые в прах и пепел, частью денационализируемые, которым при этом не может быть по себе.

Как попытка устранить односторонность идеи национальности и ограничить призывы к обнемечиванию, обрусению т. д., выставляется право национальных культур, т. е. право народов, на самостоятельное существование и развитие. Изменение взглядов на отношение между общечеловеческим и народным, между общенародным и свойственным части народа, между этим последним и личным, объясняется до некоторой степени, если будет поставлено в ряд движения человеческой мысли, состоящего в переходе от признания объективной связи между изображением и изображаемым к ограничению и отрицанию этой связи. Типом этого движения может служить любой из случаев, в огромном количестве собранных исследователями первобытной истории мысли. Например, сначала человек, думая и говоря о враждебном существе, как волк, приписывает своей мысли не ту лишь долю бытия, какую она имеет как проявление его личной мысли, а гораздо большую, состоящую в непосредственной силе приблизить, удалить, прогнать или умиловать это существо. Мысль лица представляется здесь сначала непосредственным рычагом внешнего объективного бытия. Затем ее могущество приводится лицом в те границы, которые нам кажутся естественными: ей приписывается непосредственное влияние только на само действующее лицо. Из примера видно, что под изображением разумеется здесь не только выражение мысли в рисунке, слове, обряде, но и сама эта мысль, по отношению к своему объекту.

Убеждение в тождестве или объективной связи изображения в этом обширном смысле слова и изображаемого свойственно не одному лишь детству человеческой мысли, как думают многие. Это убеждение лишь меняет свое содержание с успехом знаний. Усилия мысли снимают с истины один покров за другим; но то, что в

первые минуты открытия казалось голой истиной, вслед за тем непременно оказывается лишь новой ее оболочкой. Борьба с предрассудками есть бесконечная работа. У нас нет мерки, которая давала бы право сказать, что в наше время предрассудков убавилось. До сих пор оскорбление словом, как унижительное для оскорбленного, считается за оскорбление делом и нередко влечет за собой весьма реальную месть, несравненно большую, чем та, какой можно бы ожидать, если бы при этом принималось во внимание не предрассудочное отождествление слова и вещи, а лишь влияние слова на мнение других лиц и на проистекающие отсюда действия. Науку напрасно стараются некоторые отгородить резкими и неподвижными границами от мифической мысли, ибо разница здесь лишь в степени.

В противоположность тем, которые видят начало критической мысли в такой-то определенной точке истории, можно думать, например, не только то, что каннибализм имел рациональные основания, но и то, что основания ему положены именно критической мыслью, совершенно аналогичной с той, которая ныне стремится изменить и улучшить строй общества.

И в науке донныне продолжается отождествление изображения и изображаемого в виде субстанции понятий. Давно ли душевные способности принимались за нечто реальное и самая душа считалась за нечто реальное, а не за мысленное объединение известного рода признаков. Разве не думают многие, что материя есть вещь, а прочее все гниль? Давно ли считалось общепризнанным, что общечеловеческая мысль воплощается в языке, так что, если мы, поставив перед собой эту мысль, откроем известные ее свойства, то можем быть уверены, что исследование языка обнаружит нам те же свойства – прием несомненно ученый, но представляющий аналогию с тем, когда, например, по сновидению, по чертам на бараньей лопатке и пр. гадают о внешних для этих предметов и явлений событиях.

Само столь обычное и необходимое для нас противоположение мысли и объекта есть тоже субстанция мысли, ибо «безусловно объективное», то, чем в конце концов условлена наша мысль, нам совершенно недоступно, а то, что мы называем объектом, при самом правильном понимании оказывается тоже мыслью, но еще не отделившейся от чувственных восприятий, еще регулируемой ими. То, что называется ходом объективирования мысли, есть термин

неточный и состоит в равной мере в признании элементов объекта субъективными.

Переходя к общечеловеческому и народному, посмотрим, как судит о них А. Градовский, автор сочинения, вообще весьма хорошего, несмотря на то, что в «Отечественных Записках» оно было представлено чуть ли не преступлением против общества.

До сих пор мысль, что «идея человечества воплощается в истории отдельных народов», иными считается за глубокую философскую истину и понимается так, что идея, как воплощающаяся в чем-то независимом от меня, говорящего это, и сама независима от меня и существует сама по себе. «Но, – говорит Градовский, – отношение между общечеловеческим и народным таково, как между логическим понятием и реальным явлением». «Наше представление об общечеловеческом есть продукт <...> обобщения частных явлений». «Оно не имеет реального бытия и существует только в мыслящем лице и через него». Кажется, это довольно ясно. Отсюда нравоучение, что не следует и невозможно жертвовать народным, как живым и реальным общечеловеческому, как призрачному и отвлеченному.

Между тем решимость автора оказывается шаткой. «Неужели, говорит он, – по нашему мнению, общечеловеческое есть только логическая фикция, плод абстракции, не имеющий никакого значения в жизни народов? О, нет! Это значило бы отрицать достоинство одной из драгоценнейших способностей человеческого духа и ума – способности <...> к составлению общих понятий. До сих пор это то же, что мы видели и выше. Казалось бы даже, что излишне и говорить об этом, так как признание общечеловеческого понятием не включает в себе его отрицания. Но дело в том, что автор и сам, по следам предшественников, впадает в мифологию, приписывая этому понятию иное существование, чем то, какое ему подобает, как обобщению, исходящему от лица: «Вместо того, чтобы говорить об общечеловеческой цивилизации, правильнее говорить об общечеловеческом в цивилизации, т. е. о совокупности таких условий культуры, которые должны быть усвоены целым кругом народов, как бы эти народы ни расходились во всем остальном». Если общечеловеческое имеет принудительную силу для всех народов, то, значит, оно представляется чем-то более существенным, чем другие обобщения.

Далее автор специализирует эти условия. Это, во-первых, «те условия, без которых немислима нормальная жизнь человека и целого народа, каковы бы ни были особенности его культуры» <...> например, личная безопасность, свобода совести, мысли, слова, обеспечение условий народного здоровья, продовольствия, образования и т. д. «Понятие общечеловеческого является (здесь) даже основанием критики национальных несовершенств», например, когда с этой точки отвергается утверждение, что «рабство есть естественное призвание негра».

Во-вторых, это внешние условия осуществления человеческих целей, например: пути сообщения, орудия обмена, машины, техника в поэзии и искусстве и т. д.

Нетрудно, однако, возразить, что все это может рассматриваться только как народное, т. е., например, с одной стороны, личная безопасность, свобода и пр. каждым народом понимается различно. С другой стороны, даже в употреблении и понимании вещей, переходящих от одного народа к другому, существует большое разнообразие, – так, например, дикарь может носить подаренный ему мундир без рубашки и панталон. Еще менее заметна общечеловечность в приемах производства. Неужели, например, автор думает, что силлабическое стихосложение на русской почве было равно польскому или французскому, или что есть, например, в живописи и гравюре не только два народа, две школы, но даже два художника с одинаковой техникой? Если бы речь шла только о возможности делать от всего отвлечения, то не стоило бы приводить частных примеров; но дело идет о большем, именно о возможности критики народного, с точки зрения общечеловеческого. Такая критика, однако же, настолько же мифологична, насколько была попытка вывести нормальные условия жизни песца, или же возможности его акклиматизации там-то, из свойств рода, обнимающего собаку, волка, шакала и пр.

Но наиболее очевидна субстанция мысли в самом противоположении общечеловеческого, как понятия, народному, как реальному явлению. То и другое реально и идеально ровно настолько, насколько реально и идеально понятие. Так вид в зоологии и ботанике имеет никак не более прав на объективное бытие, чем род понятия. Русский народ так точно, как и понятие «общечеловеческое в цивилизации», – если будем на него смотреть сверху вниз, т. е. по направлению к элементам, из коих оно возникло, – немед-

ленно распадется на частные: племена, классы, миллионы неделимых в разные века. Очевидно, что крайне ошибочно было бы приписать реальность личности в отличие от идеальности понятия «народ», ибо личность, мое я, есть то же обобщение содержания, изменяющегося каждое мгновение.

Ключ к разгадке явлений личной, семейной, родовой, племенной, народной жизни скрыт глубже, чем в абстракции, называемой личностью. Отсюда следует, что противоположение реальности народа идеальности человечества есть весьма плохое лекарство от неумеренных претензий национальной идеи, выдающей себя за общечеловеческое. Единственное лекарство от таких ошибок мысли состоит в том, чтобы держать понятие незамкнутым, открывать его приливу новых элементов, который не замедлит разрушить понятие, преобразовав его в новое. В иных случаях эти спекуляции иным кажутся более опасными, чем <...> : например, если бы кто сказал, что понятие о едином народе (таком-то) заключает в себе несовместимые противоречия и потому разрушается, то иной мог бы подумать, что от этого пошатнутся столбы государственного и народного здания. Но в успокоение таких опасений можно указать на то, что идеи начинают руководить жизнью лишь после, чрез длинные периоды, какие нужны для превращения их, так сказать, в чернозем мысли, т. е. в нечто, о чем больше не рассуждают.

Преимущество понятия народного, определяемого языком, пред общечеловеческим, или народным в смысле «идеи национальности», состоит в том, что первое объективнее в том смысле, что менее априорно, а потому оно сильнее возбуждает исследование. Штейнталь, сказавши о возникновении обособленной личности, как продукта духовного развития из общего (das Gemeine, общее и вместе пошлое), данного природой, продолжает: «Но затем более благородные души (Geister) постолько преодолевают ограниченность индивидуальности, что изображают общий закон и идеалы (das allgemeine, das gemeinsame Gesetz und Ideal)». Стало быть, по его мнению, расходящиеся линии дифференцирования преломляются в высших сферах развития и вновь сближаются друг с другом. Подобную мысль высказывает и Орест Миллер, говоря о дифференцировании личности и народа. Появление самостоятельной личной мысли и сохранение ее при помощи письменности сообщает движение народной жизни. «Разнообразясь в проявлениях своей жизни и движась вперед, народ не только не перестает быть, но

именно через это делается в полном смысле самим собой; чем более возникает в народе отдельных физиогномий, тем более всеми этими физиогномиями выяснится, определится и выступит весь наружу общий склад народного духа или народный тип. Именно в эпоху первобытную, т. е. в эпоху почти решительного несуществования личностей, народы своими нравами, своей духовной жизнью мало рознятся между собой; потому что и первобытная пора их устной словесности представляет без всякого умышленного заимствования друг у друга несравненно более сходства, чем особенностей. Позже и в устной словесности, в силу долгой работы понемногу проникающей и в нее личной мысли, начинают выражаться и особенности народные. Но только в литературе – конечно здоровой, самостоятельной, и окончательно и вполне может выразиться личная физиогномия народа.

Между тем в этом проявлении личности не только не исчезают общечеловеческие основы, но, напротив, именно в ней и достигают они своего настоящего окончательного развития. Так точно тип человеческого лица своего высшего и полнейшего развития достигает именно в тех людях, которые имеют характерную, определившуюся физиогномию, а не в тех, в которых не заметно ничего, кроме общих составных частей человеческого лица.

«Про лицо, в котором есть только глаза, нос, рот и пр. и во всем этом ничего особенного, ничего такого, чтобы принадлежало только одному этому лицу, так и хочется сказать: «какое это пошлое, нечеловеческое лицо!» Главное в человеческом типе именно и составляет способность, во всех человеческих лицах, сохраняя общие свои основания, в то же время становиться в каждом из них чем-то единственным в своем роде. Поэтому-то и то, что выражает собой всего полнее не физический, а духовный тип человеческого рода – словесность, своего полного развития достигает и со всей ясностью выводит наружу всю глубину человеческого духа именно тогда, когда являются в словесности произведения отдельных лиц, т.е. личного творчества, из которых каждое составляет нечто единственное в своем роде. Здесь, прежде всего, нужно устранить ошибочную мысль (или, быть может, лишь ошибочное, без нужды мифологическое выражение), что «личное творчество выводит наружу всю глубину человеческого духа». Как будто эта глубина не тогда только и возникла, когда обнаружилась! Как будто полнота развития есть нечто заранее данное, но лишь скрытое и спящее до

поры, как, по мифологическому воззрению, искра в кремне. Затем: верно, что дифференцирование народов связано с обособлением в них личностей; но думать, что дифференцирование народов есть вместе с тем стремление к общечеловечности, это все равно, что думать, что человек, возвышаясь над своими зверообразными предками, стремится к общеживотности. Приближение к общечеловечности мы можем представить себе лишь позади нынешнего уровня развития человечества, там, где и Миллер видит сходство между народами, независимое от заимствования. Но по направлению к будущему общечеловечность, в смысле сходства, может только уменьшаться. Она увеличивается лишь в смысле силы взаимного влияния, подобно тому, как с возникновением человека усиливается его влияние на животных и растения, и наоборот.

**О национализме. Заметка по поводу статьи:
Über Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift
für Völkerpsychol. und Sprachwiss. III B. 1865¹**

Слово народ перешло от отвлеченного значения нарождения и, быть может, единичного значения (нарожденное, человек) к собирательным значениям множества людей, простонародья и нации.

Что такое народ, в этом последнем и самом широком смысле, славянский язык отвечает нам сопоставлением синонимов народов – язык, и этот ответ и до сих пор верен. Народность есть то, чем один народ отличается от другого. Но почему же, именно, известную совокупность населения мы считаем одним народом? Не по единству происхождения, и не по сходству внешнего типа мы называем народ – народом. Народы давно уже перешли за пределы племенного единства и разделили между собой многие племена. Еврея, цыгана, финна, татарина, немца, обруселых настолько, что языком их сокровенной мысли стал русский язык, мы не можем

---

¹ Потебня А. А. О национализме. Заметка по поводу статьи «Über Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift für Völkerpsychol. und Sprachwiss. III B. 1865» / А. А. Потебня // Мысль и язык. – 3-е изд. – Харьков : Тип. «Мирный труд», 1892. – 225 с.

причислять ни к какому народу, кроме русского. Наоборот, образованного русского, немца, француза, несмотря на сходство их внешних привычек и возможное тождество их социальных, политических и религиозных воззрений мы отнесем каждого к своему народу.

Народное единство столь очевидно не состоит ни в географическом единстве территории, ни в государственном, ни в религиозном единстве, ни в сходстве внешнего образа жизни, пищи, одежды, характера построек, нравов, обычаев, ни в степени экономического, юридического, научного и художественного развития, что не доказывая этого отдельными примерами, достаточно сослаться на отсутствие всех этих единств в любом из великих народов.

На единичность значения этого слова указывает употребление его в Остромиров. Евангелии для слов собирательного значения *homines, populus*, не только в единственном, но и во множественном числе «народи мнози», а также аналогия со словом люд, коего единичное значение предполагается малорусским уменьшительным людок, мифическое – карлик, польское *wielkohld*, великан. К последнему замечу, что из него, по недослышке, сделали – верблюд. По свидетельству г. Будзиловича о Каменец-Литовской веже XIII в. старожилы говорят, что ее строили великаны (верблюды), стоя на коленях. (Срезневский. Сведения о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т.1, 2, 9).

Если же это так, то не только лучшая, но и верная, единственная примета, по которой мы узнаем народ и вместе с тем единственное, незаменимое ничем и неперемное условие существования народа, есть единство языка.

Как бы ни определялось точнейшим образом это последнее понятие, во всяком случае из того, что ныне известно о языке, следует, что так понимаемое народное единство – чисто формального свойства. Язык может рассматриваться как содержание лишь по отношению к отвлеченнейшим формам мысли; но он есть форма того, что им может быть обозначено; сам по себе он содержит лишь представления, т. е. намеки на мысль: ее символы, исходные точки, а не ее содержание. Он есть орудие сознания и элементарной обработки мысли, и, как орудие, обуславливает приемы умствен-

ной работы и, до некоторой степени, ее совершенство; но пределы ее усовершенности не могут быть указаны наперед.

Поэтому народность, т. е. то, что делает известный народ народом, состоит не в том, что выражается языком, а в том, как выражается.

Народное единство есть единство формальное. Несмотря на эту мнимую пустоту содержания, народность есть великий исторический двигатель, потому что служит средством образования единства других связей между членами одного и того же народа: единство веры, образованности и пр. Народность есть стимул, действующий с появления человеческих обществ, и при том независимо от того, сознаются ли разделяющие ее особенности или нет.

Человеку, для достижения неисчислимого множества целей, достаточно только чувствовать себя частью своего народа и пользоваться этим, и до сих пор лишь немногим ученым удавалось уловлять отдельные, сравнительно мелкие черты склада мысли, характеризующего народ. Изучение направлений народной мысли, условленных языком, стало быть того, что одно только и должно называться народностью, есть высочайшая задача языкознания.

В этом смысле народность имеет мало общего с национальными стремлениями в области практической жизни и идеей национальности, как ее понимает автор названной статьи и многие другие.

По Рюдигеру, идея национальности, или просто национальность, возникла лишь в наше время, наперекор успехам цивилизации, единственно потому, что та же цивилизация устранила некоторые влияния, враждебные национальности, что она ослабила аскетизм христианства, изменила взгляд на династические права, разрешила муниципальную и сословную замкнутость, дала победу демократии.

Таким образом цивилизация вызвала силу, враждебную высшим интересам человечества, ибо национальное стремление удержало народные различия вопреки нивелирующей цивилизации, неизбежно переходящей в несправедливое пристрастие к своему, в незнание чужого, в пренебрежение и вражду к нему. Национальность может служить и прогрессу и реакции, смотря по тому, что именно до сих пор препятствовало национальному развитию. Так, например, национальные стремления либеральны в Германии, где

свободе и единству противодействуют государи; но они враждебны прогрессу там, где он враждебен национальности. «Так, в Славянских землях ненавидят немецкую образованность, т. е. почти всю образованность, какая там есть, и явно стремятся к варварству прежних веков». Другими словами, благо, если «свое» хорошо, как у немцев, тогда охранение и развитие его законно, если же это «свое» дурно, как у славян, то любовь к нему и ее последствия преступление против человечества. Очевидно здесь говорится не о народности в принятом нами смысле. Во-первых, народность, как основная народная связь, возникла не вчера, а в одно время с народами. А разве народов не было до нашего столетия? Разве сознание народного единства не высказывалось в отдаленные века русской истории и не было, в соединении с другими силами, двигателем великих событий? Дело другое – сознательное применение народности ко внешней и внутренней политике. Оно, хотя и не в наш век впервые появилось, но, без сомнения, есть явление позднейшее и относится к народности, как эксплуатация народной силы к ее существованию. Во-вторых, так называемая, новая национальность оказывается не формой, а известным содержанием, коей значительная доля есть ложь, достояние невежественной массы.

Поэтому образованность вредна национальности, стирает народные различия. Но если народ есть форма, то все это не может к ней относиться. Умственная деятельность народа может производить продукты отделимые от языка, как от своей формы, и без существенного ущерба переложимые на другие языки. Чем более таких отдельных продуктов, тем выше всемирное значение цивилизации известного народа.

В большинстве случаев мы лишь а priori предполагаем зависимость умственной продуктивности от языка (resp. народного), но не в состоянии его уловить.

Образование неразлучно со стремлением выйти за пределы одного народного общеобязательного, старается пренебрегать несущественными различиями.

Образованный ум от всякого мнения требует истины, от художественного произведения – красоты, от учреждения – целесообразности. Во всяком народе многое не выдерживает такой поверки и нужна особенная любовь к своему, чтобы считать сказку о древних веках народной истории за истину, грубую образину гру-

бых веков – мастерским произведением искусства, нелепый закон – продуктом глубочайшей государственной мудрости. У многих народов толпа верит подобным вещам, а знающие больше – не смеют ей противоречить.

Национальные взгляды необходимо односторонни, и национальное чувство немислимо без известной несправедливости к чужим.

Что из выработанного народом может быть совмещено с инонародной формой и получить общее значение, а что нет, об этом могут правильно судить заимствующие, а не те, у кого заимствуют, если же последние берут на себя роль судей в чужом деле, то суждения их сплошь и рядом бывают крайне односторонни. Их требования от заимствующих похожи на то, как если бы кто, наваривши каши для себя и для других, потребовал, чтобы эти другие, из благодарности, вместе с кашей съели и горшок, в котором она варилась. Так, многие немцы, видя, что славяне не хотят их формы, подобно Рюдигеру, провозглашают, что славяне, в силу своей народности, чуждаются образованности вообще и стремятся к варварству темных веков.

Заимствование инородного содержания, отделимого от своей формы, не может быть вредно народности по той же причине, по которой взаимное понимание между отдельными лицами не влечет за собой и умственного и нравственного однообразия. Взаимное понимание между лицами, говорящими одним языком, как доказано немецкими учеными, состоит не во внешней передаче известного содержания, а во взаимном возбуждении мысли: слово, сказанное одним, вызывает в другом то же представление (т. е. признак, коим слово обозначает известное содержание), а представление вводит в сознание весь комплекс мысли, связанной с ним при этом. Содержание слова у обоих говорящих не тождественны.

Разница между пониманием чужого и своего языка только та, что слово чужого языка вызывает в понимающем не то же представление, а другое, ему соответствующее. Здесь один язык вызывает деятельность другого. Германофилы недовольны таким положением вещей и хотели бы невозможного, именно, чтобы и на второе, третье поколение разрозненных немецких колонистов в славянских землях, Северной Америке и пр. влияние семейного языка и отда-

ленного фатерланда было могущественнее влияния окружающей среды.

Быть может те, которые согласятся, что заимствование ино-родного содержания посредством хороших переводов вообще не вредит своеобразности языка, скажут, язык индивидуализирует отдельные личности и народы.

Мы замечаем в нашем письменном языке изменения, кото-рые называют «победами» народного языка над ненародной частью книжного. Стало быть, книжный язык борется с народным и послед-ний одолевает. Сочувствие наше должно быть на стороне победи-теля, потому что «наши местные говоры образованы правильнее, вернее и проще, чем наш письменный жаргон» (Даль. Гл. 1, V).

Отсюда заключаем, что дело идет к окончательному вытес-нению письменного языка народным.

Народным, но каким? Народных говоров много, а письмен-ный язык предполагается один, по крайней мере, в видах объеди-нения умственной деятельности всего народа, один главный. Сле-довательно, один язык, образованный из народных говоров, сущест-венный признак коих есть дробность, будет, так сказать, вытяж-кой из них, стало быть не им самим, не языком народным в том смысле как народны нынешние русские говоры, а чем-то другим. — Чем же?

ДМИТРО МИКОЛАЙОВИЧ ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКИЙ 1853–1920

Учень і послідовник О. О. Потебні, професор Харківського університету, літературознавець, мовознавець, психолог, історик літератури і культури. Народився в м. Каховка Таврійської губернії у дворянській сім'ї. Навчався в Петербурзькому (1871–1873) і Новоросійському (1873–1876) університетах. Для підготовки дисертації у 1877 р. виїхав за кордон, де перебував п'ять років. Мешкаючи в Женеві, Парижі, Празі, зустрічався з Г. О. Лопатіним, М. П. Цакні, П. В. Чайковським. Найміцніші зв'язки підтримував із М. П. Драгомановим, М. І. Зібером і П. Л. Лавровим. Повернувшись

у 1882 р. на батьківщину, захистив у Московському університеті працю «Розбір ведійського міфу про сокола, що приніс квітку Сомі, у зв'язку з концепцією мови й екстазу» та отримав звання приват-доцента з індоіранської філології. Працював у Новоросійському (1882–1887), Казанському (1887–1888), Харківському (1888–1905), Московському університетах, Петербурзькій академії наук (1905–1917), Психоневрологічному інституті, викладав на Бестужевських жіночих курсах. Почесний член Петербурзької Академії наук з 1907 р.

Основні праці: «Історія російської інтелігенції» (1906–1911), «Психологія національності» (1922), «Мова і мистецтво» (1896).

Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного)¹ (1909)

«Душа – не яблоко: ее не разрежешь», – говорит Шубин в «Накануне» Тургенева. Это справедливо лишь отчасти и в очень условном смысле. В сущности, душа человеческая довольно легко «разрезывается» по шву, которым скреплены одна с другой (и потом далеко не прочно) две сферы ее: сфера чувства и сфера мысли. Надо полагать, у высших животных цельность души, конечно, еще солиднее, ее сплоченность еще крепче, – и ее, пожалуй, уже в самом деле не «разрежешь».

Психика культурного человека сложна и расчленена. На первоначальной основе ее, т. е. на волевом психическом аппарате, тысячелетиями культурного развития создались обширные и причудливые «надстройки» чувств и умственных процессов. Эта строительная деятельность совершалась, конечно, не по какому-либо плану, не по рациональным законам психической архитектуры, а со

---

¹ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного) / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1914. – Т. 6. – С. 15–51.

всею иррациональностью слепого творчества природы. Душа человеческая, как мы ее знаем теперь, есть продукт психической эволюции, которую нет никаких оснований считать законченной. Мы можем гордиться богатством нашей психики, когда сравниваем ее с психикой дикарей; но эта гордость сейчас же должна смириться, как только мы вспомним о всех неврозах и психозах, которым цивилизованный человек так подвержен именно в силу несовершенства и неустойчивости своей нервно-мозговой и психической организации. Прогресс в эволюции психики человеческой сводится: 1) к усовершенствованию, обогащению, изощрению умственной и чувствующей сфер; 2) к подчинению волевого аппарата власти ума и высших чувств и 3) к упрочению синтеза всех элементов и процессов психики. Этот синтез и есть то, что иначе называется личностью.

Для уяснения относительного совершенства или, лучше, несовершенства нашей психики необходимо обратить внимание на взаимоотношения мысли и чувства. Вникая в психологическую природу этих двух сфер, мы ясно усматриваем коренное различие между ними, их разлад и приходим к выводу, что это – как бы «две души», имеющие свои особые законы, стремления, задачи. Душевное равновесие и благополучие человека в значительной мере зависят от того, насколько поладили между собой эти «две души» его, насколько крепок союз их.

Чувство, как таковое, характеризуется, во-первых, наличностью так называемой окраски, большею частью подводимой под категорию приятного и неприятного. Мысль, как таковая, чужда какой бы то ни было окраски. Нужно строго различать между самими чувствами, например радости, озлобления, зависти, жалости, грусти и т. д., и соответственными понятиями или представлениями: первые – окрашены, вторые – не окрашены. То или иное представление (например, образ любимого человека, воспоминание о счастливом событии) может вызвать живую игру известных чувств (например, радости, восторга), но данное представление и данное чувство не сливаются в один, неразделенный душевный момент, которого «не разрежешь»; напротив, здесь очень легко сделать разрез по линии, отделяющей представление (процесс мысли) от сопутствующего чувства. И данное представление отнюдь нельзя назвать окрашенным: окрашено не оно, а чувство, с ним ассоциированное.

Такие ассоциации могут быть настолько тесны и постоянны, что окраска чувства, связанного с представлением, легко переносится на само представление. <.. .>

Процесс развития мысли, с первых же шагов ее, резко характеризуется – у человека – стремлением к безразличию в отношении к чувствующей окраске, к категории приятного и неприятного. В умственных актах, ведущих к образованию представлений и понятий, чувствующая окраска быстро потухает, и только в таком потухшем, безразличном виде восприятия и становится материалом, пригодным для создания картины мира, данного в представлениях и понятиях.

На этом пути – в направлении безразличия, неокрашенности, – между прочим, выделяется особый элемент мысли, род умственного ощущения – свободы от давления чувств, от гнета чувствующейся окраски. Мысль обособляется и сперва ощущается, а потом и сознает, если можно так выразиться, все преимущества своей возникающей автономии. Ее процессы и результаты все более и более становятся самодовлеющими. Возникает сознание силы, закономерности и психологических прав мысли, независимо от воли и чувств. Одним словом, это – психологические основания того, что издревле принято называть истиной. Из намеченной постановки вопроса читатель, полагаю, уже видит, с какой стороны я хотел бы подойти к психологической разработке проблемы «истины». Я не спрашиваю, что есть истина. Я хочу уяснить себе психологическое происхождение ощущения и понятия истинности как особой, сопутствующей развитию мысли, умственной категории принципиально отличной от окраски, свойственной чувствам. В том стремлении к безразличию относительно чувствующей окраски, о котором я только что говорил, я усматриваю первый шаг к образованию этой категории, присущей процессам мысли, и с этой стороны ощущение истинности есть сперва только ощущение того, что в возникающих образах, в слагающихся понятиях чувствующаяся окраска восприятию потухла.

В силу отсутствия окраски процессы мысли (представления, понятия идеи) могут быть понимаемы как не эгоистические (в известном смысле) проявления нашей психики. Во избежание недоразумений, вместо термина «эгоизм» с его производными будем пользоваться термином «эгоцентризм», понимая под ним особое

отношение к «я» субъекта, именно то, которое дано в чувствах и тем явственнее обнаруживается, чем сильнее и выше чувство. В сфере чистой мысли, напротив, чем могущественнее, чем совершеннее и выше мысль, тем слабее ее связь с «я» субъекта, тем дальше стоит, она от этого «я»: по природе своей мысль, в противоположность чувству, не эгоцентрична. В форме представлений, понятий, идей дан мир, не превращенный в чувства или, лучше сказать, освобожденный, очищенный от непосредственной, чувствующей окраски желаниями, радостями, страданиями, наслаждением, отвращением и т. д. Сфера всех этих чувств только ассоциирована с объективным миром мысли. Если бы возможно было разрушить эту ассоциацию, то неэгоцентричность мысли обнаружилась бы во всей своей холодной, бесстрастной мощи. При этом предполагается, что сфера чувств не исчезла и продолжает поставлять материал для мысли, служить ей (иначе пострадала бы сама мысль). Тогда осуществилась бы великая утопия Спинозы: не скорбеть, не ненавидеть, а понимать.. Впрочем, весьма возможно, что настоящая мысль Спинозы была не столь утопична и ее истинный смысл сводился к формуле: скорбь, глубокая скорбь, которая не мешает познавать, и весело бодрствующее нравственное негодование, которое не мешает понимать.

Как процессы окрашенные, чувства по праву должны быть признаны эгоцентрическими, по преимуществу, проявлениями психики. Даже высшие, благороднейшие чувства, влекущие человека к подвигу самоотвержения, заставляющие его жертвовать собой для других или для идеи, с точки зрения чисто психологической должны быть понимаемы как акты наивысшего самоутверждения личности, наиболее яркого и полного выражения его «я». <...>

Но пойдем дальше. Достаточно известно то первенствующее значение, которое в деятельности мысли принадлежит так называемой бессознательной сфере ее. Подавляющее большинство умственных актов совершается именно здесь, за порогом сознания. И жизнь мысли лучше всего может быть определена как постоянное общение между сознанием и сферой бессознательною. Сохранение умственных приобретений в бессознательной сфере есть память, без которой ни умственная работа, ни прогресс мысли были бы невозможны. Но бессознательная сфера есть не только как бы склад, магазин образов, понятий, идей: она – арена умственной деятель-

ности. Вникая в природу наших умственных актов, мы легко убеждаемся в том, что весьма многие из них протекают бессознательно и что нередко в сознании отражается только последний результат сложных операций, производящихся в бессознательной сфере автоматически. Это значит, что вся эта работа обошлась нам даром, и тут нельзя не видеть огромного сбережения умственной силы.

К числу автоматических работ, совершающихся в бессознательной сфере, принадлежит утилизация языка, речи. Язык – не только средство передачи мысли. Он прежде всего орудие мышления. Он – сложный процесс апперцепции представлений, понятий и других умственных актов грамматическими категориями. Эти категории (части речи и части предложения) усваиваются нами в раннем детстве и становятся для нас настоящими формами мысли а priori в кантовском смысле. Когда язык усвоен и стал привычным и необходимым орудием мысли, тогда грамматическая апперцепция сосредоточивается в сфере бессознательной, сохраняя с сознанием живую связь и постоянное общение, так что результаты его деятельности легко переходят в сознание. Если искусственно перенести туда не только эти результаты, но и саму деятельность языка, то не замедлит обнаружиться вся обширность, вся сложность и тонкость этой деятельности, а также и то, как много места заняла бы она и как много потребовала бы внимания и умственных усилий, если бы целиком протекала в сознании. Все мы хорошо знаем это по горькому опыту школьных лет, когда в целях обучения грамматике мы подвергались неизбежной операции насильственного перемещения существительных, прилагательных, глаголов, подлежащих, сказуемых и т. д. из бессознательной сферы, где они действуют автоматически, в сознание, где их работа уже перестает быть даровой и где, по величине требуемой ею затраты умственных сил и внимания, легко можно составить понятие об ее огромной важности и ценности.

Все, начиная с языка, бессознательные, автоматические процессы мысли (а имя им – легион) по праву рассматриваются как процессы, сберегающие, накапливающие умственную силу, которая этим путем освобождается для новой, дальнейшей, высшей деятельности.

На этом основана сама возможность прогресса мысли, а за ним и всей психики.

Вот теперь и спросим: существует ли в душе чувствующей своя бессознательная сфера, аналогичная той, которая принадлежит душе мыслящей?

Ученые много спорили о том, есть ли память чувств. Вопрос должен считаться нерешенным. Я думаю, что он поставлен.

Ясную постановку этого вопроса и попытку решить его утвердительно находим у Рибо в книге «*La Psychologie des sentiments*» (1869), глава XI («*La mémoire affective*»). Наблюдения и соображения Рибо, клонящиеся к доказательству существования «аффективной памяти», устанавливают лишь одно: род «памяти» в области чувственных восприятия (обонятельных, вкусовых и др.), а не настоящих чувств; к тому же эта «память», по свидетельству самого автора, оказывается весьма ограниченной. По нашему мнению, между нею и памятью умственной – целая пропасть. <...> Постановка вопроса, предлагаемая здесь мною, близка к той, которую мы находим в последней статье (Maution), и еще ближе к воззрению Вильяма Джемса (в его «*The principles of psychology*»). Ср. А. Лазурский «Очерки науки о характерах» (1906, с. 165-166): «...аффективная память, если бы ее изучить подробнее, могла бы, пожалуй, иметь для индивидуальной психологии не менее важное значение, чем многие другие основные наклонности. Теперь же она еще слишком мало исследована для того, чтобы высказываться окончательно по этому вопросу».

<...> Сперва нужно решить, возможно ли бессознательное чувство, как вполне возможна бессознательная мысль. Мне кажется, отрицательный ответ сам собой напрашивается. Ведь чувство с его неизбежной окраской остается чувством до тех пор, пока оно ощущается, проявляется в сознании. Субъект может неправильно понять свое чувство, может ошибиться в его определении; есть немало сложных в тонких чувствах, трудно поддающихся отчетливому отражению в слове, в представлении, в понятии. Но, очевидно, эта трудность определения или ошибка в нем, в свою очередь, красноречиво свидетельствуют о сознательности чувства: ведь если бы сложное трудно определяемое чувство не сознавалось, то не возник бы и вопрос о нем, не было бы ни трудности, ни ошибки. По моему крайнему разумению, выражение «бессознательное» чувство <...> как черная белизна и т. п., и бессознательной сферы в душе чувствующей нет. Это, конечно, отнюдь не противоречит сохране-

нию воспоминаний о пережитом и угасшем чувстве, а равно и возможности кажущегося повторения этого чувства. Вы некогда испытали большую радость, вызванную каким-то событием в вашей жизни. Прошли года, эта радость давно потухла – ее нет у вас; но представления, с нею связанные, воспоминания о событии, ее вызвавшем, о лицах, участвовавших в событии, и т. д., конечно, сохраняются в вашей памяти, потому что они – мысль, а не чувство. С этими воспоминаниями могут ассоциироваться новые чувства, отличные от той радости, например чувство сожаления о том, что она прошла, грусть о счастье, которого уже нет. Если же, вспоминая прошлое, вы живо перенесетесь воображением в ваше тогдашнее душевное состояние, и если при этом новые чувства сожаления, грусти и т. д. не придут отравлять приятных воспоминаний, то нечто аналогичное былой радости может прозвучать в вашей душе. Но нетрудно видеть, что это не прежнее воскресшее чувство, а новое, только похожее на него, возникшее заново, в силу известных умственных актов (воспоминаний) и того, что в данную минуту ваша чувствующая душа оказалась свободною от других чувств. И, разумеется, новое чувство, принадлежа к одной категории с прежним, далеко не будет, однако, совпадать с ним в силе, интенсивности и в тех оттенках и подробностях, которые и образуют живую индивидуальность чувства. Наша чувствующая душа, по справедливости, может быть сравнима с тем возом, о котором говорится: что с возу упало, то и пропало. Напротив, душа мыслящая – это такой воз, с которого ничего не может упасть: вся поклажа там хорошо помещена и скрыта в сфере бессознательной. Возьмем другой пример. Литвинов и Ирина любили друг друга. Как ни была сильна и страстна эта любовь, она, после известного разрыва (в Москве), с течением времени прошла, потухла. Потом они встретились за границей. Здесь, на первых порах, их чувствующие души были свободны от чувства любви. Но воспоминания о прошлом и жажда счастья (или, лучше сказать, тех острых, страстных, блаженно мучительных душевных состояний, которые дает любовь) привели к новой любви. Она вспыхнула с новой силой. Но это, в точном психологическом смысле, не прежнее чувство, а новое, только очень похожее на старое. Можно два раза заболеть тифом, но новый тиф, несмотря на все сходство с прежним, будет новой болезнью, которой течение и картина не может по всем пунктам совпадать с тече-

нием и картиной первой. Когда говорится, что Литвинов и Ирина не переставали любить друг друга и любовь бессознательно сохранилась в их душе, чтобы при новой встрече вспыхнуть с прежней силой, то это только – фигуральное выражение, противоречащее психологической природе чувств. Но когда говорят, что такая-то мысль долго сохранялась и даже работала в бессознательной сфере, чтобы потом появиться в сознании, то это уже не фигуральное выражение, а вполне точное обозначение факта.

Если бы чувства, нами переживаемые, сохранялись и работали в бессознательной сфере, постоянно переходя в сознание (как это делает мысль), то наша душевная жизнь была бы такой смесью рая и ада, что самая крепкая организация не выдержала бы этого непрерывного сцепления радостей, горестей, обиды, злобы, любви, зависти, ревности, сожалений, угрызений, страхов, отчаяний, надежд и т. д., и т. д. Нет, чувства, раз пережитые и потухшие, не поступают в сферу бессознательного, и такой сферы нет в душе чувствующей. Но в ней есть нечто иное. Это именно – следы пережитого. Испытанное чувство исчезает, но наша психика обогащается новым опытом и становится на будущее время более восприимчивою к данному чувству. Эта восприимчивость, приобретенная рядом опытов, может передаваться наследственным путем и, через несколько поколений, превращается в инстинкт. Смотря по характеру чувства, приобретение восприимчивости к нему может приводить к весьма различным результатам, например к большой легкости всякого нового появления в душе данного чувства, к привычке иметь его (так можно привыкнуть к тщеславию, к заносчивости, к властолюбию и т. д.), или же к тому, что известное чувство уже не будет проявляться с тою яркостью, как проявлялось оно впервые.

Путем переживания различных чувств наша чувствующая психика обогащается внутренним опытом и усваивает, если можно так выразиться, чувствоспособность, в силу которой ей становятся доступными всевозможные чувства, хорошие и дурные, равно как и различные степени яркости чувств, от тусклых и слабых до так называемых аффектов, т. е. сильных и страстных проявлений чувства.

Сравнивать эту чувствоспособность, эту настроенность души, хотя бы она была доведена до степени инстинкта, слепо, автоматически действующего, с ролью и характером бессознательной сферы мысли нельзя без натяжек, и такое сравнение ни к чему не

ведет, кроме отрицательного вывода, что эти психологические величины несоизмеримы и даже не могут быть названы гомологами.

Из сказанного явствует, что в психике мыслящей, где есть бессознательная сфера, господствует закон памяти, а в психике чувствующей, где бессознательной сферы нет, властвует закон забвения.

К сказанному прибавим, что чувства, как сознательные по преимуществу процессы психики, скорее тратят, чем сберегают, душевную силу. Жизнь чувства – расход души.

Важнейшей характерной особенностью мысли, тесно связанной с ее бессознательными процессами, является ее вечное стремление восходить от единичного, частного, конкретного к общему, обобщенному, отвлеченному.

Уже грамматические категории суть отвлечения. Но важнейшее действие абстракции сосредоточено не в формальных частях слова, а в его материальном (лексическом) содержании: конкретные представления обобщаются либо в типичные образы (это – путь искусства, кроме лирики), либо в отвлеченные понятия (это – путь науки и философии).

Ничего подобного нет в сфере чувств. Чувство всегда конкретно. Нельзя обобщить, скажем, 100 чувств любви в одном чувстве какой-то любви вообще. Только представления (а не чувства) разных сортов любви могут быть сведены к общему понятию (опять-таки не чувству) любви вообще. Излишне пояснять, что чувства, объектом которых служат не конкретные вещи, а общие понятия, идеи (например, любовь к истине), также не конкретны, в смысле чувства, как и все прочие. Чувства всегда резко индивидуальны, т. е. каждое из них имеет свою, так сказать, физиономию, свой характер, определенную окраску, такую-то степень. <...>

Оттуда – бесконечное разнообразие чувств той же категории.

И с этой стороны коренное различие между мыслью и чувством может быть сведено к противоположению сбережения и накопления психической силы в обобщающих, отвлеченных процессах мысли – расходованию и рассеянию психической силы в живой деятельности чувств, всегда конкретных, всегда индивидуальных.

Эта противоположность мысли и чувства наглядно обнаруживается в их крайних выражениях. Существеннейший признак мысли – отвлечение. И чем мысль отвлеченнее, тем она больше

мысль; чем она конкретнее, тем ближе подходит она к чувству. В чувственных восприятиях она сливается с последним. Следовательно, чтобы созерцать мысль в ее наиболее ярком выражении, нужно взять самые широкие научные и философские обобщения, где в одном законе или одной идее сведено к единству огромное количество фактов и их более частных обобщений. Громадное сбережение умственной силы, осуществляемое этим путем, не требует пояснений.

Существеннейший признак чувства – это окраска, придающая ему особый характер, не позволяющий смешать его с другим чувством. Чем ярче окраска чувства, тем оно больше – чувство. Следовательно, чтобы созерцать чувство в его наиболее ярком выражении, нужно взять аффекты и страсти. Что аффекты и страсти представляют собой расходование душевной силы, это не может подлежать сомнению, равно как и то, что, если взять всю совокупность аффектов и страстей в известный период времени, то этот расход окажется огромным. Какие статьи в этом расходе могут быть признаны полезными и производительными, – это уже другой вопрос; но несомненно, что многие страсти и различные аффекты оказываются настоящим расточительством, душевным мотовством, ведущим к банкротству психики.

Так вот, если мы будем иметь в виду, с одной стороны, высшие процессы обобщающей мысли, научной и философской, а с другой – самые сильные и яркие аффекты и страсти, то коренная противоположность и антагонизм двух душ – мыслящей и чувствующей – выступят отчетливо в нашем сознании. И мы убедимся, что в самом деле эти «души» плохо ладят между собой, и что психика человека, из них слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, исполненная внутренних противоречий.

Представим себе картину духовной жизни, управляемой интересами отвлеченной мысли, – при минимуме аффектов, при отсутствии страстей, – и мы получим то, что Спиноза, лучший представитель такой жизни, справедливо называл свободой. <...>

До сих пор мы говорили о чувствах, отвлекаясь от их положительного содержания. Теперь обратимся к этой стороне дела и прежде всего предложим следующую классификацию чувств, основанную на эволюционном критерии: 1) чувства органические (биологические), 2) над-органические, 3) социальные, 4) над-

социальные. Вместе с их классификацией мы дадим и оценку чувств со стороны их значения в общей экономии психики человеческой. Критерием такой оценки послужит нам понятие о стремлении чувств поработать душу. Оговорюсь, что не имею возможности исчерпать поставленный здесь вопрос, и только постараюсь дать общую схему классификации и отправные точки указанной оценки чувств.

1) Чувства органические (биологические): мышечное, общетелесное (здоровья, нездоровья), голод, жажда, сытость, половое и др. При нормальных условиях, при физическом и душевном здоровье, при обычном удовлетворении соответственных потребностей организма, эти чувства не поработают души. Только при ненормальных условиях, при отсутствии необходимого удовлетворения потребностей организма, эти чувства вырастают в аффекты, поработавшие мысль, другие чувства, волю. Легче всего – именно у мужчин – получает аномальное развитие половое чувство (и притом развитие, не оправданное потребностью). На этом пути возникают излишества и извращения, часто являющиеся симптомами разных психозов. Если это – психоз, о душевной свободе не может быть и речи. Но и вне психоза это чувство слишком часто (у мужчин) приобретает непропорционально значительное место в общей экономии психики и является началом поработавшим. Женщины в этом отношении гораздо свободнее и, следовательно, совершеннее мужчин.

2) Над-органические чувства. Из них, полагаю, следует признать важнейшим любовь между мужчиной и женщиной, в смысле столь известного состояния влюбленности и идеализированной страсти. Это, бесспорно, одно из поработавших чувств. Оно, без сомнения, развилось на основе биологического инстинкта размножения и может быть понимаемо как перерожденное идеализированное половое чувство или как сложная психическая «надстройка» над ним, в которой обращают на себя внимание черты, по видимому, ничего общего не имеющие с инстинктом размножения и даже противоречащие ему (это – характерная особенность чувств над-органических; на известной высоте развития они становятся «антиподами» соответствующих органических чувств). <...> стремлениям моралистов, проповедующих половое воздержание, нель-

зя не сочувствовать, тем более, что, сколько мне известно, авторитет науки на их стороне.

Поэты всех времен (надо отдать им справедливость) сделали очень много для идеализации и облагораживания любви-страсти. В смысле украшения и поэтизации жизни это чувство имеет свою ценность. Но в общем придется сказать, что оно приносит больше зла, чем добра. Вполне уместное и благотворное в юном возрасте, оно простирает свою власть и на старшие поколения («любви все возрасты покорны»), где оно – излишне и, как все излишнее, вредно. Известно, что глупостям, совершаемым людьми умными под властью этого чувства, имя – легион. Кроме глупостей, оно приводит и к преступлениям, несчастьям всякого рода, самоубийствам. Едва ли можно сомневаться в том, что в будущем оно подвергнется значительным изменениям в своем составе, характере и силе и потеряет ту власть и популярность, какими оно пользуется до сих пор. Уже одно уравнивание женщин с мужчинами на почве общего труда и развития внесет коренные изменения в порядок любовных чувств, подогреваемых, как известно, различием вторичных половых признаков, – а эти признаки в известной мере уравниваются в общем царстве труда и мысли. Женщина будущего, равноправный товарищ мужчины на всех поприщах общественной деятельности, потеряет те утрированные и условно-красивые черты так называемой «женственности», которые ни с физической, ни с духовной стороны не могут считаться положительным приобретением цивилизации.

3) Чувства социальные: семейные, общественные, правовые, политические. Их сфера огромна, и сами чувства этой категории разнообразны до бесконечности, разделяясь на разновидности и отличаясь по интенсивности; тут есть и обыкновенные чувства, и аффекты, и страсти. Я не могу войти здесь а рассмотрение этого обширного порядка душевных явлений и ограничусь некоторыми соображениями, преимущественно о тех из них, которые имеют ближайшее отношение к интересующему нас вопросу о личности, об ее душевном равновесии и ее развитии в направлении наибольшей цельности и экономии психических сил.

И прежде всего укажем, что сама личность есть продукт (и притом сравнительно поздний) развития общественности, что она (личность, как особый уклад духа) образовалась путем прогрессив-

ного развития именно социальных (а не органических и других) чувств. Человек был искони животным групповым, общественным и выступил на историческую сцену с уже готовыми социальными чувствами и стремлениями, ставшими инстинктом не менее властным и слепым, чем инстинкты биологические. Долгие тысячелетия прошли, прежде чем в недрах общественности могла образоваться личность. Многие социальные явления (в том числе и государство) предшествовали возникновению личности, и последняя унаследовала разнообразные социальные чувства, связывавшиеся с доличными общественными образованиями. Затем, в порядке исторического развития, эти архаические чувства перерабатывались, видоизменялись в ту или другую сторону, переходили в новые чувства или совсем упразднялись. Как пример, укажу на патриотизм. В наше время это социальное чувство, даже в его наиболее вульгарном виде, все-таки представляется гораздо более сложным и часто более возвышенным сравнительно с патриотизмом античным, который, в свою очередь, не был единообразным, а развивался в известном направлении, расширяясь и облагораживаясь. Если взять его в одном из наиболее ранних выражений, то это окажется патриотизм не национальный и даже не государственный в собственном смысле, а общинно-родовой, опиравшийся на узкие интересы общины и на родовую религию (преимущественно культ предков). Но был некогда (и есть ныне – у дикарей) «патриотизм» еще более примитивный и грубый: это – инстинктивное тяготение к своему «человеческому стаду» и слепая вражда к другим таким же «человеческим стадам». Сущность явлений сводится именно к тому, что здесь нет еще личности, а есть только индивиды, которые вне стада не существуют и исконно были стадными. Нам трудно проникнуть в эту своеобразную психологию, где нет личности. Но вспомним, что социальная психология есть система психологических отношений, связей и взаимодействий; эта система существенно изменяется с развитием организации труда, его усложнением, усовершенствованием и разделением. На этой почве и создаются впервые социально-психологические основы или формы личности. Предпосылка личности – это сперва смутное, потом более явственное сознание своего социального положения, своего места в общественной организации. Прошли тысячелетия, пока из этой предпосылки могла возникнуть человеческая личность, долго еще остававшаяся шат-

кой и расплывчатой. Личность есть конечный результат психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности. Только с появлением личности становится возможным антитеза: я и общество. Индивид, не имеющий личности, этой антитезы не знает; он не противопоставляет себя обществу, – он тонет в нем. <... >

Личность, сказали мы, есть синтез психических процессов индивида. На этом определении остановиться нельзя: оно слишком формально и не дает ответа на вопросы о характере этого синтеза, об его психологической природе. Ведь дикарь, как особь, также имеет свой душевный синтез: нельзя отрицать его существования и у животных. Вообще везде, где есть расчлененная и организованная физиологическая животная особь, там есть и некоторый синтез психических процессов, данных этой особи. Нервная система и мозг являются физиологической предпосылкой и необходимым основанием психического объединения. Итак, существуют психические синтезы и до личности. Личность должна быть понимаема как один из многих синтезов, как особый род или тип душевного объединения, несвойственный животным и еще не возникший у весьма многих дикарей. Для осуществления этого нового типа синтеза необходима человеческая общественность и притом прогрессирующая, цивилизующаяся. Личность – продукт цивилизации. <...>

Всякий, кто хоть немного вдумывался в психологический состав личности, как она дана в цивилизованном мире, знает, конечно, как много в этом составе того, что должно быть понимаемо как форма личности, в отличие от ее содержания, – формальными элементами являются те черты, которые личность воспринимает из: 1) национальной среды, 2) из класса, к которому она принадлежит, 3) от своего профессионального положения в обществе и т. д. В каждом из нас можно найти целый ряд таких форм. Если, выражаясь фигурально, произвести поперечный разрез личности, то такой разрез обнаружил бы ряд концентрических кругов: самый широкий из них национальный (положим, субъект – русский), затем – круг, слагающийся из исторических классово-сословных черт (например, дворянин, потомок бояр или князей), далее – круг из современных классовых отношений (хотя и дворянин, и потомок, но в то же время типичный для современности буржуа-капиталист), потом – круг

из черт профессиональных (долго служил по выборам и усвоил типичные черты земского деятеля), наконец – круг из черт местных (типичный провинциал или типичный москвич). Таких кругов у одного может быть больше, у другого меньше, одни из них представляются неяркими, малозаметными, другие гораздо ярче, устойчивее и сохраняют свое значение при всевозможных переменах в судьбе человека: таков круг национальный, а также некоторые из классово-сословных, исторически развивающихся и слагающихся черт, передаваемых наследственным путем (например, формальные признаки духовенства, ставши типичными и нередко сохраняющиеся у лиц, вышедших из духовенства, но к нему не принадлежащих, избравших другое поприще). Не все, но огромное большинство этих форм должны быть признаны с эстетической стороны безразличными и нравственной оценке не подлежать. Только немногие из них, именно из числа узкопрофессиональных, связанных с деятельностью, подвергающейся нравственному суждению (одобрению или порицанию), по необходимости подпадают под нравственную оценку (положительную, например для сестер милосердия, для миссионеров и т. д., отрицательную – для ростовщиков, для воров – ибо есть и такие профессиональные формы). Нетрудно видеть, что возможности нравственной оценки увеличиваются по мере того, как круги суживаются. Самый широкий – национальный – никакого отношения к этике не имеет и не может иметь (весьма, к сожалению, распространенное стремление приписывать нравственные качества, положительные или отрицательные, разным национальностям, как таковым, есть одно из самых прискорбных и зловредных недомыслий). К этике могут иметь отношение только те круги, которые ближе всего подходят к центру, – к той центральной точке, где помещается само содержание личности с ее особым физиологическим строем, ее темпераментом, ее нравственностью, волевым упорядочением, личными особенностями характера, вкусов, стремлений и т. д. Все окружающие эту точку концентрические круги форм, как обручами, сжимают и скрепляют личность. Они-то и объединяют ее, они вносят чрезвычайно важный вклад в дело организации личности, в дело создания ее синтеза.

Дикарь не имеет первого и важнейшего круга – национальности, как это было указано выше; других кругов – классовых, профессиональных – у него также нет за отсутствием правильного, ор-

ганизованного труда. Сама организация общественного труда едва ли возможна без предварительного образования народности, хотя бы в ее зачатках. Возникновение народности (элементарной национальности) означает ту ступень объединения групп и создание той, так сказать, системы духовных сил, которые и пролагают путь к организации общественного труда с его разделением, с его постоянным стремлением к усовершенствованию. Читатель понимает, что, говоря о дикарях, мы все время имеем в виду настоящих дикарей, а не те полудикие племена, которых можно подвести под понятие «варварства» и которые имеют свою «культуру», политическую организацию, жрецов, систему верований, сложные обычаи и т. д.

Это разделение труда и ведет к образованию классов с их классовыми психологическими формами личности.

Человеческая до-личностная особь, приобретая национальную «физиономию», участвуя в общем труде и усваивая классовую форму психики, постепенно превращается в личность.

Историческое развитие и усовершенствование национальных форм есть процесс развития и усовершенствования личностей со стороны их основного – национально-психологического – синтеза. Историческая смена классовых форм есть смена общественных типов личностей. Рядом с этим идет усиление разнообразия, увеличение сложности личности. Два лица, принадлежащие к одной национальности, могут различаться со стороны классовой формы: принадлежат к одной национальности и имея одну и ту же классовую форму, они могут различаться со стороны профессиональной формы и т. д. Наконец, способ сочетания разных форм между собой и их общее воздействие на индивидуальное содержание личности бывают крайне различны и соответственно приводят к различным результатам.

Можно было бы предпринять сравнительное изучение всех классовых форм с точки зрения их воздействия на индивидуальное содержание личности и на то, что я называю ее психологической скрепою. Вопрос гласил бы: какие из этих форм благоприятны для внутреннего усовершенствования людей и для усиления цельности, связанности, душевной гармонии личности? Такой вопрос привел бы и к постановке другого: нельзя ли в истории смены классовых психологических форм уловить признаки прогрессивного развития

самой личности? Это возвращает нас к тому тезису, который мы поставили в начале статьи. Тезис гласит, что эволюция психики человеческой еще далеко не закончена, что душа или, лучше, ее синтез – личность современного человека, в ее даже наилучших выражениях – представляет значительные несовершенства организации. Эволюция психики продолжается. Так вот, говоря об исторически сменяющихся классовых формах личности и подымая вопрос оценки их относительного совершенства и психологического достоинства, мы обращаемся вновь к указанному основному тезису и спрашиваем: не есть ли историческая смена классовых форм только частный случай, эпизод в эволюции психики человеческой, и, например, образование и расцвет буржуазной формы – это был прогресс, шаг вперед в эволюции личности, а новая форма, грядущая на смену буржуазной, будет дальнейшим шагом в этом направлении?

Такая постановка вопроса предполагает, что у нас есть или может найтись положительный критерий для определения относительного совершенства личности, как синтеза формальных элементов с элементами содержания психики. Мне кажется, за таким критерием ходить не далеко. Очевидно, что содержание личности должно быть по возможности совершенным, т. е. состоять из всего лучшего, что до сих пор было выработано цивилизацией. Цивилизация выработала ряд высших идей, чувств, стремлений: они должны быть в наличности, так чтобы человек имел право сказать: я – человек, и ничто – лучшее – человеческое мне не чуждо. Во-вторых, все худшее человеческое (и до-человеческое), все унаследованное от более или менее дикого прошлого и превратившееся в бодрствующие или заглохшие инстинкты, в ряду которых есть чисто зверские, должно быть нейтрализовано, подавлено и пребывать в скрытом состоянии, если уж оно не может быть совсем выброшено из души. В-третьих, две души, мыслящая и чувствующая, должны быть по возможности лучше и теснее скреплены и прилажены друг к другу, и чтобы они сливались в гармоничном синтезе, если можно так выразиться, в третьей душе, которую в самом деле «не разрежешь, как яблоко». Весьма возможно, что в порядке эволюционном эта «третья душа» и создается, и ее характерным признаком будет могучее развитие задерживающей воли, о каком мы теперь, с нашей слабОВОЛЬНОЙ психикой, и понятия иметь не можем. Эта

«третья душа» подымается в сферу высшую, господствующую над мыслью, в сферу нравственную.

Созданием национальных, классовых и прочих социальных форм не исчерпываются те условия и предпосылки, какие выработала цивилизация и которые служат психологическими скрепами личности. Есть еще и другие, не менее, если не более важные скрепы. Они-то и являются как бы предвестниками того процесса, который мы только что назвали созданием «третьей души». Это – особый порядок чувств, которые, невзирая на их весьма вероятное социальное происхождение, я считаю более правильным выделить в особую рубрику. Я предлагаю называть эти чувства над-социальными. Рассмотрение этой четвертой рубрики окончательно выяснит нам тот критерий, который необходим для оценки относительного совершенства личности как синтеза психических процессов.

Итак, 4) чувства над-социальные. Едва ли можно сомневаться в их социальном происхождении, хотя, строго говоря, их генезис еще не может считаться окончательно раскрытым наукою. Я лично принимаю их социальное происхождение, но думаю, что, раз возникши в недрах общественности, они, даже в своем элементарном виде, сразу приобрели особое психологическое значение и назначение, не уместяющееся в рамки явлений чисто социальных. Первыми из этой категории чувств, в эволюционном порядке, образовались уже в глубокой древности чувство религиозное и чувство элементарно нравственное. Пусть их социальное происхождение есть вопрос, еще не решенный, но их крайне узкое, тесно социальное значение на ранних ступенях развития не может подлежать сомнению. У дикарей (тех, у которых они имеются) и в отдаленной древности культурных народов они, если можно так выразиться, насквозь пропитаны социальностью и запечатлены резким характером общественной утилитарности. Но, по мере дальнейшего развития, весьма рано обнаруживаются их сверх-социальные стремления. Очень скоро (хоть и спорадически, у отдельных лиц) оказывается, что религия и этика метят куда-то выше общества и нередко вступают в конфликт с другими чисто социальными психическими образованиями. Все более и более сфера их действия переносится в самый центр личности, в индивидуальное «я». Образуется религиозное сознание и нравственный императив, как интимное достоя-

ние личности, над которым общество не властно и развитие которых может поднять личность выше общества. По своей психологической природе, как она довольно рано обнаружилась, религиозное сознание (или чувство) и нравственный императив представляются психическими образованиями особого порядка. Их отличительная черта в том, что они – не только чувство, но и мысль. Назвать их простыми ассоциациями мысли и чувства нельзя: ведь их нельзя разложить на мысль и на чувство, как это легко делается с ассоциациями. Говоря так, я имею в виду не содержание религиозного сознания или нравственного чувства (например, вера в бога по такому-то вероучению, нравственное признание такого-то правила, например «не убий» и т. д.), а самое-то религиозное сознание и нравственный императив, как форму, бодрствующую в душе человека и воспринимающую то или иное исторически данное содержание. Так вот, возьмите эту форму, эту категорию религиозности и этики, и вы увидите, что они – неразложимы. Это, говоря фигурально, как бы «психические атомы» той «третьей души», о которой была речь выше. Но в то же время мы по опыту знаем, что они, эти формы, сказываются как чувство и проявляются как мысль.

Никто не будет отрицать, что религиозность есть чувство: оно достаточно ярко окрашено, чтобы субъект, его имеющий, не сомневался в его принадлежности к душе чувствующей. Но вместе с тем достаточно хоть немного вникнуть в особый характер этого чувства, чтобы убедиться в следующем: в противоположность другим чувствам, оно есть суждение. В нравственном императиве этот характер суждения проявляется еще отчетливее: любое движение нравственного чувства, первый лепет совести есть уже скрытое суждение, чуть ли не силлогизм. Это значит, что не только чувство, но и мысль, и притом не «механически» (ассоциативно) связанные друг с другом, а так, что это – мысль постольку, поскольку чувство, и наоборот – чувство постольку, поскольку мысль.

Принимая во внимание эту двойственность природы религиозного и этического и их неразложимости на мысль, отдельную от чувства, и чувство, отдельное от мысли, мы приходим к воззрению на психические образования как на самые несомненные проявления настоящего психического синтеза личности. Как ни далека от совершенства организация души человеческой, – в ней все-таки есть задатки или фактические доказательства возможности лучшей ор-

ганизации, создания более прочного синтеза, слияния двух душ, мыслящей и чувствующей, в одну – высшую. Начало этого слияния уже осуществилось в двух душевных пунктах – в религиозном и этическом. Оттуда ясно, какое огромное значение принадлежит религиозному и нравственному прогрессу человечества, рассматриваемому с точки зрения постепенного усовершенствования личности, создания ее цельности и единства.

Выше мы указывали на прогресс национальности, на историческую смену классовых форм как на процесс развития самой личности. Теперь в религиозном и этическом узлах психики мы находим другое орудие или фактор того же развития. И это второе орудие тем важнее, что оно, создавая и скрепляя личность, в то же время возвышает ее над чисто социальной стихией и делает человека существом сверхсоциальным: существом религиозным и нравственным сперва в возможности, а потом и фактически, в меру прогрессивного развития самого содержания религии и этики.

Во избежание недоразумений поясню, что «сверхсоциальность» не значит выход из пределов общественности в какие-то эмпирии. Нет, над-социальные стороны человека вместе с ним остаются в пределах общественности (из них некуда выйти), – все равно как социальное, в свою очередь, остается в пределах биологических, не совпадая с процессами биологическими, но развиваясь на их основе. Находясь в недрах социальности, вне над-социальное не остается равнодушным зрителем общественной эволюции, но является по-своему могущественным ее двигателем. Вероятно, такова же роль социальности в пределах биологических: силою социального прогресса образовался и продолжает биологически совершенствоваться самый вид *homo sapiens*.

В отличие от других чувств или, по крайней мере, их большинства религиозное и нравственное чувства являются процессами, сберегающими и накапливающими психическую силу. И с этой стороны они еще явственнее выступают в роли действующих факторов прогресса общественности. В том, что они, подобно мысли, сберегают и накапливают душевную силу, – в этом нетрудно убедиться из наблюдений над укрепляющим, оздоравливающим действием религиозного сознания и нравственного императива на всю психику. При этом поучительны психопатологические случаи их исчезновения или извращения. Как причастные мышлению, как

своеобразные чувства-суждения, они обобщают, подводят под определенные нормы все разнообразие отношений человека к человеку и к божеству (или космосу), наподобие того, как обобщающие процессы мысли (понятия, идеи) упорядочивают и упрощают разнообразие и бесконечное множество конкретных представлений.

Эта сторона – сбережение и накопление психических сил – явственно сказывается в том, что религиозное сознание и нравственный императив выступают в истории человечества как силы творческие. А во всем психическом творчество может быть только там, где есть сбережение силы. Вспомним великие всемирно-исторические религиозные движения, вспомним великие этические доктрины: как много душевных сил освободилось в них и выступило как деятельный фактор прогресса. Это значит, что в порядке религиозной и нравственной эволюции веками накопился огромный запас сил. Накопление предшествует освобождению, и само творчество, как освобождение связанной силы, не есть растрата накопленного и всегда ведет к новому накоплению, которое обнаружится раньше или позже. <...>

ПСИХОЛОГІЯ МАСОВИХ ЯВИЩ ТА ВПЛИВУ НА МАСИ В ЮРИСПРУДЕНЦІЇ І ПСИХІАТРІЇ

ІВАН ОЛЕКСІЙОВИЧ СІКОРСЬКИЙ 1842–1919

Український медик-психіатр, педагог, дитячий психолог, громадський діяч, публіцист. Народився у с. Антонове Сквирського повіту Київської губернії в родині священника. Випускник медичного факультету Київського університету Св. Володимира, у 1869 р. залишився на кафедрі патології для удосконалення своїх знань. Пізніше, у 1873 р., переїхав до Петербурга, де спочатку вивчав душевні хвороби в клініці професора І. М. Балінського, а з 1882 р. працював лікарем у лікарні Св. Миколи Чудотворця. У 1885 р. він – професор Київського університету Св. Володимира, де протягом майже 26 років очолював кафедру психіатрії та нервових хвороб. У 1904 р. заснував Лікувально-педагогічний інститут для розумово відсталих та нервових дітей, а 1912 р. – Інститут дитячої психопатології. З 1908 р. очолював Фребелівське педагогічне товариство у Києві, де проводив консультаційну та просвітницьку роботу. Автор понад 100 наукових праць у царині медицини, психіатрії, біології, педагогічної психології та педагогіки, з них близько 50 – із психології. Роботи вченого друкували в спеціальних вітчизняних і зарубіжних часописах, перекладали німецькою, французькою, англійською та іншими європейськими мовами. Вони були широко відомі як на теренах Російської імперії, так і за кордоном. Зокрема, його праця «Душа дитини» (1901) витримала понад десять видань у Німеччині.

Основні праці: «Психопатична епідемія 1892 року в Київській губернії» (1893), «Риси із психології видатних людей» (1899), «Про двадцять п'ять заживо похованих в Терновських хуторах (поблизу Тирасполя) у 1896–1897 рр.» (1899), «Ненормальні та хворобливі

характери» (1899), «Початки психології» (1909), «Про психологічні засади націоналізму» (1910), «Загальна психологія з фізіогномікою» (1912).

Смерти в Терновских хуторах. Психологическое исследование¹ (1899)

I. ПРИРОДА

В сравнении с суровой северной и даже со средней Россией южные части ее представляют настоящий благодатный край по мягкости климата, красоте природы и естественным богатствам, которыми земля вознаграждает труд человека. Для жителя севера этот уголок – земной рай, полный радости и довольства. Эти черты в особенности свойственны Поднестровью. Великой красотой отличается долина реки с ее густой яркой зеленью, живописными берегами и могучей растительностью, которая своей сплошной зеленой пеленой обозначает старое широкое русло реки. Богатые сады и виноградники покрыли всю долину и служат неиссякаемым источником богатства и довольства... И здесь, в этом благодатном уголке, свила гнездо мрачная человекоубийственная секта. Своим дыханием она отравила жизнерадостное население долины и привела к страшным событиям, которые – если бы они даже были кровавыми – и тогда были бы менее ужасны. Благодаря деятельности секты – здесь, в благодатной долине, нашли себе вольную или невольную смерть два с половиною десятка людей, из коих большая часть были женщины и дети всех возрастов, не исключая грудных младенцев. В довершение всех ужасов – смерть была медленной и одной из самых мучительных!

---

¹ Сикорский И. А. О двадцати пяти заживо погребенных в Терновских хуторах (близ Тирасполя) в 1896–1897 гг. / И. А. Сикорский // Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены: в 5 кн. – Кн. 1 (статьи по вопросам общественной психологии). – Киев–Харьков: Южно-русское изд-во Ф. А. Иогансона, 1899. – С. 165–258.

Желая поближе ознакомиться с событиями этой смерти и определить психологическую природу явлений, лежавших в основании ее, автор настоящих строк взял на себя труд отправиться на место и ознакомиться с внешней обстановкой, с населением, среди которого произошли убийственные события, и с оставшимся в живых непосредственным участником событий, Федором Михайловым Ковалевым.

Внешняя сторона терновских событий настолько известна из газет, что мы ограничимся лишь кратким перечнем главнейших фактов.

Днестр своим быстрым извилистым руслом образует массу островов и заливов (лиманов). Вся широкая долина реки изрезана ее рукавами и богата часто заливаемыми водой низинами с тучным черноземом. Эти низины с небольшими на них возвышениями носят местное название «плавней». Плавни покрыты необыкновенно плодородной почвой и богаты фруктовыми садами и огородами; части же долины, прилегающие к берегу, изобилуют виноградниками. Село Терновка находится в четырех или пяти верстах от Тирасполя и расположено в плавнях. В непосредственном соседстве с Терновкой расположены многочисленные хутора, и между ними – хутора, принадлежащие семейству Ковалевых и их родственникам. Усадьба Ковалевых представляет значительную земельную собственность, оцененную тысяч в двадцать руб.

Старообрядческое семейство Ковалевых принадлежит к давним обитателям терновских хуторов, и родоначальник нынешнего поколения Ковалевых уже в начале настоящего столетия владел усадьбой, получившей ныне столь печальную известность. Этот родоначальник давал у себя приют прохожим, и в особенности переходящим раскольникам, и завещал такой же долг своим потомкам. Последняя владелица хуторов, старуха Ковалева, строго исполняла заветы предка, который был отцом ее мужа, и в усадьбе ее находили приют не только переходящие сектанты ее веры, но существовало даже целое учреждение – скит, в котором имели постоянное пребывание представители секты обоего пола, ведущие безбрачную жизнь и составлявшие нечто вроде старообрядческого монастыря.

Скит представляет собою небольшое низкое здание, с фасада напоминающее собою экипажный сарай, с широкими фальшивыми входными воротами, которыми отделан фасад, и небольшими

оконцами вроде слуховых отверстий в нежилых зданиях. На самом деле никакого въезда в сарай не существует: это – лишь отделка, скрывающая действительное расположение и назначение здания. Настоящий фасад и вход в здание – с противоположной стороны. Но этот истинный вход и истинный фасад просто, но искусно и умело замаскирован широким валом из соломы и тростника, представляющим собою как бы склад этих материалов. Однако же на самом деле описываемый вал представляет собой постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается с крышей близлежащего здания и предназначена для замаскирования его. Между валом и зданием скита идет во всю его длину узенький коридор. С коридора ведут несколько входных дверей в различные части здания. Здание это и есть раскольничий скит, в котором имели временное и постоянное жительство переходящие и постоянные жильцы терновской общины. Самый вход в описанный выше коридорчик так искусно расположен и замаскирован, что его трудно заметить. Все описанное устройство явным образом рассчитано на то, чтобы скрыть как назначение здания, так в особенности входы и выходы из него. В самой существенной части здания, рядом с главной молельной, расположен поперечный коридорчик, который ведет в противоположные части усадьбы и представляет полную возможность скрыться жильцам скита тем или другим путем, в зависимости от условий обыска. Все подробности устройства скита продиктованы страхом, осторожностью и подозрениями. Здание невзрачно, низко; его крошечные окошки маскированы задвижными ставнями, разделанными под цвет фасада и т. д. В большей части комнат находятся потайные ходы и спряты. Все показывает, что здешний обитатель пребывал в постоянной тревоге и всякую минуту был готов и мог бежать. Вместе с тем внутренность здания отличается мрачным характером и крайне неприветлива; все показывает, что люди жили здесь не только в страхе, но и в какой-то человекобоязни и мрачности.

Жильцы скита редко выходили из здания – разве только для необходимых работ.

Обыкновенным времяпрепровождением скитников были молитва, чтение, беседа при постоянном общении с некоторыми из членов семейства Ковалевых, которые, так сказать, прониклись духом религиозного настроения скита. Эти последние совершали

значительную часть работ, напр., относящихся к домашнему обиходу, облегчая или, лучше сказать, заменяя работу обитателей скита.

Что касается внутренней жизни скита, то в некотором отношении она осталась для нас невыясненной ввиду того, что главнейшие участники этой жизни, напр., девица-сестра Ковалева, Домна Фомина с дочерью, Суховы и др., погибли насильственной смертью. Однако же некоторые факты нам удалось узнать от самого Федора Ковалева. Но в особенности, хотя немногие, но высокой ценности данные получены нами из бесед со слепым стариком Я. Я. (76 лет), который жил в скиту и был непосредственным участником большей части событий последнего времени. Из этих двух свидетелей Федор Ковалев не понимал значения многих событий, в особенности не понимал их мотивов, и потому его фактические рассказы, подчас детски-наивные, отличаются совершенной и беспристрастной объективностью. Старик Я. Я., наоборот, очень тонок, проницателен, опытен, отличается идеально спокойной душой. Благодаря его показаниям возможно установить истинное значение и психологическую зависимость совершившихся фактов, и до известной степени объяснить то, что остается загадочным и противоречивым.

II. ЛЮДИ

До осени 1896 года в Ковалевских хуторах существовали две совершенно чуждые друг другу жизни – жизнь скита и трудовая жизнь хозяев усадьбы и их родственников. Эти жизни были близки только по месту, но в других отношениях близости не было, за исключением того обстоятельства, что отдельные члены семейства Ковалевых сближались со скитом и являлись его поклонниками и паломниками. Но главным образом скит в усадьбе Ковалевых являлся всероссийским религиозно-благотворительным учреждением, согласно устному завещанию основателя Ковалевской усадьбы и семьи. Представительницей хутора и его жизни является старуха Ковалева, мать Федора Ковалева, а представительницей скита является Виталия.

Все отзывы, какие нам удалось собрать, рисуют старуху Ковалеву женщиной в высшей степени мягкой, доброй и человеколюбивой. Хотя она торговала мукой, но торговля вовсе не была глав-

ным делом ее жизни: она жила богатыми доходами от фруктовых и виноградных садов. Она отличалась благотворительностью и помогала в широких размерах не только своим единоверцам, но также – православным и даже евреям. Согласно всем отзывам, это была не деловая, не практическая женщина, это была просто мягкая и добрая душа. Ее участие в фанатических смертоубийствах и ее вольная смерть вместе с Виталией вызвали у всех единодушное чувство недоумения и сожаления.

Совершенно иными чертами отличается Виталия. Уроженка Херсонской губернии, девица около 35 или 40 лет, она отличалась энергией и большой решительностью. Виталия появляется впервые в терновских хуторах лет 12 тому назад. Первоначально она наезжала, по временам, в Терновский скит, а в последние три года основалась в нем окончательно и приняла в свои руки заведование делами и всей внутренней жизнью скита. До того времени скит представлял собой скорее мужской раскольничий монастырь, но с водворением в нем Виталии преобладающая роль переходит к женщинам, и в период последних событий это уже было монастырское общежитие с женской иерархией и администрацией во главе. Хотя в отдельных кельях скита жили и мужчины, немногие старички, но они занимали второстепенное положение и не принимали никакого участия в управлении делами, подчиняясь всецело главенству Виталии. Виталия распоряжалась всем в делах административного характера, а также и в чисто религиозных делах. Она распределяла комнаты между жильцами скита, назначала им порции, определяла времяпрепровождение, начальствовала над всеми, но также отправляла богослужение, проповедовала, поучала, добывала св. тайны для причастия и сама приобщала скитников – кого часто, кого через каждые сорок дней, кого реже.

Во всех своих делах административного характера Виталия совещалась со старухой Ковалевой, но эти совещания, как можно судить по данным, сообщенным Федором Ковалевым, носили скорее характер акта вежливости или предлагались к сведению, но, в сущности, были полновластными действиями Виталии. Уступая Ковалевой как бы первую роль, называя ее «тетенькой», Виталия распоряжалась решительно всем, и ни одно серьезное дело в хуторах не предпринималось без ее воли. Ее воля, ее авторитет требовался повсюду. Некоторые члены Ковалевской семьи подпали без-

условно под ее влияние, как, например, мать Сухова, Домна Фомина, ее взрослая дочь и девица – сестра Ковалева.

Как ни казалась значительной и всеобъемлющей деятельность и личность Виталии, но рядом с ней стоит другая личность, которой, по всей вероятности, принадлежит первостепенная роль во всех замыслах и в психологической подготовке всех роковых событий в терновских хуторах. Это была Поля Младшая. Поля Младшая и Поля Старшая, по-видимому, были родные сестры, по фамилии Скачковы. Старшая Поля никакой роли в делах скита не играла, но младшая имела огромное влияние на Виталию. Последняя не делала и, по-видимому, не могла сделать ничего без совещания с Полей. Об этом живо и картинно рассказывал Федор Ковалев. По его словам, Виталия хорошо постилась, молилась, громко и внятно читала по-церковному, но гражданское письмо и газеты читала и понимала плохо. Поля же отлично и бегло все читала и толковала. Виталия не могла обходиться без Поли и решительно во всем совещалась с нею. По словам Ковалева, Виталия и Поля «все делали вдвоем». Посоветовавшись с Полей, запасшись от нее сведениями и объяснениями, Виталия становилась смелой и деятельной.

Старик Я. Я. рисует Полю и Виталию такими же чертами, как и Ковалев. Он в особенности хвалит Виталию за умение горячо молиться и увлекать других своею молитвой.

III. СУДЬБА ЛЮДЕЙ

Мирная, безмятежная жизнь терновских хуторов была нарушена брожением, начавшимся в среде скита осенью 1896 года. Виталия и Поля стали постоянно говорить о имеющих якобы наступить преследованиях; еще не было речи о пришествии антихриста, об антихристовой печати и пр., а говорилось только об ожидаемых якобы общих мерах против раскола. Проповеди и предсказания Виталии на этот счет производили значительное действие и вызывали волнение и беспокойство, которое она никогда не старалась успокоить, а напротив – старалась усилить и раздуть. Никогда из ее уст не раздавались слова надежды и примирения. Напротив, она постоянно поддерживала возбуждение и запугивала – часто говорила, что наступят еще худшие времена и что нужно всего ждать. Постоянные чувства, свойственные обитателям скита: раздраже-

ние, подозрительность, неосновательные страхи, теперь сказывались у Виталии в большей степени, чем прежде. Ее тревожные речи действовали на окружающих, в особенности на молодых женщин и на подростков, но также и на старуху Ковалеву. Последняя часто плакала и говорила детям: «Я умру, как вы останетесь без меня».

Начало осени 1896 года (сентябрь, октябрь) прошло в беспокойстве и тревожных думах: все ждали то ссылки в отдаленные места, то заключения в тюрьму. Ожидания эти были настолько серьезны, что вызвали приостановку обычного хода дел и привели к нелепым решениям и действиям. Так, некоторые запаслись теплым платьем (шубами, валенками и проч.) в ожидании близкой якобы ссылки на далекий север. Вечера и ночи проходили в беспокойных думах и разговорах, в которых принимали участие женщины, подростки и дети, вследствие чего беспокойство и волнение нарастали, а решения заменялись фантастическими предположениями. В случае заключения в тюрьму, решали, согласно совету Виталии, запоститься, т. е. уморить себя голодной смертью. На этом остановилась большая часть. Немногие из мужчин давали совет – «дождаться, что будет», ничего не предпринимая. Этот благородный исход, к сожалению, не имел места, главным образом потому, что психологический центр всего дела перешел к затворницам и вообще к женщинам и в силу этого получил оттенок страстного, горячего отвлеченного дела, которое не справлялось с внешней жизнью и действительностью.

С Рождественского поста (с Филипповки) беспокойное настроение терновских скитников и хуторян значительно усилилось. Проводились нередко то в той, то в другой семье бессонные ночи в бесконечных причитаниях и самоустрашениях, и посылавшиеся к Виталии за разъяснениями женщины, подростки и дети, иногда сам Федор Ковалев и другие возвращались от нее с уверениями о скором пришествии антихриста, об имеющих наступить войнах и о том, что признаком всех грядущих бед является совершившееся будто бы недавно снятие кровли с Иерусалимского храма. Вместе с тем говорилось, что народная перепись – это печать антихриста и что внесение человека в перепись равносильно наложению этой печати и вечной гибели человека. Тогда уже Виталия давала совет запоститься, не дожидаясь, что будет дальше.

В ноябре и в особенности в декабре большинство обитателей находилось в состоянии почти непрерывного страха и тяжелых мрачных ожиданий. Это мрачное состояние не освещалось никаким лучом надежды. Смерть, гибель казались неминуемыми. Такое гуртовое настроение, овладевшее всеми, делало жизнь тяжелой и предрасполагало к самоубийству.

Наиболее губительным оказывалось влияние Виталии на полувзрослых детей, в особенности на тринадцатилетнюю дочь Фомина, Прасковью. Эта девочка-подросток была одной из самых близких лиц к Виталии, почти постоянно у нее бывала, служила посредницей между Виталией и хуторянами, и в этом смысле играла более существенную роль, чем большая часть взрослых. Влияние этой девочки отражалось и на Анюше Ковалевой. И вот однажды, раньше, чем кто-нибудь другой, девочка Фомина произнесла слова: «Там (т. е. в остроге) будут резать, мучить, лучше в яму закопать-ся». В ответ на это ее мать Домна патетически сказала: «Хорошо ты, Пашенька, вздумала – и я с тобой». Затем о закапывании стала говорить Анюша, против чего Федор Ковалев первоначально сильно возражал и говорил жене, что не позволит этого. Наконец, около этого времени уже и сама старуха Ковалева находилась под неотразимым влиянием Виталии. Это видно из того, что, когда Ковалев, как сам о том рассказывал, первоначально возражал своей жене, протестуя против закапывания, и даже пожаловался на жену самой Виталии, а матери решительно сказал: «Лучше острог, чем яма», то его мать, после совещаний с Виталией, сказала ему: «Надо идти в яму, иди, сыночек: в тюрьме тебя станут резать, мучить, и ты откажешься от веры».

Народная перепись явилась тем внешним событием, тем подходящим предлогом, к которому стало приурочиваться существовавшее уже раньше душевное волнение. В это время выступили на сцену и ярко сказались исторические переживания. В терновских событиях нашего времени мы видим много общего с самосожиганиями, самоутоплениями и самоистреблениями, которые с особенной силой проявились в конце XVII и в XVIII веке в нашем отечестве, которые не скоро исчезли вполне и даже проявились в 1862 году. Терновские события составляют лишь одно из последних звеньев в этом своеобразном явлении, свойственном русскому народу.

Когда в декабре прошлого года счетчики народной переписи постучались в дверь терновского скита, то высунувшаяся рука передала им записку, которая носит яркий архаический характер и отличается всеми признаками исторического переживания. «Мы христиане, – говорилось в записке. – Нам нельзя никакого нового дела принимать, и мы не согласны по-новому записывать наше имя и отечество. Нам Христос есть за всех и отечество и имя. А ваш новый устав и метрика отчуждают от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество – Христос. Нам Господь глаголет «о святом Евангелии своем: Рече Господь своим учеником: – «всяк убо иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесах, а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз перед Отцем Моим, иже на небесех. Посему отвечаем мы вам вкратце и окончательно, что мы от истинного Господа нашего Иисуса Христа отвержения не хотим, и от Православной веры, и от Святой Соборной и Апостольской Церкви отступить не желаем, и что Святые Отцы святыми соборами приняли, – то и мы принимаем, а что Святые Отцы и Апостолы проклинали и отринули, то и мы проклинаем и отрекаем. А вашим новым законам повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умерети».

Почти такого же содержания грамота и точно так же была подана в оконце раскольниками, которые сожглись в 1736 году. То же читаем в письме, поданном сгоревшими раскольниками в 1723 году; наконец, те же чувства находим в основании единичных самоубийственных решений.

Наибольший психологический интерес представляют время и события, непосредственно предшествовавшие роковым решениям терновских сектантов. По рассказам Ковалева, Виталия и Поля Младшая давали совет «запоститься». Мысль же о закапывании в яму возникла, по его словам, впервые у его жены Анны, которую называли Анюшей. Дело происходило таким образом. Всего за несколько дней до рокового дня 23-го декабря, во время беспокойной ночи, проведенной в избе Фомина, обсуждался вопрос о возможной судьбе детей в случае ожидавшегося заключения взрослых в остроги. Так как предполагалось «запоститься в остроге», то некоторые выразили мысль, что, по смерти взрослых, дети будут крещены по православному. При этой вести Анюша, державшая на руках ре-

бенка, крепко прижала его и произнесла слова: «Не отдам ребенка на погибель; лучше пойду с ним в могилу». Об этих словах было немедленно доведено до сведения Виталии девочкой Фоминой (дочерью Назара Фомина), а впоследствии самим Ковалевым. Ковалев рассказывает, что Виталия, услышав про слова Анюши, вопреки его ожиданию – не только не выразила его жене порицания, но сказала:

«Это она хорошо придумала, это – пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будет спасение». И тут же Виталия строго сказала Ковалеву, что если он не согласится на Аннушкино решение, то на него упадет грех за три души (Ковалев понимал: за душу жены и двух детей). Эти слова сильно подействовали на Федора Ковалева, но еще более подействовали подобные же слова матери, с которой, как видно, Виталия немедленно переговорила. После этого колебания у Федора исчезли, и он пристал к решению жены. С этого времени мысль о могиле или, как выражается Ковалев, «о яме» овладела всеми. «В яму» – было всеобщим решением, в особенности в среде женщин. С этим временем, по словам Ковалева, совпадает необыкновенно напряженная и спешная деятельность Виталии. Она всех торопила, говоря: «Скорей, скорей», и стала принимать во всем не только распорядительное, но исполнительное участие, приготавливала погребальные принадлежности, приглашала к себе детей и женщин. Из рассказов старика Я. Я. рисуется внутренняя сторона событий, и выясняется, что события не были неожиданными, что исходным пунктом всех решений были обитательницы скита, в особенности Поля Младшая и Виталия. Они подготавливали события и, по всей вероятности, подсказали и самые решения чрез посредство женщин и детей-подростков; одно из этих решений, в минуту возбуждения, было высказано Анюшей среди большого общества. В таком именно смысле рисуется дело по тем данным, которые нам удалось получить из беседы со стариком Я. Я.

Некоторые восставали против мысли о закапывании, усматривая в этом замаскированное самоубийство: многие прямо говорили: «Это все равно, как наложить на себя руки»... «Как бы от одного греха уйти, да не попасть в другой». Для решения этих недоумений, по замечанию старика Я. Я., читали много старых книг и «великие были споры». В обсуждениях, которые велись в ските и

вне его, Виталия стала принимать чрезвычайно живое участие, и ею была высказана мысль, что «все, что делается для Бога, – не грех», и она вместе с Полей нашла в книгах будто бы подтверждение правильности такого мнения. После этого – наложить на себя руки для многих уже не казалось делом греховным. Таким образом, мысль о закапывании вышла, несомненно, из скита; и после борьбы и противодействия возымела, наконец, власть над умами обитателей хуторов. По-видимому, патетические слова Анюши были лишь случайным эпизодом в подготовленном Виталией плане. Но эти слова показали Виталии, что наступил час перейти от слов к делу. С этого именно момента и начинается та торопливая деятельность Виталии, о которой говорит Ковалев. Виталия, видимо, боялась упустить психологический момент и торопилась дать возможно быстрый ход делу. Она коварным образом приглашает к себе родную сестру свою Елизавету Денисову, из Николаева, под тем предлогом, что якобы она (Виталия) тяжело больна и желает проститься с сестрой. Отъезд Денисовой в терновские хутора был совершенно неожиданным для ее мужа, и для ее детей, и для родных. Как видно из рассказов Федора Ковалева, Виталия с приездом Денисовой быстро и решительно повели свое убийственное дело. Она вышла из своего скрытного состояния, всех заторопила – и общими усилиями у Денисовой, по-видимому совершенно не подготовленной, исторгнуто было согласие на закапывание вместе с другими, так что уже на следующий день по приезде Денисовой в хутора произошло закапывание. Сам Ковалев удивляется быстроте, с которой Денисова согласилась на закапывание. Очевидно, что настроение в хуторах до такой степени было сильно, что Денисова сразу подчинилась общему решению. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что Виталия звала к себе сестру с готовым намерением закопать ее вместе с другими. Не остается также сомнения и в том, что поспешный вызов Денисовой сделан был Виталией в тот именно момент, когда колебания хуторян были сломлены и когда уже две семьи – семья Фоминых и семья Федора Ковалева – изъявили согласие закопаться в яме. Ковалев настолько любил детей и свою Анюшу, что уже не колебался идти с ними в общую могилу, побуждаемый к тому и женой и собственной матерью. По-видимому, Денисова должна была послужить лептой или жертвенной данью со стороны Виталии на этом алтаре сочиненного ею безумного за-

мысла. Таким же жертвенным приношением со стороны Поли Младшей явился ее отец. И Виталия и Поля для успеха дела нашли необходимым дать каждая от себя по человеческой жертве. И в самом деле, из рассказа Федора Ковалева видно, что Виталия, решившаяся вызвать к себе сестру, с приездом ее сразу направила дело к исполнению и проявила в это время необычайную настойчивость и быстроту, которая удивила самого Ковалева. Она не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни перед какими средствами: она говорила, что и «антихрист пришел», что «конец мира наступит не то что через год-два, а может быть через два-три дня», что «тот, кто не захочет закопаться, делает пустой расчет на каких-нибудь два-три лишних дня жизни». Виталия приводила своими речами всех в совершенное отчаяние. По словам Ковалева, Виталия останавливалась на подробностях предстоящей страшной смерти, она не скрывала ее ужасов и говорила, что закопавшиеся «проживут от одного до трех дней, не более, но затем непосредственно перейдут в чертоги небесные». «Два-три дня мук, – говорила она, – ничто в сравнении с муками вечными». «Подумай, – поясняла она каждому, – можешь ли ты пересчитать дождевые капли; сколько капель в дожде, столько лет муки в аду; лучше два-три дня в яме, и – небесное царствие».

Ночь на 23 декабря проведена была намеченными жертвами в доме Назара Фомина. Сверх того, здесь была Виталия, Поля Младшая и монашка Таисия, известная под именем Таисии Рассейской, и слабоумный брат Ковалева, Дмитрий. В расстоянии нескольких аршин от дома, вдоль боковой стены его, идет тот погреб, который в эту ночь должен был сделаться человеческой могилой. С 7 или 8 часов вечера изба Фомина уже была наполнена людьми. Собравшиеся после церковной службы, пения, сопровождавшихся слезами, и взаимного прощания спустились в погреб и здесь общими усилиями началось приготовление могилы. Фомин, при участии Федора Ковалева и Кравцова, пробил отверстие в задней стене погреба, и затем все они трое с поспешностью начали рыть мину. Несколько часов длилась работа, и, наконец, была готова небольшая комнатка (мина) таких размеров, что человек вдоль и поперек ее мог свободно поместиться в лежачем положении; мина была пяти аршин длины, столько же ширины и более двух аршин высоты в средней части, – так как была сводообразной формы, и в средней

части ее человек мог стоять, почти не сгибаясь. Раньше, чем была окончательно готова импровизированная могила, из дома Фоминых некоторые из оставшихся там спустились в погреб, и здесь почти все, не исключая и Виталии, принимали участие в приготовлении могилы – кто рыл, кто убирал землю. Все были в большом волнении, и всех торопила Виталия. Перед роковым моментом все жертвы оделись в смертное платье. После общей похоронной службы, спетой всеми, первую вошла в приготовленную могилу Анюша с двумя детьми. Вопреки сведениям, сообщенным в газетах, что первым вошел Фомин, мы, со слов Ковалева, исправляем эту неточность: первой вошла именно Анюша, как вообще в этом беспремерном по своим ужасам событии женщины были впереди и направляли дело. Когда вошли все участники и готовился последним войти Федор Ковалев, уже в числе первых твердо решившийся умереть, то тут неожиданно возникло некоторое недоумение. Фомин, который должен был заложить мину свнутри, поколебался, боясь, как бы это действие не было равносильно наложению на себя рук: он усиленно, со слезами стал умолять Ковалева не входить в мину и заложить ее снаружи. Так как обстоятельство это вызвало неожиданную задержку, то Виталия дала распоряжение, чтобы Ковалев остался снаружи и закладывал мину. Таким образом, в мину вошли девять человек: Назар Фомин, лет 45, с женой Домной, 40 лет, и тринадцатилетней дочерью Прасковьей, – Евсей Кравцов, 18 лет, работник в доме Фомина, – Анюша Ковалева, 22 лет, с двумя дочерьми, 3 лет и грудной, – Елизавета Денисова, 35 лет, родная сестра Виталии, старик Скачков, лет около 70, отец Поли Младшей. Закрытие отверстия происходило быстро и с особенной торопливостью. Виталия, как простой рабочий, разбрасывала и утаптывала землю на дне погреба с целью скрыть следы совершившегося. Отверстие заложено было камнем на глине, и, по словам Ковалева, с некоторыми усилиями его можно было бы раскрыть. Но для большей верности дела мина была заложена двойной стенкой: именно, внутри выведена была Фоминым вторая стенка, так что кладка Ковалева и кладка Фомина прилегали одна к другой. Фомин и Ковалев работали одновременно.

Как только заложен был Ковалевым последний камень, он вместе с Виталией, Полей Младшей и монашкой Таисией быстро вышли из погреба, заперли его на замок и поспешно, почти бегом,

удалились. Два или три дня Ковалев и не приближался к этому месту. Теперь переходим к судьбе закопанных.

Слезы, молитвы, взаимные прощания и экстаз, в котором находились в последнюю ночь все решившиеся «закопаться в яме», были так велики, а торопливость, с которой шло все дело, была так необычна, что эти условия исключали для людей всякую возможность хотя бы на минуту остановиться и подумать о страшном будущем, которое скоро должно было для них наступить. Кроме Анюши Ковалевой и ее двух девочек – грудной и трехлетней, – в могилу вошли Назар Фомин с женой и тринадцатилетней дочерью Прасковьей, работник Фомина Кравцов, сестра Виталии Елизавета Денисова и старик Скачков, отец Поли Младшей. Все они вошли в яму с горящими свечами, книгами, иконами; кроме того, они захватили с собой мужской тулуп, чтобы было на чем положить детей и корыто, чтобы укачивать в нем грудного ребенка Ковалевой. Замуровавшиеся сидели со свечами и, вероятно, умерли раньше, чем погас последний огонь, судя по тому, что при открытии ямы в апреле найдено было, что крышка столика, на котором стояла свечка, оказалась значительно обгоревшей, – что могло случиться в ту пору, когда заключенные в могиле были мертвы или находились в агонии. Горение свечи в замкнутом пространстве могло еще продолжаться и в то время, когда человеческая жизнь уже была невозможна.

Сколько времени могли прожить оставленные всеми несчастные? Что они испытывали? Как умирали?

Грудной ребенок Анюши найден был у ее обнаженной груди, другая дочь ее была рядом. Три трупа взрослых мужчин найдены лежащими посредине пещеры. Старик – отец Поли – лежал головой в небольшом, вероятно им самим вырытом, углублении. Все эти трупы обращены были лицом вверх и были обсыпаны сверху и отчасти обложены землей. По мнению некоторых лиц, с которыми мы беседовали, земля положена была на головы и грудь этих трупов пережившими их товарищами по могиле. Мы думаем об этом иначе и выскажем наше мнение дальше. Труп Анюши, труп Денисовой, труп девицы Фоминой находились у самого заложеного отверстия. Очевидно, что в тяжкую минуту смерти эти более молодые субъекты теснились здесь, у свежезаделанного отверстия – у этого места, чрез которое они вошли и с которым могла связывать-

ся еще какая-нибудь, хотя малейшая, надежда на спасение. Судя по положению трупов, несчастные стояли здесь, пока их не оставили силы, и затем падали в беспорядке друг на друга и умирали. Субъекты постарше – мужчины и старик – очевидно, уже раньше оставили всякую надежду и ложились умирать, не подходя к отверстию. Они, как сказано выше, найдены лежащими в середине мины.

Едва ли нужно говорить о том, что смерть всех была ужасной. Можно сказать почти с уверенностью, что те, кто был постарше, умирали раньше, более молодые – после. Группа с Анюшей, найденная вблизи заложеного отверстия, вероятно, пережила других и, в ужасе близкой смерти, при виде умиравших и уже умерших, не отходила от отверстия, ожидая спасения и, быть может, тщетно призывая тех, кто уже был далеко.

Входившие в могилу, по-видимому, менее всего думали об ужасах медленной смерти от задушения; пока закладывали отверстие мины, они пели религиозные песни, но, когда Ковалев и другие ушли из погреба, – что было с заключенными в роковой яме – о том можно судить по тому положению, в котором найдены трупы три месяца спустя.

Одной из самых страшных перспектив, которую рисует себе человеческое воображение, это – смерть в замкнутом пространстве, и средневековые рассказы о людях, замурованных в нишах зданий, принадлежат к наиболее ужасным. В этих рассказах приводятся различные подробности и, между прочим, тот факт, что у заживо погребенных найдено было впоследствии разорванное платье, изгрызенные руки и т. под. Нам не нужно останавливаться на опровержении этих баснословных рассказов. Не так происходит смерть в подобных условиях, и не в таком положении найдены трупы несчастных, обречших себя на вольную смерть. Ни малейшей царапины не было найдено на трупах и никакого иного повреждения. Заключенные, по недостатку воздуха, мало-помалу задохались и, тяжело страдая, постепенно теряли силы. Жажда свежести и холода была, без сомнения, нестерпимой, и, вероятно, под влиянием ее несчастные страдальцы клали себе холодную землю на грудь и на лицо, чтобы хотя несколько освежить себя и облегчить свои муки. Этой же жаждой было вызвано и то, что старик Скачков, отец Поли, вырыл себе небольшое углубление в боковой стенке ямы и на

свежую, холодную землю этого углубления, умирая, положил свою голову.

Как долго могла продолжаться агония? Это было обусловлено размерами пространства, в котором находились девять человек. По приблизительному расчету кубической вместимости ямы местные врачи выразили мнение, что смерть наступила в промежуток времени от полутора часа до восьми часов.

Не лишена интереса та подробность, что положение трупов было самое беспорядочное, какое можно себе представить, – в самых разнообразных позах: одни лежали на других, скорченные, согнувшиеся. Все указывает, что смерть была тяжкая и что несчастные в агонии метались, ползали, двигали членами, пока в них не прекратилась жизнь.

<...>

Четыре дня спустя, именно в ночь на 27-е декабря, произошел новый ряд вольных смертей и смертоубийств. Внешняя сторона события состояла в следующем. Верстах в полутора от усадьбы Ковалевых и Фоминых находится усадьба Суховых. Здесь была сделана года два тому назад выемка земли под постройку дома. И вот эта выемка послужила местом для новой общей могилы. В одном из углов выемки начата была и выведена в горизонтальном направлении длинная, наподобие бутылки, мина. Рыли мину Сухов и Павлов. Они работали несколько часов ночью, и когда Ковалев с Виталией прибыли на это место – яма почти была готова. В эту яму готовились войти Сухов, его жена, их дочь Татьяна 7-ми лет и сын Максим 4-х лет и Павлов с двухлетней дочерью Александрой. Старушка мать Сухова, Виталия и Федор Ковалев все время присутствовали, пока заканчивалось рытье ямы. Виталия деятельно помогала, разбрасывая и утаптывая вынутую землю для сокрытия всяких следов. Как и при первом закапывании, готовившиеся войти в могилу простились с оставшимися и друг с другом, надели смертное платье и, напутствуемые Виталией, поодиночке проникли в яму. После повторного опроса Ковалева – готовы ли они умереть или, может быть, кто-либо выйдет из ямы – они твердо отвечали, что желают умереть. После этого Ковалев заложил вход и вместе с Виталией быстро направился в Ковалевскую усадьбу, в скит. Это случилось далеко за полночь, вероятно, около двух или трех часов

пополуночи, а начато было приготовление мины, как только стемнело и наступила ночь.

Что касается подробностей закапывания, личных свойств закопавшихся и психологической подкладки события, то нам удалось собрать следующие данные.

Яма, как уже было сказано, имела приблизительно форму длинногорлой бутылки, шейка которой имела два сужения и расширение между ними. Федор Ковалев, входивший в мину, где он протиснулся с Суховыми и Павловыми, следующим образом описывает устройство мины. Вход был сравнительно узок, и через него можно пройти только ползком. Проползши аршина два по узкому каналу, вступали в расширение, в котором можно было свободно сидеть, не нагибая головы; расширение это Ковалев называл сенцами. Из сенец вел дальше узкий и тесный ход в следующее – последнее, уже довольно просторное помещение, имевшее вид земляного погребца и настолько невысокое, что в нем можно было стоять, только наклонивши голову. Ковалев, входивший в это помещение в морозную ночь, рассказывает, что дышать было свободно, но отдавало сыростью. Когда он вышел наружу, то, как сказано было, после двойного опроса могильных узников он стал закладывать мину. Пока он закладывал мину, он слышал, как там молились и разговаривали. По-видимому, у Виталии или у кого-нибудь из других лиц существовали сомнения насчет прочности замуровки первой мины; поэтому для заделки этой мины были сделаны особые, исключительные приготовления, вполне обеспечивавшие заделку и исключавшие всякую возможность выхода. Быть может, это – плод предусмотрительности и решимости несчастных второй группы; но вероятнее, что это было делом Виталии, как мы заключаем о том из некоторых психологических соображений. В описанных сенцах мины Ковалев нашел большой, тяжелый камень и массу мелкого камня и свежей глины. С немалым трудом Ковалев, по указанию Виталии, вдвинул большой камень во второе горлышко мины; после чего оставалась незначительная работа – положить остальные камни. Заваливши камнями плотно отверстие, Ковалев, еще раз опросивши заключенных, стал забивать промежутки между камнями сырой глиной. Делал он это, как говорит, с той целью, чтобы дух не выходил оттуда и чтобы впоследствии по запаху никто не мог узнать, что здесь погребены люди. Затем заложены были

сенцы и, наконец, заложены были землей и утрамбованы наружная шейка мины и наружное выходное отверстие. Рассказавши изложенные сейчас подробности, Ковалев заметил, что из первой мины (в усадьбе Фомина) возможно было бы высвободиться, если бы того пожелали заключенные, но из этой мины выход был невозможен.

Смерть лиц, заключенных в эту мину, была одной из самых мучительных. После заделки отверстия мины жизнь заключенных могла продолжаться от 1 до 3 часов. В первой мине (в усадьбе Фомина) кирпичная стенка погреба, составлявшая вместе с тем одну из стен мины, еще допускала некоторую возможность вентиляции через свои поры: здесь входное отверстие было не только заложено, но и законопачено глиной, и всякий обмен газов был невозможен - в силу этого явления задушения должны были наступить быстрее и резче. Картина, которую представляли открытые трупы, была наиболее поразительной и ужасной в сравнении со всеми другими смертями этого рода в терновских хуторах. Описания врачей и других очевидцев, с которыми мы по этому предмету беседовали, полны потрясающих подробностей. Все трупы этой ямы составляли одну общую кучу, в которой человеческие тела были сплетены самым беспорядочным образом, согнутые, скорченные, одни на других.

Труп Сухова найден в полусидячей позе, с расставленными ногами и наклоненной головой и туловищем; у ног его лежал труп его жены, головой к нему, а трупы детей лежали на трупе матери, прислонившись к отцу. Очевидно, что среди быстро наступившего задушения могильные узники беспомощно ползали и метались, и жались к родителям, ища помощи в тяжких муках. Ни в этой могиле, ни в первой мине не найдено было ни одного трупа со спокойной позой, какая обыкновенно свойственна людям, умирающим от болезней естественной смертью. Напротив, все трупы до единого были в таких позах, которые свидетельствуют о предсмертных мучениях и судорогах, - что и естественно при насильственной смерти совершенно здоровых людей.

Все трупы этой мины, как и трупы, найденные в первой мине, одеты были в манатейках и кожаных поясах с четками в руках. Сверх того на мужчинах были круглые шапки, а на женщинах так называемые апостольники. Все были без обуви.

Что касается душевного состояния этой группы заживо погребенных, о нем можем сказать только немного. Наиболее симпатичным является Павлов, муж Настасьи, 26 лет. Как можно заключить из слов Настасьи, ее муж Иов был мягкого, доброго характера. Поддавшись общему течению, он долго уговаривал жену следовать за ним и, когда та не склонилась на его слова и просьбы, он вечером, в роковой день 26 декабря, взял с собой единственную дочь Александру и ушел с нею. Знала ли жена, куда ее зовет муж и куда он ушел, взявши крошечного ребенка? По этому вопросу мы имели разговор с вдовой Павлова – Настасьей, молодой женщиной лет 20-ти. Разговор приблизительно состоял в следующем. Настасья с грудным ребенком на руках, который родился уже после смерти мужа, на предложенный вопрос – «жалее ли об умерших муже и ребенке» – рассказала, что не может забыть о них, что она просила и умаливала мужа не идти туда, но муж, в свою очередь, просил, умолял и требовал, чтобы она следовала за ним. По этому поводу между супругами происходили долгие, часто горячие разговоры, в результате которых каждая сторона осталась при своем. В тот вечер, как муж с девочкой ушел «неизвестно куда», Настасья ушла к своей матери. На вопрос, куда муж звал ее, она отвечала: «Не говорил куда, сказал только: «Пойдем со мной, там узнаешь». Между супругами были также горячие разговоры о их дочери, и Павлов тайком взял дочь и ушел. На вопрос, прощался ли муж с ней, уходя, – она отвечала: «Вестимо, прощался, как не прощался».

– Но так ли прощался, как прощаются перед смертью? – Настасья отвечала, что она «не знала, что муж идет на смерть».

– Да он-то знал, что прощается в последний раз, и, должно быть, прощался, как перед смертью.

Настасья на это отвечала только грустной улыбкой.

Из рассказа Ковалева видно, что в ту пору, когда Павлов со своим двухлетним ребенком на руках входил в яму, он вспомнил о жене и произнес слова: «Эх, мне-то трудно, а ей – женское дело – и того труднее».

Для нас осталось неясным, под чьим непосредственным влиянием молодой Павлов решился закопаться. По всей вероятности, это произошло при посредстве семейства Суховых, которые закопались в этой же яме.

Остается не вполне ясным, что собственно спасло Настасью и как случилось, что она не последовала за мужем, так как Павлов пред тем, как уйти, раздарил свое имущество. Быть может, беременность Павловой и ожидание близкого разрешения послужили мотивом спасения ее.

Старуха Сухова, постоянная жительница скита, по всей вероятности, уговорила как свою невестку, Прасковью Сухову, так и своего сына Матвея – закопаться. Об этом с большой вероятностью можно судить по тому, что старуха Сухова вместе с Виталией присутствовала при рытье могилы и при ее заделке.

Большую психологическую важность имеет вопрос о том, знала ли вторая партия закапывавшихся, что они – уже не первые, что раньше их закопались другие. На этот вопрос можно дать положительный ответ, что это им было неизвестно. Виталия и ее демонические сотрудницы держали все дело в большой тайне, и Виталия религиозными угрозами и клятвами взяла слово с Ковалева никому не говорить о том, чему он был свидетелем. Ковалев держал данное ей обещание, и, как показало затем следствие, от него трудно было добиться истины из-за его сдержанности. Но здесь, в торжественную и страшную минуту, участником которой он был, из уст его вырвалось невольное признание. Когда большой камень уложен был им в горло мины и через минуту Ковалеву предстояло проститься с теми, кого уже навсегда этот камень отделял от людей, Ковалев торжественно сказал: «Прощайте, кланяйтесь там нашим, поклонитесь Анюте». И только теперь, из обмена несколькими словами, оказалось, что вторая партия ничего не знала о первой. Тогда Ковалев кратко передал весть о девяти закопанных. Эта передача не казалась Ковалеву нарушением тайны, так как переход его собеседников в иной мир был делом бесповоротно решенным, почти уже совершившимся.

О том, что пятнадцать человек закопались живьем, – никто не знал за пределами терновских хуторов, но и в терновских хуторах страшная тайна хранилась строго, и вторая партия жертв шла в могилу, не зная о первой. Тайна была известна немногим и до поры до времени не была никем разглашена. Тем не менее местные власти нашли необходимым 5-го февраля подвергнуть аресту Виталию и с ней шесть других лиц. Арест был вызван тем обстоятельством, что эти лица во время народной переписи отказались дать о себе

сведения; в силу этого они привлекались к ответственности за беспаспортность и были подвергнуты предварительному аресту. Поведение арестованных уже с первой минуты было необычно и нелепо наводило на серьезные подозрения.

При первом допросе арестованные обнаружили явные признаки значительного возбужденного состояния. Они, в особенности женщины, употребляли столь резкий, страстный тон речей, такой вызывающий образ действий, что обстоятельство это не могло не обратить на себя внимание. Возбужденное состояние в особенности наглядно проявилось в том, что женщины завели спор между собой, и одна из них, именно Авдотья Ковалева, по самому незначительному поводу в резких и страстных формах сделала замечание Виталии, хотя поведение последней нисколько не оправдывало такого несдержанного отношения к ней. Поведение арестованных в тюрьме продолжало быть еще в более резкой степени таким же загадочным, каким оно показалось вначале. По наблюдению начальника тюремного замка, заключенные вели себя настолько странно, что положительно вселяли подозрение в приготовлении себя к смерти. Такое их поведение, главным образом, выражалось в том, что все они отказались от пищи и питья, и с 5-го по 9-е число февраля никто из них абсолютно ничего не ел и капли воды не пил, говоря, что кормить их не обязаны ни правительство, ни частные лица и что по своим религиозным убеждениям они могут принимать только ту пищу, которую сами зарабатывают личным честным трудом, и поэтому они и впредь не будут ни пить, ни есть. Первый день заключения в тюрьме все они непрерывно молились, произнося шепотом какие-то молитвы, стоя большею частью на коленях, и, дойдя до изнурения, легли и уснули. На другой и в остальные дни они постепенно все меньше и меньше молились, очевидно вследствие чрезмерного физического изнурения, дошедшего до того, что все они едва могли стоять на ногах, причем две женщины и старик, не будучи более в силах стоять, опустились на пол. С этим стариком случилось следующее обстоятельство. Когда по распоряжению тюремного начальства заключенным предложены были фрукты – кажется, апельсины, – то старик, мучимый жаждой, схватил апельсин так быстро и так жадно съел, что его не могли остановить и удержать товарищи – сектанты. После этого они начали осыпать его угрозами и снова проявили большую возбужденность. Ввиду

этого тюремное начальство распорядилось переодеть их в арестантскую форму. Переодетые в казенное белье и арестантскую одежду, они настойчиво просили начальника тюрьмы выдать им в камеру посмертную их одежду, отобранную у них вместе с прочими их собственными вещами; когда же им в этом было отказано, они умоляли начальника тюрьмы, чтобы, в случае их смерти в тюрьме, они были похоронены не в казенном белье, а в их собственном одеянии, приготовленном ими исключительно для облачения после смерти. 9-го февраля они обратились к начальнику тюрьмы с просьбой раздать всю их одежду, кроме посмертного одеяния, заключенным в тюрьме, так как они уже, кроме посмертной одежды, ни в чем больше не нуждаются. Ввиду их решимости умереть в тюрьме с голоду, эти сектанты 9-го февраля, по распоряжению товарища прокурора окружного суда, были из тюрьмы освобождены и отданы под домашний арест в дом той самой Александры Ковалевой, у которой они были задержаны.

Более желателен был бы перевод всех арестованных в психиатрическую лечебницу на испытание и лечение, ввиду того, что отказ от пищи и попытка на самоубийство вообще требуют помещения в лечебницу. Без сомнения, в лечебном заведении той или иной категории жизнь арестантов была бы сохранена, возбужденное состояние их было бы успокоено, и они могли бы дать показания врачам и следователям при больничной обстановке. Эти показания, вероятно, послужили бы высокоценным материалом для разъяснения беспримерных бытовых явлений русской жизни. Но теперь, со смертью Виталии и Поли, ключ к разъяснению этих явлений безвозвратно потерян. Об этом можно скорбеть тою скорбью, какую испытал бы историк, если бы был утрачен какой-нибудь ценный пергамент, какой-нибудь не вскрытый документ, какой-нибудь *unicum*. Таковыми именно являются погибшие сектанты. Но прежде всего и более всего нельзя не горевать о том, что люди больные и ненормальные, требовавшие опеки и попечения, были лишены ее и отданы под надзор полиции. Вполне естественным последствием этого явилось то обстоятельство, что все эти люди погибли насильственной смертью. Искусство и меры полиции бессильны были охранить жизнь там, где для этого требуются искусство и попечение врачебное.

<...>

Дальнейшее течение событий было следующее. После первых закапывании, 23-го и 27-го декабря, наступила пауза, прошел благополучно месяц без новых жертв. Несмотря на проповедь Виталии, новые жертвы не являлись так скоро, как первые жертвы. Из рассказа старика Я. Я. оказывается, что проповедь Виталии и Поли Младшей не слабела, но результаты ее ограничивались тем, что являлись лица, готовые запоститься, но уже не было, по-видимому, желающих подвергнуть себя такому страшному способу самоубийства как закапывание живьем. В течение января месяца в скиту и у некоторых лиц вне скита самоистязание ограничивалось скудной диетой. Жильцы скита получали мало пищи и меньше обыкновенного кваса, но никого не лишали питания совсем. Виталия лишь предлагала чрез Полю Младшую и других лиц своего штата советы есть хлеб и квас или только квас и яблоки, и, согласно заявлению жильца, отпускалась соответственная порция. С возвращением Виталии из-под ареста в положении дел происходит заметное ухудшение. Некоторым жильцам скита в некоторые дни совсем переставали давать порцию, другим уменьшали и начали предъявлять более строгие требования режима. Когда в начале февраля произведены были аресты за беспаспортность, то некоторые из беспаспортных и уклонившихся от записи не были арестованы или, как говорит Федор Ковалев, были забракованы из-за своей дряхлости или болезни, как, например, Поля Старшая и, если нам не изменяет память, Виктория и Сухова. Хотя эти три старухи не были арестованы, но они находились в крайнем нервном возбуждении и беспокойстве: они неотступно просили Ковалева: «Найди нам место и закопай нас». В таком же состоянии находилась и девица Авдотья Ковалева (сестра Федора). Она возвратилась из-под ареста в состоянии крайнего изнеможения вследствие того, что, находясь под арестом, она оставалась безусловно без пищи и питья и даже не утоляла своей жажды снегом, как делали ее другие товарищи по аресту; она не могла ходить, шаталась и падала в обморок, как только вставала. Она проводила свое время молча, в сидячем положении, согнувшись и прислонившись, и безропотно страдала; ее вид возбуждал безграничную жалость, как можно заключить из рассказов Ковалева.

Как только арестованные возвратились из тюрьмы, три старушки, остававшиеся дома («забракованные»), т. е. Сухова, Поля

Старшая и Виктория Рассейская, стали усиленно просить Ковалева (как уже мы упоминали) закопать их. Они невыразимо тревожились, были в непрерывном страхе и постоянно говорили: «Нас заберут в острог и запишут», Успокоить их было невозможно, они не оставляли Федора Ковалева со своими умаливаниями – закопать их.

Здесь естественным является вопрос, откуда старушки узнали о закапываниях? Об этом им могла сказать старуха Сухова, которая была сама свидетельницей и участницей в закапывании всего семейства ее сына. Но вместе с тем, по словам Федора Ковалева, в это время уже повсюду, и в терновских хуторах и далеко за их пределами, как в колокола звонили, – рассказывали о совершившихся закапываниях, и в этом смысле посторонние люди предлагали жителям терновских хуторов пытливые вопросы. По мнению Федора Ковалева, тайна закапывания была разглашена Таисией Рассейской, так как Таисия была очень неосторожна и невоздержана в речах. Таисия же, как было уже нами сказано, была свидетельницей первого закапывания.

Живо переданный нам Федором Ковалевым разговор его со старушками нам удалось записать отчасти почти стенографически, отчасти по свежим воспоминаниям.

– Все три просили меня: – «Найди для нас место, закопай нас, открой яму, где Назар» (т. е. где был закопан Назар Фомин).

– Нельзя туда, где Назар: как вы будете лазить, топтаться по них? И там негде сидеть, там нету места. Куда вы их уберете?

– Ну, сбоку выкопай другую мину.

Всю неделю старухи неотступно просили, но Ковалев все не соглашался. Но с возвращением Виталии из острога старушки снова окружили Ковалева своими просьбами.

– Скорей выпроваживай извощиков (т. е. извощиков, которые привезли арестованных – Виталию и других – из тюрьмы).

– Выпроваживай извощиков и шукай для нас место, вези нас в скалу; там темно в пещере, там в пустоте мы умрем.

– Но вы кашляете, не удержитесь от кашля, и вас сейчас найдут.

Наутро старухи снова стали просить Ковалева все о том же. Тут к ним присоединилась и Виталия. Она сказала:

– Сотвори ты милость, сотвори любовь, что ты за каменный: они схимницы и кланяются тебе, недостойному, в ноги.

Ковалев, уже чувствовавший великую тяжесть на душе от первых закапывании, старался, по возможности, отклонить от себя новую тяжелую миссию.

– Матушка, – говорил он Виталии, – теперь уже нету переписи, как бы греха не было?

Но Виталия и Поля Младшая на это страстно воскликнули: – «Господи! спроси грех на нас».

– Ну, благословите, – сказал после этого Ковалев Виталии. «Пойду». И решился идти в усадьбу Горзина (в версте от усадьбы Ковалевых). В это время во всей усадьбе не было других лиц, кроме самой Горзиной, так что, по соображениям Ковалева, в этой усадьбе можно было рассчитывать провести несколько часов, не рискуя встретить свидетелей.

В 8–м часу вечера, когда едва начинало темнеть, 12–го февраля, Ковалев вместе с тремя старухами и Виталией направился в усадьбу Горзина. В это время ему случилось проходить мимо сестры Авдотьи, которая сидела с поникшей головой. Она, не подымая головы, дернула Федора за платье и тихо, еле слышным голосом, сказала:

– Копай на четырех.

– Что ты, сестра! да ты совсем слабая, и без того сейчас помрешь. Авдотья стала плакать.

– Для чужих стараешься, – сказала она, – а для сестры не хочешь.

Виталия вмешалась в дело и сказала:

– Греха нет, копай и для нее.

Все отправились в усадьбу Горзина. Виталия шла впереди с тремя старушками: Суховой, Полей Старшей и Викторией Рассейской; за ними шел Ковалев. А Авдотья Ковалева с трудом двигалась и постоянно отставала, так как была крайне слаба. Пришли на место.

Уже раньше Ковалев, обдумывая место, где можно бы закопать, не находил таких укромных углов в усадьбе Горзина, где можно было бы вывести мину вроде первых двух; и объяснил своим спутницам, что их можно закопать только в простой яме, если они на это согласны. Те на все соглашались.

Когда место было выбрано, Ковалев начал копать яму, а «они пятеро», говорит Ковалев, «сидели тут же рядом». Авдотья, еле живая, безжизненная, сидела и смотрела тупо, безучастно, как брат измерил место и начал работу. Ковалев отмерил в ширину столько места, «как на двух», и стал копать вглубь, постепенно расширяя могилу. Приготовление ямы потребовало около 6-ти часов времени, и только за полночь могила была готова. Она представляла собой обыкновенную могилу, какую роют для покойников, с той разницей, что сверху она была «вроде как на двух», а внизу «как на четырех». Такую форму Ковалев придал могиле с той целью, чтобы облегчить себе труд выемки земли. Глубина могилы была почти в рост его самого. Когда могила была готова, они переоделись в смертные платья. После этого Ковалев, стоя в могиле, принял сестру, как ребенка, на руки и спустил ее в могилу, так как она была крайне слаба, чтобы сойти самой. После этого Ковалев вылез из ямы и, подавая руку остальным, помогал им спрыгнуть вниз. Все четверо улеглись на бок, рядышком, плотно прижавшись одна к другой. Ковалев немедленно стал засыпать яму землей. По его словам, он кидал землю на ноги и затем на туловище лежавших в могиле; и, по временам приостанавливаясь, слышал, как они шептались между собой: «Прости, прости». Ковалев избегал бросать землю на лицо и на тело, чтобы не причинять ударов, и направлял комки бросаемой земли по стенкам могилы, от которых земля отражалась, разбиваясь в мелкие комья. Прежде чем забросать землей голову и лицо, он приостановился и стал слушать, не слышно ли разговора и не пожелают ли встать из могилы; но к удивлению заметил, что уже не слышно ни разговора, ни движения. Тогда он быстро бросил несколько полных лопат земли, которая закрыла головы. После этого Виталия велела ему утаптывать землю; и он, потоптавшись в могиле, начинал снова забрасывать ее землей, снова топтался, снова бросал землю, пока не дошел до уровня почвы. Остальная земля была разбросана им и Виталией, и все сровнено с землей. После этого он и Виталия направились в ковалевскую усадьбу и вернулись туда уже на рассвете, после четырех часов полуночи.

Смерть четырех заживо засыпанных землей лиц должна была произойти быстро и наступила непосредственно вслед за прикрытием лица землей. О быстрой смерти свидетельствует вид трупов, в

каком они выкопаны из земли, именно: сильно выпученные глаза, опухший высунутый язык, синий цвет лица и проч. Этих признаков не было на трупах из первых двух мин, где смерть происходила гораздо медленнее.

<...>

С возвращением Виталии и других из-под ареста 9 февраля нравственная атмосфера в терновских хуторах существенно переменялась, и это ясно сказалось при закапывании третьей группы сектантов – что произошло 12-го февраля. И настроение лиц, которые шли на смерть, и обстановка смерти резко отличались от того, что мы видим при первых двух закапываниях (23 и 27 декабря). Протекшие с того времени полтора месяца произвели перемену в общем настроении сектантов и, по всей вероятности, и во взглядах их на события. Можно сказать, что уже заметна была и сказалась глубокая реакция против отвратительных человекоубийственных действий, которые были внушены мирному населению хуторов кружком фанатических затворниц. Федор Ковалев, беспрекословно зарывавший первую и вторую группы и чувствовавший себя при этом как человек, совершающий священнодействие, – теперь согласился на зарытие третьей группы только после продолжительных просьб зарывавшихся старушек, после неотступных настаиваний их и после особых просьб самой Виталии, которая притом должна была дать, по его требованию, торжественное заявление, что она берет на себя грех этого дела. В самом скиту только один человек, слабый старик, согласно требованию Виталии запостился по выходе из тюрьмы, но все другие не отказывались вполне от еды и принимали пищу, хотя в ограниченном количестве, но в правильные промежутки. Из лиц, живших вне скита, т. е. из мирян, только Авдотья Ковалева оставалась абсолютно без еды, все же другие принимали пищу. Не остается сомнения, что склонность к самоистреблению значительно ослабела, и даже на заморение себя голодом почти не находилось желающих. Сам Федор Ковалев не только возлагал ответственность за закапывание на Виталию, но и пытался возражать ей, высказывая суждение: «Матушка, нынче уже нету переписи, как бы греха не было». Самозакапывание трех старушек и с ними Авдотьи Ковалевой носит совершенно иной характер, чем первые два закапывания. Там не было страха, там был экстаз, люди находились в умилении, не были лишены способности

выражать свои чувства, беседовали, молились, плакали, радовались, были одушевлены чувствами возбуждающего характера. Здесь было противоположное душевное состояние. Три старушки и Авдотья Ковалева находились под постоянными гнетущими чувствами: у них были печаль и отчаяние, и это ясно сказалось в последнюю минуту, когда они четверо сидели тупо, молча несколько часов, пока на их глазах готовилась для них могила.

Не подлежит сомнению, что в Виталии начиналась реакция против того безумного фанатического дела, виновницей которого она стала. Уже резкое замечание, которое ей сделала Авдотья Ковалева в первый день ареста, когда она укоряла Виталию как бы в измене прежним ее убеждениям, показывает, что в ту пору Виталия уже сознавала необходимость отступления назад и, сообразно этому, изменяла тон своих речей и образ действий, – что и ввело Авдотью Ковалеву в заблуждение. Существенная перемена, которую мы видим в душевном состоянии и деятельности Виталии, состояла в том, что она начинает принимать меньшее участие в делах и, видимо, начинает испытывать страх. Она уже не заботится о новых делах, но, главным образом, думает о ликвидации старых и всего более заботится о сохранении в тайне того, что уже произошло. Она закликает Ковалева никому не выдавать тайны дел, в которые он посвящен, ни под каким видом не показывать мест, где произошли закапывания; она употребляет заклинания и религиозные угрозы за нарушение этой тайны. Страх и упадок духа Виталии в особенности заметен в том, что, как увидим ниже, она гораздо меньше руководила событиями и сама подчинилась их случайному течению: самое закапывание третьей группы является далеко не делом Виталии, а состоялось по естественному ходу вещей. Наконец, Виталия, как бы в противоположность тому, что проповедовала и чего требовала от других, начала втайне отступать на деле от своих собственных убеждений. Требуя от всех поста, умеряя и уменьшая порции у скитников, сама она, по-видимому, употребляла пищу не в самых скудных размерах, судя по тому, что ее труп найден не очень исхудалым, а в ее желудке и кишках при вскрытии найдены остатки пищи, тогда как у других лиц, вместе с нею закопавшихся, в желудках не найдено никаких остатков пищи.

По-видимому, главнейшим условием, поколебавшим веру и фанатизм Виталии, была начавшаяся реакция против самоистреб-

ления; но еще большее влияние произвел начинавшийся общественный суд, сказавшийся в стоустой молве. В народе слышались проклятия и ужас против закапывания, о которых, как говорил Ковалев, повсюду рассказывали как в колокола звонили. Еще не было раскрыто дело, еще не были найдены могилы, но общий говор о страшных терновских событиях уже стоял в воздухе, и виновница этих событий уже чувствовала на себе всю тяжесть приговора народной совести. Упадок духа Виталии очевиден, и ее самоубийство является событием, вытекавшим из страха и отчаяния. Это вовсе не был торжественный акт, каким было первое закапывание, это было суетливое бегство растерянной души с лица земли.

События между 12-м и 28-м февраля, т. е. от времени закапывания третьей группы до закапывания Виталии, носят на себе характеристический отпечаток случайности и отсутствия руководящего начала. Как можно заключить из рассказов Федора Ковалева и старика Я. Я., у Виталии не было определенного плана, и она предписывала только пост, но сама, как мы видели, не вполне строго следовала этому режиму. Состояние общего упадка духа и общего гнета овладело всеми. Но в особенности это состояние сказалося на старухе Ковалевой. Быть может, во всех терновских событиях никто больше ее не пострадал душою. Она потеряла все, что было самого дорогого – свою наиболее даровитую и наиболее мягкую и симпатичную дочь, Авдотью, потеряла горячо любимую невестку и двух внучат, потеряла в числе закопанных много других лиц, более или менее близких родных. Оставшиеся в живых не могли дать ей утешения в страшных потерях. Но в особенности она страдала при виде Федора Ковалева, который из веселого семьянина, окруженного молодой жизнью, сделался полузатворником, полумонахом, перешел на житье в скит и при свиданиях с матерью приводил ее в отчаяние своим тупым видом и страданиями, которые он начинал чувствовать и о которых первая узнала мать. Но более всего на старухе Ковалевой отражался гнет того факта, что она являлась главным ответственным лицом за все случившееся, как старшая в семье, как хозяйка дома, с согласия которой совершились все события; так как Виталия, хотя распоряжалась всем самовластно, обо всем, однако же, сообщала старухе Ковалевой, видимо, желая подкрепить себя ее авторитетом и ответственностью. «Тетиньке» – как называла Виталия старуху Ковалеву – обо

всем докладывалось, на все спрашивался якобы ее совет. Самая решимость колебавшегося Федора Ковалева закопаться в первой группе состоялась, главным образом, под нравственным давлением матери. Таким образом, старуха Ковалева в своей душе носила всю тяжесть совершившихся событий. Нравственный гнет, который она испытывала, был тем более тяжел, что вся ее жизнь прошла честно, добродетельно, в любви к людям и к своим близким, и ничто не предвещало ей такой страшной старости...

Как можно судить по рассказам Федора Ковалева, душевное состояние его матери было чрезвычайно тяжелое, и это резко отразилось на ее внешних чертах. Ее лицо потемнело, глаза впали, черты лица опустились, и весь корпус ее согнулся вперед и вбок: она представляла самый жалкий вид. Она стала молчаливой и проводила время в своем крошечном флигельке вблизи скита, где она постоянно находилась в обществе своего сына Дмитрия. Этого Дмитрия одни считали полуумным, другие называли его глухонемым. Он жил в передней того помещения, которое занимала Ковалева. Угол, в котором жил Дмитрий, представлял собой крошечное пространство без света, отделенное от остальной комнаты простой соломой, связанной в снопики. Помещение это ничем не отличалось от логовища животного. Здесь жил психически больной Дмитрий, и своим тупым и молчаливым видом не мог дать матери других впечатлений, кроме самых тягостных. Но старуха Ковалева не разлучалась с ним; и он был единственный близкий человек, так как Федор в тоске, уже овладевшей им, избегал общества даже матери и проводил время в скиту.

Независимо от тяжелых нравственных чувств, которые переживала старуха Ковалева, ее сильно тревожила все расширявшаяся и росшая молва о закапываниях. Под влиянием этой молвы – быть может, и по другим соображениям – некоторые из чинов полиции предлагали Ковалевой не то требование, не то добрый житейский совет, чтобы она дала запись живущих у нее неизвестных лиц или хотя временно выпроводила бы их от себя, пока стихнет народный говор.

– Ты запиши их – «Галька», «Манька» или как угодно, – говорили советники, – и пусть себе живут, как жили раньше, – никто вас не тронет (так рассказывает про это Федор Ковалев).

Сношения с властями, никогда раньше не пугавшие Ковалеву, как женщину всем известную и безукоризненную по своей репутации, – теперь ее уже сильно беспокоили ввиду возможности раскрытия страшной тайны, сохранение которой становилось изо дня в день все менее и менее вероятным.

С психологической точки зрения является трудно понятным факт, почему в это именно время Виталия все свое влияние сосредоточила на старухе Ковалевой и, оставивши без внимания других, остановилась именно на ней, запугивала ее и непрерывно твердила: «Ты пропадешь без меня, тебя враг уловит хитростью». Эти и подобного рода выражения, по словам Федора Ковалева, постоянно слышались в беседах Виталии с его матерью. Судя по многим данным, собранным нами, необходимо заключить, что Виталия в это время уже имела в виду лишение себя жизни и всю силу своего характера употребляла на то, чтобы склонить старуху Ковалеву на совместную с собою смерть; о других лицах Виталия заботилась меньше, но равным образом имела положительное намерение, как увидим ниже, вовлечь и их в мрачную драму общей гибели. Мы, называли раньше это стремление Виталии трудно понятным с психологической точки зрения, и оно в самом деле не перестает быть таким, несмотря на все усилия проникнуть в его смысл. Повидимому, эта психологическая загадка должна, быть или может быть объяснена таким образом, что Виталия не хотела смерти, боялась ее и избегала: посылая других на смерть, в могильные ямы, сама она предполагала оставаться в живых. Она смело истребляла людей, думая, что этим путем спасает их, хотя в то же время решительно не имела в виду применять к самой себе подобное средство спасения. Но, кажется, гораздо вероятнее, что, широко жертвуя человеческими жизнями, Виталия думала не столько о спасении людей, сколько о торжестве дела, которому служила и которому отдавалась. Но, когда обстоятельства и неумолимая логика вещей стали изрекать свое грозное судное слово, когда реакция и ропот сказались в среде, прежде ей беспрекословно повиновавшейся, когда страх уголовной ответственности чуялся в воздухе, – Виталия пришла к мысли о неизбежности самоубийства, и, ужасаясь самой мысли быть одной, она с решительностью и изобретательностью, свойственной ее характеру, составила план самоубийства, обставленный всем ореолом того положения, которым она пользовалась в

скиту и в среде населения терновских хуторов. Это было одно из тех беспощадных и холодных решений, на которые способна была эта женщина, не чувствовавшая до поры до времени страха перед самыми страшными вещами.

Стремление Виталии во что бы то ни стало привлечь Ковалева к самоубийству – не подлежит сомнению, судя по рассказам Федора Ковалева и старика Я. Я. Для этого она пользовалась всем и не упускала ни одного случая. Так, когда Ковалевой со стороны полиции дан был совет записать жильцов хоть вымышленными именами, то Виталия тотчас воспользовалась этим случаем, говоря, что «враг хочет хитростью обойти ее, хитрым крючком захватить ее», и при этом добавила, что без нее Ковалева «попадет в расставленные врагом сети», что ввиду этого должна жить и умереть вместе с нею. Состояние Ковалевой было таково, что, независимо от тяготевшего над нею авторитета Виталии, к самоубийству ее могли побудить тоска и отчаяние, вызванные всем совершившимся, и готовый пример многих предшествовавших смертей. По-видимому, никто так долго не сопротивлялся мысли о самоубийстве, как старуха Ковалева. Это видно из того, что убеждения Виталии, склонявшей Ковалева, были многочисленны и продолжительны, как это видно из слов Ковалева. Ускорило развязку обстоятельство случайное, но и крайне характерное. Деятелем в заключительной фазе терновской драмы явился слабоумный Дмитрий Ковалев.

Как мы уже упоминали выше, о болезненном состоянии Ковалева существовали различные мнения: одни считали его глухонемым, другие полуумным. Хотя его называли глухонемым, однако же не подлежит сомнению, что он обладал слухом, ибо, по словам Федора, он по временам очень хорошо слышал. С другой стороны, Дмитрий Ковалев не был и немым, так как, хотя вообще он был молчалив и иногда по целым дням и неделям ничего не говорил, однако же по временам говорил очень ясно и отчетливо. Наконец, еще одной чертой, свойственной Дмитрию, была его крайняя возбужденность, наступавшая по временам и заставлявшая даже брать его на цепь. Тот, кто знаком с психическими болезнями, не затруднится на основании приведенных фактов распознать в Дмитрии Ковалеве больного, страдающего идиотизмом. Больные этого рода мало или вовсе не говорят, вследствие слабости мыслительных процессов; но в лихорадочном жару, а также в возбужденном со-

стоянии они вдруг начинают хорошо говорить и проявляют умственные способности, превышающие обычную, повседневную норму их ума. Таков был именно Дмитрий Ковалев, как в том мы убедились из расспросов о нем брата его Федора. Хотя Дмитрий Ковалев присутствовал при первом закапывании, но, по-видимому, потрясающая сцена не оставила на нем никакого впечатления. Равным образом на нем, казалось, не отразились и все другие события, свидетелем которых он был. Так как его присутствие обыкновенно никого не стесняло, то от него, как и от ребенка, не держали никаких секретов. Однако же исключительные события отразились и в его тупой голове, и вот однажды он, совершенно неожиданно для всех, произнес патетический монолог, который поразил мать, но в особенности поразил Федора. Дело состояло в следующем. Дмитрий стал в позу и страстно заговорил:

– Мать, что ты все вот так, да так?

При этих словах Дмитрий не без искусства скопировал согнутую несчастную фигуру своей матери.

– Что ты журишься, – продолжал он, – плюнь на все, а там, – при этом он указал на небо, – там будет тебе хорошо.

Сцена эта произвела большое впечатление на старуху Ковалеву. Она произвела также сильное впечатление и на Федора Ковалева и, быть может, заставила колебавшегося Федора взять на себя предстоявшую ему страшную роль – закопать мать. До какой степени описанная сцена имела влияние на Федора Ковалева, можно заключить из того, что во время свидания нашего с Ковалевым 28-го июня Ковалев, ныне уже почти освободившийся от тумана, которым он был окутан, все еще выражал изумление перед описанной сценой с его братом, и даже до некоторой степени был того мнения – не говорил ли его брат по внушению свыше, и в этом смысле даже предложил нам вопрос. Но в ту пору, когда сама сцена произошла, Федор Ковалев принял ее за небесное откровение.

Виталия воспользовалась словами Дмитрия Ковалева и склонила старуху, его мать, умереть вместе с нею, еще раз подтвердивши: «Ты без меня пропадешь».

Каким образом склонены были к общей смерти другие участники, об этом мы не имеем сведений, но некоторые высоко интересные сообщения по этому вопросу получены нами от старика Я. Я. Это прежде всего касается вопроса о способе самоубийства.

По-видимому, Виталия страшилась всех других видов смерти, кроме медленной смерти от голода. По освобождении ее из-под ареста 9-го февраля она, кажется, остановилась на мысли о лишении жизни путем голодания. В этом направлении дело и поведено было первоначально. По словам старика Я. Я., порции обитателей скита были значительно сокращены, а тем, кто изъявлял на то согласие, вовсе не давались ни пища, ни питье, как, например, старику, который был в числе арестованных и по выходе из тюрьмы не принимал пищи и скоро умер. Но, по-видимому, голодание было слишком тяжело для Виталии, и хотя она привыкла к постной и умеренной пище, но полный отказ от пищи и медленная смерть от голода были для нее нестерпимы, и она употребляла пищу, как показало вскрытие ее тела. Но затем неожиданно и решительно у нее родился другой план, именно смерть через закапывание в очень тесном пространстве. Быть может, быстрая смерть Авдотьи Ковалевой и трех старушек, свидетелем чего Виталия была, остановила ее мысль на этом способе, тем более что смерть от закапывания в минах, по ее мнению, могла быть слишком продолжительной, судя по тому, что первой группе закопавшихся она указывала трехдневный срок мучений, а она, без сомнения, с целью успокоения и ободрения, наверно показала возможно краткий срок. Можно предположить, что в действительности она считала этот срок более продолжительным, и ее воображение сразу отвернулось от перспективы столь продолжительных мук. Таким образом, она остановилась на мысли о закапывании в очень тесном пространстве. Этот способ являлся средним между закапыванием в просторных минах первой и второй партии и закапыванием живьем третьей партии. Она была свидетельницей этого последнего вида смерти и, при всей ее холодности, не могла не ужаснуться мысли о подобной смерти для нее самой.

Когда Виталия остановилась на способе смерти, она прямо и открыто объявила жильцам скита о состоявшемся решении. Уверенность ее в согласии всех была так полна, что назначен был срок, именно ночь на 21-е февраля, для исполнения. К удивлению своему, Виталия встретила неожиданное препятствие в старике Я. Я., который решительно отказался закопаться. Этот старик уже и раньше, в пору первых закапываний, не разделял мысли о необходимости насильственной смерти и склонен был думать, что такого

рода смерть равносильна наложению на себя рук. Теперь он твердо заявил Виталии свой решительный отказ. Между ним и Виталией произошел следующий обмен мнений. Видя сопротивление старика, Виталия сказала, что больше не остается Святых Тайн для причащения, что имеется всего для одного раза; между тем ему, старику, весьма необходимо причащаться всякие сорок дней, и не стоит отсрочивать смерти при таких условиях. На это старик заметил: «Нынче Тайн нет, а там Бог пошлет, откуда-нибудь получим». Тогда Виталия сказала, что имеющиеся у нее Тайны – старые, от старинных хороших попов, а нынешние Тайны от теперешних попов той силы не имеют, и что он, старик, продолжая жизнь, будет лишен тех средств спасения, на которые рассчитывает: так как нынешние попы и даже архиереи «одни против других орудуют» и Тайн не выдают.

Так как Виталия была сильнее старика Я. Я. в диалектике, то он разговора с нею продолжать не мог, но прибегнул к извороту, сказав:

– Матушка, вы все долго молились, а я всего три недели, как надел черное платье; я еще недостаточно молился, мне еще надо помолиться, еще я не готов на смерть.

Отказ старика Я. Я. сильно разгневал Виталию. Последствием этого было то, что старик Я. Я., бывший с другим стариком в одной келье, немедленно был от него отделен и помещен особо, в отдельную камеру, и два дня не получал никакой пищи.

Отказ старика Я. Я. произвел такое сильное действие, что закапывание, назначенное на этот день, было отменено – и затем оно произошло неделю спустя, в ночь на 28-е февраля. Об этом Я. Я. узнал только впоследствии. Со времени его отказа ему не сообщали больше никаких новостей, держали его в строгом уединении и крайне скудно и неаккуратно кормили.

Главнейшим аргументом, к которому Виталия в это время наиболее прибегала, было запугивание угрозами небесных кар, между тем как раньше в ее словах звучала надежда, указание на грядущие блага и проч. Местом для закапывания был избран тот самый погреб, которого так добивались три старушки третьей группы, т. е. погреб в усадьбе Фомина, где зарылась первая группа. Этот погреб находился очень близко от усадьбы Ковалевых и скита, что значительно облегчало предстоявшую задачу.

Сравнительно поздно, в ночь на 28-е февраля, направились туда все участники мрачного дела.

На этот раз все шло с чрезвычайной торопливостью. Ночи, по справедливому замечанию Федора Ковалева, были уже в это время года короче, и уже по одному этому необходимо было торопиться, чтобы до наступления утренней зари со всем покончить. Яму могли рыть только двое мужчин – Федор Ковалев и его брат Дмитрий. Но более всего поспешность внушена была Виталией, которая и с первыми закапываниями торопилась, а здесь время ожидания лично для нее, как для жертвы, могло быть особенно тягостным; в силу этого она чрезвычайно торопила обоих работавших Ковалевых и со всеми почти присутствующими помогала приготовлению мины, причем сама она трудилась более других, убирая, землю.

Прежней мины, которая заключала в себе тела первой группы закопавшихся, не коснулись, но было назначено Виталией смежное место, именно – левая боковая стенка погребца, в которой стали рыть мину в направлении перпендикулярном или несколько под углом к первой мине. Расстояние входных отверстий первой и настоящей мины было не более двух с половиной или трех аршин. Вырытая мина представляла собой широкую, но не высокую нишу, дно которой было на одном уровне с дном погребца или несколько ниже. Ниша была в длину около двух аршин, шириной около трех с половиной, а в высоту имела не более трех четвертей аршина. Чтобы прорыть мину, было необходимо вынуть несколько камней неглубокого фундамента боковой стенки погребца. Когда яма была готова, быстро последовала торопливая, неторжественная процедура закапывания. Несчастные жертвы поместились в мине в следующем, кажется, порядке: Дмитрий Ковалев, Виталия, Поля Младшая, Таисия Рассейская и старуха Ковалева. Вырытая ниша была достаточно широка, чтобы в ней поместились шесть человек, лежа боком, вплотную друг к другу; но длина ниши была короче роста человека, и все поместившиеся в этой, поспешно сделанной, неудобной могиле должны были согнуться, прижав голову к груди и поджав ноги. Когда они улеглись, Федор Ковалев, по распоряжению Виталии, заложил мину камнями, засыпал землей и утрамбовал. На этот раз совершенно один, Ковалев быстро ушел от этого страшного места и страшного дела!

Что касается психического состояния, в котором находились в последнюю ночь закопавшиеся, то оно ближе всего подходит к общей спутанности чувств, вытекающей из страха. Наиболее была свободна от этого Виталия. Для нее предстоявшая смерть была более всего следствием убеждения в необходимости подобного шага. Ее последние распоряжения касались более всего сокрытия тайны. Она многократно передавала в этом смысле Федору Ковалеву свои распоряжения, сопровождаемые клятвами и религиозными угрозами. Виталия грозила Ковалеву страшной ответственностью, если, по его вине, тела закопанных, в особенности ее тело, будут открыты. «Тебе будет великий грех, если нас откроют», – сказала она. Она, между прочим, мотивировала свое требование и тем, что открытие трупов может повлечь за собой вскрытие тел. Сказался ли в этом требовании обычный человеческий страх при мысли о вскрытии собственного тела или же имелись в виду со стороны Виталии религиозные или иные основания – осталось неизвестным. Затем она взяла с Ковалева строгое клятвенное обещание, что он после их смерти не останется в живых. Она прямо говорила ему: «Не живи после нас, не ешь, умри с голоду».

В ответ на это Ковалев дал обещание: «Как вас зарюю, не буду жить».

Из подробностей, относящихся к самой смерти, можем привести только, что легши в могилу, все жертвы тихо шептались между собой; слышалось, как они говорили: «Прости, прости»; старались поудобнее лечь в тесном помещении. Наблюдения единственного свидетеля событий, Федора Ковалева, который и сам был в это время сильно взволнован, носят характер отрывочный. Впрочем, при быстроте и торопливости, с которой шло дело, психическое состояние жертв, кроме страха и спутанности, едва ли могло содержать другие элементы.

Пространство, в котором были заключены шесть жертв, хотя и допускало некоторую вентиляцию через заложенное входное отверстие, но, в сущности, помещение было так мало, что жизнь могла продолжаться самое короткое время – от десяти до двадцати минут.

По вскрытии ямы 6-го мая погребенные найдены одетыми в монашеское платье, как и в первых группах, а Виталия была одета в костюм схимницы, который представлял собою длинное сукон-

ное платье с капюшоном, надевавшимся на голову. Все это платье было расшито нашивками и надписями на церковнославянском языке. По снятии с Виталии одежд, при вскрытии тела на ней найдены вериги в форме двух крестов, из которых один приходится на груди, другой на спине, причем оба были между собою соединены в верхней и нижней части медной цепью небольшого веса. Нижняя часть этой цепи в виде пояса охватывала тело, и концы ее захвачены были замком, ключа к которому не было.

Кроме того, при трупе Виталии найдена небольшая жестянка из-под икры, на которой остались печатные наклейки с обозначением торговой фирмы. В жестянке этой находилась небольшая серебряная чаша, крошечная ложечка и шелковый платочек для вытирания губ, т. е. предметы, относящиеся к причащению. Найдены были также старинные книги и другие предметы.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда был арестован Федор Ковалев и стали известны главнейшие подробности терновских событий, взрыв общего негодования был направлен против Федора Ковалева как главного якобы виновника страшных дел. Даже в прессе можно было встретить выражения, характеризовавшие Федора Ковалева как изувера и самого дикого человека, какого воображение может представить себе. События, в центре которых обстоятельства поставили Ковалева, были так исключительны и так ужасны, что человеческая мысль не могла облечь в те же краски и человека, который стоял среди этих событий и принимал в них столь видное участие. Однако уже и теперь можно сказать, что участие Ковалева в терновских событиях, хотя и было очень видным, но далеко не было существенным. Нам, как и всякому, казалось естественным познакомиться поближе с этим человеком, чтобы тем до некоторой степени облегчить себе понимание бытовых явлений, которые при первом взгляде на них вызывали ужас, но при ближайшем ознакомлении возбуждают совершенно другое чувство... – безграничную гражданскую скорбь.

Первоначально мы составили себе некоторое представление о Ковалеве из рассматривания его фотографии, снятой с него вскоре после ареста его, т. е. в конце апреля. Затем, два месяца спустя, мы имели случай видеть его лично, именно – 28-го июня. Впечат-

ление получилось весьма неодинаковое, так как черты лица в апреле и в июне оказались существенно различными, притом в такой степени, как это приходится наблюдать лишь весьма редко. Как показывает фототипия, сделанная с тираспольской фотографии, на лице Ковалева ясно отпечатлеваются следующие черты:

Сокращение мышцы, сдвигающей брови.

Сокращение пирамидальной мышцы носа.

Сокращение мышц, опускающих углы рта.

Вместе взятые, эти мышцы придают лицу выражение печали, озлобленности. Существующее напряжение всех остальных мышц туловища и лица придает общему выражению Ковалева отпечаток воли, напряженной под влиянием чувств, т. е. фанатической решимости. Этот отпечаток значительно усиливается еще и тем, что мышцы обеих половин лица сокращены неравномерно, именно – левая лобная мышца сокращена значительно сильнее правой, отчего левая бровь стоит выше правой; а в то же время круговая мышца глаза правой стороны сокращена сильнее, чем на левой, отчего правый глаз кажется меньше левого. Эта неравномерность мимики на одной и другой стороне лица является знаком вырождения и указывает на принадлежность Ковалева к психопатической семье.

Наше ознакомление с чертами лица Ковалева при личном свидании с ним показало совершенно иную мимику, именно – почти незаметное сокращение пирамидальной мышцы носа, а равно отсутствие резкого напряжения в мышцах лица и туловища. Но вместо того замечается сокращение верхней орбитальной мышцы, сдвигателя бровей, и мышцы, опускающей угол рта. В такой комбинации мимических сокращений фигура Ковалева производит впечатление человека доброго, преданного тихой грусти и грустному раздумью (единовременное умеренное сокращение орбитальной мышцы и сдвигателя бровей). Вместе с тем неравномерность мимики стала заметна меньше, что указывает на то, что некоторые природные неправильности в характере, резко заметные в апреле, в настоящее время (28-го июня) значительно сгладились. Столь резкая перемена в чертах, происшедшая в течение двух месяцев, почти разрешает вопрос о значении и сущности участия Ковалева в терновских событиях. В период этих событий Ковалев находился под могущественным влиянием другой личности и в такой мере усвоил себе ее нравственный облик и характер, что это отразилось даже на

основных чертах его лица. Можно сказать с совершенной научной точностью, что преступник, совершающий иной раз самые тяжелые преступления, остается по основным чертам характера тем же человеком, каким он был раньше; здесь же у Ковалева мы видим временное преобразование всего характера. Обстоятельства дела и признания самого Ковалева подтверждают приведенное заключение, основанное на физиогномических наблюдениях.

Отношение Ковалева к тяжелому мраку, окутывавшему жителей хуторов осенью прошлого года, было вполне отрицательное. Опасности, которые предсказывала Виталия, не пугали Ковалева; он долее всех оставался оптимистом, и даже в самую последнюю минуту, когда уже всеми овладела мысль о грядущих бедах и о необходимости искать от них спасения в смерти, – Ковалев все еще продолжал думать, что необходимо выждать события, но не идти к ним навстречу, не предвирать их. Он первый останавливал свою жену, склонявшуюся к смерти, и в наивности своей даже принес на нее жалобу Виталии, в уверенности, что Виталия своим авторитетом остановит страстный порыв молодой женщины. Он даже имел слабую догадку о действительной истине, т. е. был уверен, что ничего особенного не произошло в мире и что события должны идти тем же порядком, как они шли до настоящего времени. Под влиянием этого чутья истины он первоначально обнаруживал скептицизм в отношении того, что проповедовала Виталия и чему все начали верить. Для разъяснения своих сомнений он даже воспользовался случаем, как мы видели, и обратился с вопросами к случайно встреченному полуобразованному собеседнику, и был очень рад и ободрен, встретив в нем поддержку своему скептицизму.

Но причиной всех дальнейших ошибок Ковалева была его умственная недалекость и слабая воля, другими словами – его малая одаренность от природы. Он – только добрый человек, но недалекий и соответственно тому слаб волей. В этих основных чертах его характера и кроется источник тех личных несчастий, которые он сам приготовил себе, погубивши собственными руками жену, детей, мать, брата, сестру. На Ковалева оправдались те глубокие идеи, которые в своих художественных произведениях впервые старался раскрыть Шекспир, – что причиной несчастий человека являются не столько внешние условия, сколько неправильности или недочеты, лежащие в самом характере человека. Это мы видим

на Ковалева. В самом деле, имея столько здравого смысла и воли, чтобы протестовать и бороться с порывами жены, склонявшейся на смерть, он сразу уступил Виталии и своей матери, когда те поддерживали его жену. Здраво понимавший слова своего случайного собеседника, он вернулся домой просветленный и ободренный его беседой; но здесь, увидев слезы и волнения, поддался этим волнениям – и слова его собеседника и его собственные догадки остались в глубине души бессильным знанием.

Во всей дальнейшей трагической жизни Ковалева ясной бороздой сказываются описанные черты его характера. В течение января в его бедном поработанном уме успело всплыть сознание безумности закапывания, и когда старушки приставали к нему с просьбой закопать их, у него доставало разума и воли отказывать им, полемизировать с ними и отклонять в течение многих дней их упрощения и умаливания; но достаточно было сказать несколько слов Виталии, и он, несмотря на правильную постановку дела своей оппозиции, подчинился ее требованию и явился орудием ее воли – в самом прямом смысле этого слова, в такой мере, в какой ребенок может явиться орудием воли взрослого. Мы не станем приводить дальнейших примеров, так как они были бы излишними.

Нравственное освобождение этого поработанного человека совершалось медленно, но оно началось тотчас после смерти Виталии. Рассказы об этом Федора Ковалева, отличающиеся детской искренностью и простотой, полны психологического интереса.

Закопавши Виталию, своих близких и большую часть жильцов скита, Ковалев вернулся в опустевший скит, где он нашел старика Я. Я. и еще двух-трех лиц. Согласно данному Виталии обещанию, он не ел и не пил, оставаясь в твердом намерении запоститься; и ждал, что через три-четыре дня наступит светопреставление, как предсказывала Виталия.

- «Три или четыре дня ничего не ем и не пью, – рассказывал Ковалев, – вижу – нет светопреставления; я напился водицы на четвертый день. На пятый день нет светопреставления – я съел баклажанчик. Так прошло две недели, – продолжал он, – вижу, – светопреставления нет, в острог не берут, войны нету. Что такое, думаю себе, – и стал хлеб есть, и так помаленьку стал все есть».

Таким образом, освободившись от гнета чужой мысли и воли, Ковалев стал правильно понимать окружающие явления и со-

образовать с этим пониманием свои действия. Как постепенно воспрянула и восстановилась его поработанная личность – об этом в его рассказах содержатся некоторые указания, которые мы и приведем.

Размеры нравственного обезличения, до которого доведен был Ковалев, станут понятными, если мы подумаем, что не только мысль и воля у него были подавлены, но даже и чувства были глубоко расстроены, несмотря на то, что эта сторона души у Ковалева развита гораздо лучше, чем мысль и воля. Мы позволим себе войти в некоторые подробности и выскажем соображения, которые нам кажутся не лишними для лучшего уяснения этого сложного вопроса. Как известно, долг может иногда побудить человека идти против естественных чувств, но в нормальном человеке это сопровождается внутренней борьбой, в которой элементы долга лишь берут перевес над обыкновенной природой человека, не уничтожая ее в корень. Но мы сочли бы чудовищным такое человеческое существо, в котором естественных чувств не доставало бы вовсе; да и самой заслуги нравственной не существовало бы, если бы не было борьбы между долгом и естественными требованиями. Известный убийца Карл Маш, совершивший в своей жизни множество убийств, рассказывает о себе, что когда ему случилось однажды совершать убийство в доме, где были дети, то, подойдя к ребенку, которого он также должен был убить, он на минуту остановился и затем некоторое время колебался, так как пробудившееся в нем чувство жалости мешало ему наносить удары с тем спокойствием, с каким он убивал взрослых. Солдат, расстреливающий по долгу службы приговоренного к смерти, не может с легким сердцем исполнить свой тяжелый долг, и старая практика научила военных людей давать в числе других заряженных ружей одно незаряженное, чтобы тяжелый долг – стрелять в человека, был облегчен некоторой вероятностью, что смертоносное оружие лишено заряда. Какое же должно быть нравственное и эмоциональное состояние человека, совершившего ряд чудовищных убийств со спокойствием, которое кажется почти невероятным. В таком именно состоянии Ковалев совершил все закапывания. И, однако же, этот человек раньше был совершенно другим: он был глубоко потрясен, когда от жены услышал впервые о намерении закопаться. Но затем давление авторитета Виталии и матери и тяжелые волнения, которыми была

полна терновская атмосфера, а затем потрясающая сцена первого закапывания – ввергли его в состояние нравственного безразличия и бесчувственности. Спокойствие, с которым Ковалев передавал подробности потрясающей сцены закапывания живьем своей сестры, справедливо производило наиболее тяжелое впечатление на всех, кто выслушал этот рассказ непосредственно от самого Ковалева. Нравственная бесчувственность сказалась почти во всем, Ковалев перестал испытывать чувство страха; и ночью, после совершенных им убийств, не испытывал боязни. Таково было состояние этого человека, в сущности доброго по природе!

Нравственное восстановление Ковалева идет медленно, и в ту пору, когда мы имели случай беседовать с ним (28 июня), его нравственные силы еще носили глубокие следы потрясения, но уже он стоит на верном пути, и черты его душевного склада освободились от тумана, которым были закрыты. О процессе этого восстановления мы из бесед с Ковалевым узнали следующие подробности, которыми и дополняем сказанное выше.

В первые дни после закапывания жены и детей Ковалев находился в полном нравственном безразличии и бесчувствии, и лишь в дни Рождественских праздников, 25-го и 26-го декабря, войдя вечером в свою опустелую избу, он впервые почувствовал жалость к умершим и заплакал, но сердце не отходило. В первое время печальные воспоминания о погибшей семье приходили нечасто; и хотя они давали отраду душе, но не могли быть вызваны, а сами собой редко приходили. Большею же частью в душе оставалось тупое безразличие, которое формулировалось в такую фразу: «Не жалко и не страшно, потому что они пошли не на муку, а в Царствие Небесное». И, однако же, мысль о переходе близких в Царствие Небесное не давала душе никакой радости, оставляя в ней какую-то тяжелую и непонятную пустоту. Самое чувство стыда и виновности как бы совсем угасло, и Ковалев, находясь в день вскрытия могилы Виталии на глазах многотысячной толпы, ничего особенного не чувствовал. И лишь много времени спустя он, по его собственным словам, стал чувствовать нравственную тягость, когда толпа устремляла на него взор и посылая ему проклятия в то время, как его проводили по улице. Но с течением времени малопомалу печальные воспоминания и тихое раздумье постепенно просветляли его душу, и по мере восстановления чувств мысль Ко-

валева шаг за шагом начала освещать протекшие как в кошмаре события. Теперь Ковалев начинает понимать, что «горше всех Виталия виновата», и в объяснении своей веры в нее говорит: «Она не ест, не пьет, молится, грамоту читает – и она это все одобряла», т. е. закапывания; «на нее все положились: Анюша, Фомина, – все на нее положились, потому что она постница, воздержница; никто не думал, что это – одна погибель» (т. е. погибель в том, что слушали Виталию). «И как это не перебили» (т. е. не помешали), «и не нашлось такого человека, чтобы рассказать» (т. е. объяснить, образумить), – закончил он с глубоким сожалением о невозвратном».

В заключение наших бесед, на вопрос о жене и детях, Ковалев снова повторил: «Сердце и теперь все болит и не отходит. Спать – сплю, а как проснусь – сейчас сердце болит. И как не болеть? Другой матери и другой жены не будет».

В настоящее время Ковалев со всеми говорит вполне открыто и с особенной искренностью; на каждый вопрос отвечает подробностями, которые превышают самый запрос собеседника. Видимо, что в обмене мыслей он находит себе утешение. Из уст его часто слышится фраза: «И как не нашлось человека, чтобы объяснить».

К концу нашей продолжительной беседы с Ковалевым неожиданная ассоциация вызвала в нашем уме цепь мыслей о бедной простодушной чешской вдове, которая положила свою вязанку дров на пылавший костер Гуса. Она умерла с утешительной мыслью, что совершила доброе дело, прибавив лишний огонь для еретика. Такой же нравственно-бедный и простодушный Ковалев сделал нечто, беспредельно превосходящее подвиг чешской вдовы, и теперь прозрел и пришел к ясному пониманию своего непоправимого заблуждения. Самым симпатичным впечатлением, которое оставил в нас своей личностью Ковалев, это – его наивные непрестанные усилия вспоминать и разбирать свои ошибки и давать самому себе советы, как надо было поступить тогда-то и тогда-то. В обмене мыслей, которого он, видимо, ищет, он находит себе утешение, как в источнике живой воды, которая смывает налет с его ума. Фразу, услышанную от нас по поводу народной переписи, что людей надо перечесать так же, как деньги в кошельке, – эту фразу он повторил несколько раз, как бы в противовес тому нелепому

толкованию, которому он верил и которое так дорого обошлось ему.

Теперешний Ковалев – это тихая, неусыпающая грусть о невозвратном и неустанное искание истины для рассеяния следов еще не вполне исчезнувшего из души тумана.

События, подобные тем, которые случились в терновских хуторах, как ни кажутся поразительными и беспримерными, на самом деле представляют далеко не редкое явление в нашей истории и неоднократно происходили не только в течение XVII и XVIII веков, но даже и в нынешнем столетии. Несмотря на разницу времени более чем в два столетия, терновская драма в такой мере сходна до подробностей с самоистреблениями, бывшими при царях Алексее Михайловиче, Иоанне и Петре Алексеевичах, что не может быть и речи о чем-нибудь новом и небывалом; напротив, на все случившееся необходимо смотреть как на печальное, но обычное историческое явление в русской жизни. Правда, явление повторяется все реже и реже, но едва ли навсегда исчезло.

Издавна способы самоистребления были различные: из них самым частым способом было самосожжение. Для этого выбирались избы, обкладывались горючим материалом и зажигались, причем почти всегда гибли все, кто не ускользнул от роковой засады. Иногда делалась специальная постройка для гари, например, более или менее значительное пространство обносилось оградой из весьма горючих материалов (смолы, стружек, соломы и даже пороха). Сожигались более или менее в значительном числе – сотнями и даже тысячами. При Петре Первом сгорел (сжег себя) князь Мышецкий со всей своей дворней – свыше 100 человек.

Другим нередким способом самоистребления было моренье голодом. Кроме того, употреблялось самоутопление, причем старшие топили детей или младших, сопротивлявшихся смерти. Наконец, грактиковались и закапывания. Андрей Иоаннов, описывая случившиеся при царе Алексее Михайловиче самосожжения, говорит: «В Новгородской области многие в могилах живые погребались, и тако живота своего бедного лишались; и в той же Новгородской области тоже многие тысячи огнем в овинах горели, и в лесах, – а в луговой стороне в морильнях от учителей своих запертые помирали».

Обстановка, при которой происходили самоистребления в два последние столетия, до такой степени напоминает обстановку терновских событий, даже до подробностей, что нам невольно приходит на мысль, что в самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями патологическими, относящимися к разряду так называемых психических эпидемий. В самом деле, явления бытовые или исторические хотя и повторяются, но всегда с некоторыми переменами, обусловленными протекшим временем и историей; между тем явления патологические гораздо более неподвижны, гораздо менее изменчивы. Бред помешанных, галлюцинации алкоголиков гораздо менее подлежат изменяющему действию времени и обстоятельств и остаются в течение веков шаблонными и стереотипными. Этой именно особенностью отличается самоистребление в русском народе.

Что касается причин этого странного явления, то нам почти буквально приходится повторить то, что было сказано двести лет назад в одном официальном документе. Описывая одно из самосожжений, случившееся в 1684 году в Пошехонском уезде, в поместье Сикорских, в деревне Лейкине, официальное донесение заканчивается словами, – что «крестьяне сожгли сами себя, а для чего то учинили, про то никто не ведает».

Историки, занимавшиеся вопросом о самоистреблениях, высказывают касательно причин этого явления малоопределенные взгляды; но наибольшей определенностью отличается точка зрения Пыпина, который причину самоистребления видит в преследованиях, каким подвергался раскол со стороны правительства. Почти такой же взгляд, как Пыпин, но гораздо резче, высказывает о самосожжениях автор предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Но объяснения обоих авторов, если их признать верными, применимы только к некоторым случаям, так как известно из истории немалое число несомненных примеров, которые не могут быть объяснены с точки зрения преследований. Нам кажется, что оба уважаемые историка обобщили частные случаи. В этом отношении интересны фактические данные, приводимые Сапожниковым; из этих данных, видно, что самоистребления практиковались по преимуществу в некоторых местностях, тогда как в других местностях они не случались или случались реже, несмотря на то,

что именно здесь отношение властей к расколу было более резко. Наконец, такой крупный историк, как Соловьев, усматривает причину самосжигания не в преследованиях правительства, а в иных условиях. Очевидно и несомненно, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлением сложным, которое не может быть объяснено одной исторической точкой зрения. Нам кажется, что важнейшим источником для объяснений самоистребления могло бы послужить подробное психологическое и психиатрическое исследование тех лиц, которые были непосредственными участниками событий; но так как источник этот для терновской драмы со смертью Виталии и других утрачен, то остается единственная возможность сделать некоторые выводы по этому важному вопросу, руководясь исключительно соображениями, основанными отчасти на фактических, отчасти на психологических данных. Психологические и психиатрические данные мы считаем в этом случае важным источником разъяснения и будем пользоваться этим источником, подтверждая наши выводы историческими справками.

К числу исторических данных относится прежде всего то обстоятельство, что самоистребление свойственно исключительно, или почти исключительно, расколу. В этом смысле можно сказать, что самоистребление – по крайней мере массовое, о котором у нас идет речь, – относится к широкой области церковной или религиозной жизни, но оно не вызвано политическими или иными условиями. Политическая жизнь, социальные бедствия, преследования правительств скорее вызывают появление мятежей, бунтов, активного сопротивления; в самоистреблениях же мы имеем дело с психологическим явлением глубоко пассивного типа. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим. Эта особенная черта не ускользнула и от внимания автора предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Он усматривает в этой черте средство уравнивать свое бессилие в борьбе – пожертвованием личностей. При всем глубоком уважении нашем к мнению почтенного историка, не можем не сказать, что в словах его содержится не объяснение психологического факта, а лишь простое засвидетельствование его.

Другую отличительную черту самоистребления составляет то обстоятельство, что они всегда совпадали с какими-либо особенными событиями церковной жизни. Так, частые массовые са-

моистребления при Алексее Михайловиче, при царях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах соответствовали времени появления раскола. В это время в русской жизни самоистребления были чрезвычайно часты. Но и эта связь не противоречит предположению, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлениями. Не лишенными, между прочим, и болезненного оттенка. В самом деле, с психиатрической точки зрения можно считать вполне доказанным, что политические перевороты и религиозные события всегда оказывали влияние на увеличение числа душевных заболеваний или на более резкие проявления тех болезненных состояний, которые до этого времени были выражены слабо или оставались скрытыми. Этот факт, конечно, необходимо понимать в том смысле, что всякого рода преобразования и перемены в жизни политической или в вопросах совести и т. п., составляя успех жизни, требуют напряжения и подъема сил. На такой подъем способны только лучшие люди, но не те, кто слаб душой и телом. Прогресс жизни подвигает вперед лучших людей и выбивает из строя или оставляет за флагом неподготовленных и слабых. В вопросах умственного или нравственного прогресса такими слабыми обыкновенно являются субъекты с так называемыми болезненными и неправильными характерами. Возникшее в недавнее время в психиатрии учение об этих характерах должно быть принято во внимание при объяснении исключительных явлений, о которых у нас идет речь. Болезненные характеры, менее заметные при обычном течении жизни, могут резко проявиться в ту пору, когда жизнь делает поворот, к которому эти натуры не могут так легко приспособиться, как натуры нормальные. В таком случае эти натуры обнаруживают странную деятельность, и даже заболевают психически в эпидемических размерах. Таким образом, преобразования или реформы отделяют здоровое от болезненного и являются той силой, которая увлекает за собой все здоровое и ломает все болезненное и слабое.

Исследуя явления самоистребления с изложенной точки зрения, мы встречаемся с некоторыми существенно важными фактами, указывающими на видную роль болезненных натур при всех преобразованиях: натуры эти резко выступают со своей психопатической реакцией и, как странные персонажи в драмах, подчеркивают собою могучий ход реформы. На этих болезненных натурах и на их психопатической реакции мы остановим наше внимание тем

более, что этот новый вопрос, созданный психиатрической наукой, не был предметом особого внимания историков.

Во всех случаях самоистребления яркой чертой, заметной в настроении масс, является пессимизм, отсутствие веры в лучшее будущее и упадок духа. Типический пример такого состояния духа находим в «Письменных Известиях» чаусских раскольников. «Ныне, – говорится в Известии, – как духовные и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они порицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти во всем жестоки, гневливы, наглы, люты, яры, нестройные, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересьми и прельщением они отставляют человек от пути правого и сводят в погибельный путь»... «Ныне во все страны посылают указы и вказания с посланники жестокими, – те порицаются бесы, чувственные человеки»... «Ныне глад по всей земле, запустение Церкви, умножение ересем»... Как видно, речь идет не о каких-либо исключительных, но о самых обыкновенных общественных недостатках, а между тем тон, которым описываются эти недостатки, свидетельствует о крайнем пессимизме авторов и указывает на их болезненную чувствительность, на душевное страдание, вызванное преувеличенной оценкой обычных общественных зол. Таким оттенком отличается большая часть раскольнических писаний и жалоб, но в особенности такой отпечаток замечается в словах и жалобах тех, которые обрекали себя на самоистребление. Весьма замечательно, что даже и в этих крайних случаях жалобы нередко носили характер общий – печалований и всеобщего недовольства всем, без указания на какие-либо конкретные обстоятельства или частные события, вызвавшие такое настроение. Все такие жалобы отличаются общим и субъективным отпечатком мало мотивированной мировой скорби. Читая эти жалобы и взвешивая психологические оттенки чувств, которыми они запечатлены, мы приходим к убеждению, что в большинстве случаев стремление к самоуничтожению вызвано было скорее субъективным состоянием, нежели внешними событиями. Внешние же события в этих случаях служили лишь поводом к самоистреблению, но вовсе не причиной: истинная причина коренилась в болезненном настроении и в давнем, готовом пессимизме, которым жили отдельные лица или целые группы людей.

Рядом с пессимизмом и с крайней болезненной чувствительностью всегда стоит склонность к самоубийству у раскольников XVII века. Эту связь тонко подмечает Андрей Иоаннов. «К самоубийству столько склонны, – говорит он, – что всегда навевываются, где, когда и сколько сожглось или запостилось самовольно».

Пессимизм и стремление к самоубийству яркой чертой проходит и в терновских событиях. С полным правом можно сказать, что события эти являются беспочвенными и безосновательными – и представляют собой плод измененного настроения духа, вызванного психопатическими причинами, но не внешними событиями. В самоистреблениях терновских, как и в самосожиганиях XVII века, мы видим следующие сходные психологические черты: замена расудка чувством, слабая воля и склонность к самоубийству.

Было бы крайне важным делом разрешить вопрос о том, к какой болезни или к какому психическому состоянию относится группа указанных симптомов, – можно ли их отнести к большой истерии или к так называемому утомлению жизнью – *taedium vitae*. То и другое психопатическое состояние может появляться как у отдельных лиц, так и у целых масс людей. Появление их у отдельных людей не представляет никаких трудностей для объяснения. Что же касается эпидемического распространения болезненных состояний, то для объяснения их можно допустить отчасти общность условий, в которых живут массы. Главным же образом массовая психопатия является искусственным результатом психологического подбора. Этот подбор можно проследить в истории самосожиганий XVII и XVIII века, но в особенности в терновских событиях.

В истории самосожиганий мы постоянно встречаемся с фактом более или менее продолжительной подготовки масс путем пропаганды, увещаний и обманов со стороны так называемых учителей, как их называет народ, или расколоучителей, как они именуются официально. Эти учителя с помощью разнообразных приемов старались объединить субъектов болезненного и психопатического типа и направить их сообща к той цели, к какой те стремились, т. е. к самоистреблению. В этих случаях учителя, в сущности, делали то же, что теперь делают американские клубы самоубийц. Без сомнения, в этих случаях религиозные агитаторы пользовались

существовавшей в населении склонностью и старались ее развить и придать ей более широкие размеры.

<...>

В прессе указаны были два события, толкнувшие терновских сектантов к самозакапываниям: всеобщая народная перепись и открытие мощей Святителя Феодосия Углицкого. Первое событие относится к области политической жизни, второе – к церковной. Внешним образом терновские события несомненно связаны с всеобщей народной переписью, однако же по своему внутреннему характеру события эти всецело относятся к сфере религиозной, или церковной, жизни. Правда, трудно указать непосредственную связь терновской эпидемии с церковным торжеством 9-го сентября; но по времени – некоторая связь, по-видимому, существует, и Федор Ковалев положительно указывает на начало сентября, как на время, когда беспокойство и брожение среди терновских раскольников резко обозначилось. Без сомнения, открытие мощей святителя Феодосия Углицкого явилось крупным событием не только в церковной, но и в народной жизни: оно вызвало общее народное возбуждение, выразившееся подъемом духа, паломничеством, усилением надежд и чаяний. Несомненно также, что на раскольников и других диссидентов это церковное торжество не могло не произвести противоположного действия: не могло не напомнить об их оболблении, о мучительном религиозном отщеплении и отделении от великого народного организма, с которым они соединены языком, бытом, обычаями и в то же время резко разграничены в церковном и вероисповедном отношении. При религиозности русского народа это разделение является весьма существенным обстоятельством для народной совести и влечет за собою нечто вроде безмолвного, непрекращающегося суда одной стороны над другой, т. е. православных и старообрядцев. Этот народный суд явно сказался во время открытия трупов погибших сектантов, когда тысячи зрителей своими массами запрудили терновские хутора и когда сотни изумленных лиц, собравшихся на крышах, деревьях, возвышенных местах, устремили взоры свои на страшную картину откапывания трупов. В собравшейся толпе слышались угрозы, раздавались проклятия; в настроении тысяч присутствующих сказывалось строгое осуждение не только терновским сектантам, но и всему расколу. Это осуждение принимали на свой счет не одни терновские обита-

тели, но и многочисленные представители других раскольнических толков и согласий, присутствовавшие при открытии трупов. Они чувствовали тяжесть события, которое ложилось укором на весь раскол, без различия его партий. Как на подробность, свидетельствующую о таком настроении старообрядцев, можем указать на тот факт, замеченный многими, что окрестные старообрядцы старались всеми мерами загладить и смягчить впечатление терновских событий и во время извлечения из земли трупов и вскрытия помогали полиции, переносили разлагающиеся трупы, до которых никто не хотел прикоснуться. По замечаниям наблюдателей, этим они хотели дать как бы некоторое удовлетворение негодованием и безмолвному осуждению массы, безропотно покоряясь суду народной совести.

Таким образом, разделение русских людей на старообрядцев и православных не остается без серьезных психологических последствий; оно способно колебать настроение народных масс, в особенности среди событий исключительных. Успех и подъем духа у одних может вызывать противоположные чувства у других. И в самом деле, многие события в церковной жизни православных вызывали у старообрядцев то фанатизм и озлобление, то упадок духа и скорбь. Скорбь, печаль, упадок духа и неразлучная с ними склонность к самоубийству появляются именно у лучшей части раскольников, у людей с нежной душой, для которых рознь по высшим вопросам жизни является источником глубокого страдания, истинной мировой скорби. В этом смысле и торжество 9-го сентября не могло остаться без влияния на старообрядцев.

Это церковное торжество произвело вообще немаловажное впечатление на народную душу. И в самом деле, если мы сравним два параллельные и почти одновременные события – канонизацию Святителя Феодосия и канонизацию трех святых Западной церкви, то перевес окажется на стороне русского церковного торжества по силе и степени народного участия в нем. Таким образом, каковы бы ни были взгляды на сущность и значение церковного торжества 9-го сентября, нельзя не признать, что оно произвело значительное впечатление на народные массы, – впечатление весьма не одинаковое для православных и для старообрядцев. По понятиям народной совести, открытие мощей Феодосия Углицкого явилось событием, оправдывающим одну сторону и осуждающим другую. Говорят,

что такое именно настроение замечалось осенью минувшего года в среде терновских сектантов и послужило основанием пессимизма, который так резко проявился именно в это время.

Пессимизм особенно был заметен в терновском скиту, и деятельность Виталии и ее сотрудниц по скиту является попыткой противодействовать этому настроению, найти героическое лекарство против болезни, которая грозила поразить многих. По-видимому, эта решительная женщина задалась смелой мыслью устроить в терновских хуторах священное место, богатое останками мучеников, у таинственных могил которых должны будут стекаться поклонники, подобно тому как это случилось в Чернигове. Это предположение, слышанное нами на месте происшествия, подтверждается поведением Федора Ковалева. Когда в его присутствии происходило откапывание замурованных сектантов, его настроение носило характер уверенности и торжественного ожидания, но он сразу упал духом, когда его взору представились трупы с признаками разложения и с ползавшими по ним червями: он увидел не то, чего ждал. Это обстоятельство поколебало его фанатическую уверенность в правоте религии, которой он служил, и явилось исходной точкой поворота в его мыслях и началом откровенных признаний.

Несомненно, что Виталия и Поля не чужды были некоторых исторических сведений о самоистреблениях в русском расколе. Об этом можно судить по стилю и содержанию той записки, которая была подана из скита счетчикам народной переписи и которая была отредактирована, по всей вероятности, Полей Младшей. Записка эта во многом напоминает те челобитные и заявления, которые писались в XVII веке раскольниками, готовившимися к гари. Весьма правдоподобно, что в уме Виталии или Поли Младшей, на основании исторических сведений, созрел план ответить на церковное торжество 9-го сентября так, как отвечали раскольники XVII и XVIII века на церковные реформы. С этой целью Виталия и Поля Младшая воспользовались готовыми описаниями самоистребления в русском расколе и, подобно учителям XVII века, возбудили известное настроение в терновском скиту и отсюда направили его в терновские хутора. Их личные качества обеспечили им успех печального дела.

В заключение нельзя не высказать некоторых общих мыслей, которые невольно возникают в уме при чтении скорбного сказания о беспримерном несчастье, поразившем раскол в лице терновских сектантов. Никогда печальное состояние раскола не обнаруживалось в более мрачных красках, как в терновской драме. Поэтому не должно быть в отношении несчастных сектантов иного чувства, кроме безграничной жалости, и иного отношения, кроме самых искренних братских усилий к примирению и объединению с ними. Каковы бы ни были понятия о расколе с догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что все держащиеся старой веры – дети того же доброго русского народа, что они строго хранят в себе все его народные черты и остаются верными народному духу даже за пределами отечества.

Ввиду этого истинная забота о них (а не одни догматические словопрения с ними) является самым настоящим и самым неотложным долгом церкви и государства».

МИКОЛА ВАСИЛЬОВИЧ КРАЇНСЬКИЙ **1869–1951**

Видатний український психіатр, професор Харківського університету. Народився в м. Києві в сім'ї агронома. Після закінчення медичного факультету Харківського університету (1894) працював у клініці «Сабурова дача» (нинішня Харківська клінічна психіатрична лікарня) під керівництвом професора П. І. Ковалевського. У 1898 р. відряджений на стажування до Швейцарії в клініку Л. Бінсвангера. Пізніше працював у клініці В. М. Бехтерева при Військово-медичній академії, очолював Новгородську (1899), Вінницьку (1901), Віленську (1902) психіатричні лікарні. Під час війни, у 1915 р., служив у різних психіатричних закладах Київського – Харківського регіонів. У 1917 р. отримав звання приват-доцента кафедри неврології і психіатрії Київського університету Св. Володимира. З 1921 р. працював доцентом кафедри психіатрії в м. Загребі, а з 1928 р. – професором кафедри психіатрії і експериментальної психології Белградського університету. Опублікував близько 200 наукових праць. Чимало з них, зокрема монографії,

опубліковано німецькою, французькою, польською, сербською, хорватською мовами.

Основні праці: «Порча, крикливиці та біснுவаті» (1900), «Вчення про пам'ять з точки зору психічної енергії» (1903), «Енергетична психологія» (1905), «Психологія пропащих людей» (1907), «Енергетика і аналіз відчуттів» (1907), «Енергетична теорія сновидінь» (1912), «Педагогічний садизм» (1912).

Психологія падших людей¹ (1907)

Безумие – как величайшее несчастье отдельного человека, как потеря всего, что есть наиболее ценного в человеческой личности – в течение долгих веков признавалось явлением особого порядка, обусловленным одержимостью нечистою силою или сверхъестественным влиянием. Гибель ума, душевных сил, человеческой личности, отсутствие координации действий душевно больного человека в стройном аккорде взаимоотношений общества, определялось как особенно тяжелое несчастье. Поступки человека, лишённого руководительной силы разума, вносили разлад в жизнь человечества, и явление безумия сначала было очерчено резкими границами.

Несчастливые, отверженные, лишённые высшего дара природы, душевнобольные в современном культурном обществе образуют группу, занимающую особое положение, тяжесть и безысходность которого, может быть, еще слишком мало осознаются теми счастливыми собратьями, которых миновала чаша сия.

Вследствие антисоциальных свойств своих душевнобольные вышвырнуты под более или менее гуманным флагом из недр семьи и общества. Населяя больницы-тюрьмы, они лишены свободы и прав человеческой личности, чтобы не тревожили своим безумием здорового умственно населения. В зависимости от среды и времени тот фиговый листок, который прикрывает весь ужас положения

---

¹ Краинский Н. В. Психология падших людей / Н. В. Краинский. – Вильна : Губ. тип., 1910. – 36 с.

этих отверженцев, превращается в красивый покров с флагом любви и заботливости, но результат получается для всех один: для культурных и диких стран, для заботливых общин, где душевнобольные призываются в прекрасных больницах, и там, где они заживо гниют в зловонных клоаках, тоже именуемых больницами, богоугодными заведениями. Результат этого тот, что душевнобольные не могут жить в среде здоровых в современном обществе и их удаляют из него. Как голый факт в обществе это положение признается всюду, и удаление их из среды здоровых есть практическое решение вопроса.

Этим как бы проводится граница между безумием и жизнью нормальной, освещаемой и руководимой разумом. И общество как будто чувствует себя очищенным, безопасным.

Однако недолго пришлось утешаться этими приятными заблуждениями. Проведенная жизнью и наукой граница между безумием и разумом, между сумасшествием и здоровьем душевным – оказалась не столь резкою и определенной.

<...>

Установить признаки безумия, исследовать и найти порочную, больную душу и своевременно изъять ее из недр здорового общества было трудно. Границы сумасшествия оказались спорными и растяжимыми.

Исследование многих явлений социальной жизни общества еще более расширило границы безумия и открыло существование особых групп людей и личностей, составляющих обширный пограничный мир стоящих между психическим здоровьем и безумием.

С половины прошлого столетия исследования ученых коснулись давно бивших в глаза фактов, задавшись вопросом о причинах антисоциальных явлений преступности и соотношении его с сумасшествием. Литература и научное исследование народного быта открыл особый мир людей, существующий в каждом государстве, в каждой общине, порождаемый теми формами жизни, которыми живет главная масса людей. Отверженные, несчастные, то вызывающие сожаление в живых образах В. Гюго, то недобрые темные силы, вселяющие враждебность и страх, эти подонки общества предстали перед глазами образованного человека, и в уме его возник вопрос, что же это за люди. Откуда берутся они? Кто они?

Отверженцы общества, они ли попирают жизнь, или жизнь безжалостно выбрасывает их за борт?

Антропология, как наука о типе строения человеческого организма, установила те нормы соответствия отдельных органов и частей тела, гармоническая деятельность которых обуславливает правильную функцию тела и соответствующее течение душевной жизни индивида. Обнаружены бесконечное разнообразие и индивидуальные отклонения в известных пределах без нарушения общего типа. Но, с другой стороны, установлен целый ряд более или менее резких уклонений от среднего типа, начиная с редких уродств и кончая едва заметными аномалиями. Первые издавна были известны в науке. Но факт, что мелкие отклонения в конфигурации частей тела, асимметричность лица, неправильность зубов, неуместная волосистость, различие в окраске глаз могут служить «печатью дьявола», обрекающею человека на социальное падение и делать его вырождающимся, – в науке явился новостью и был встречен ученым миром с большой долей недоверия.

Атавизм, едва уловимые признаки вырождения в виде неправильных ушей, приросших мочек, высокого неба, однако, были установлены огромным числом исследований как физические признаки, по которым можно узнать антропологический тип преступника независимо от совершенного им преступления.

<...>

Побочные исследования осветили еще много важных сторон явления вырождения. Указана связь его с условиями культуры, формами цивилизации и общественной жизни, с расовыми и экономическими условиями.

Но главным штрихом в учении о вырождении была не гибель организма, а те особенные черты душевной жизни, которые присущи дегенератам. В их подорванной телесной организации, обреченной на вымирание, особенной неустойчивостью отличается нервная система. Не давая ясно выраженных клинических картин душевной болезни, дегенераты с ранних лет проявляли особенности своего характера, делающие их несносными в общежитии.

<...>

Границы вырождения оказались трудно проводимыми со стороны здоровья, так как иногда душевная неуравновешенность

бывала выражена почти неуловимо, но они были еще более расплывчатые по отношению к безумию.

<...>

Людей с признаками вырождения оказалось великое множество из числа благополучно совершающих свой житейский путь и, составляя бесспорную основу падения, один фактор вырождения оказался недостаточным для объяснения происхождения отверженных людей.

<...>

И личность, и характер человека складываются в зависимости от двух факторов: его телесной организации и влияния внешней среды. Влияние последнего фактора на душевный мир человека огромно. Под его влиянием в форме воспитания развивается и крепнет душевный облик индивида.

Роль человеческой личности в общественной жизни сводится не только к созерцанию и размышлению. Для того чтобы получить возможность жить, человек должен действовать, должен, как говорят, бороться за свое существование, ибо природа не дает человеку ничего готового даром.

Отношения людей настолько сложны, запросы, предъявляемые к отдельному члену общества настолько разнообразны, что требуют активной деятельности индивидуальной личности, связанной с полным самоопределением, с достаточной стойкостью для противодействия направленным на нее ударам.

<...>

Усложняются социальные формы жизни, – создаются и более сложные экземпляры личностей, характеров, сложнее и многообразнее становятся поступки индивидов. Наивысшая суতোлка жизни и большое разнообразие личной активности, инициативы, находчивости в борьбе за жизнь и счастье достигается в кипучих центрах так называемой цивилизации. В этом круговороте духовных сил, определяющих работу огромных очагов, от каждой единицы требуется напряжение всей ее деятельности, наивысшее развитие ее умственных сил и напряжение воли, ибо если последняя слаба, то индивид отстает в борьбе за существование. Законы жизни такого очага безжалостны: тот, кто отстал, тот падает. Его не ждет бурно мчащийся поток суетливой жизни, и место отверженного без

замедления занимает новая единица, более сильная, работоспособная и могучая в борьбе за существование.

<...>

Какова бы ни была степень сложности социальной жизни, неизменным условием, которое она ставит всем своим членам, является некоторый минимум активной деятельности и соответственной способности соображения. Те единицы, которые не удовлетворяют этим минимальным требованиям, остаются за бортом, падают и гибнут.

С большим правом на этом основании можно утверждать, что падших людей создает социальная жизнь общества. Основою падения является вырождающаяся порочная организация. Но взаимодействие обоих факторов бывает изменчиво.

Чем проще жизнь, тем резче должна быть дегенеративная организация, чтобы рок падения увлекал свою жертву.

<...> мы приближаемся к той грани цивилизации, где, говорят, где цивилизация не составляет больше блага и где вихрь ее является фатальным даже для обыкновенного среднего, здорового человека, своею медлительною поступью не поспевающего за ее бурным потоком.

А в результате удел падения захватывает здоровых физически людей без всякого отклонения в их антропологической организации.

Там, где есть общественная жизнь, где есть борьба за существование, там есть и ее жертвы. И армия падших людей, в их многообразных типичных формах, незаметно растет.

Падшие люди распадаются на две обширные группы. Первая дает определенные социальные типы, имеющие свои особенности и черты, психологические и внешние. Сюда относятся преступность, проституция, алкоголизм, нищенство, бродяжничество, труппный мир больших центров.

Причины преступности лежат, с одной стороны, в психофизической организации преступника, а с другой – в условиях социальных форм жизни, причем преступление является результатом взаимодействия личности с окружающей средой.

Падение есть неизбежный факт социальной жизни. Общество игнорирует его, общество безжалостно к падшим, оно не братается

с ними и не терпит их. И преступность является тем видом падения, который жестоко мстит в лице отверженных обществу.

Гораздо неопределеннее социальное положение так называемых падших женщин. Под именем официальной проституции разумеется вовсе не разврат, а <...> продажа женского тела за деньги.

Как социальное явление, проституция, как вид падения, занимает совершенно особое положение в том отношении, что общество, презирая и осуждая проституцию, братается с нею и жестоко эксплуатирует ее.

В вертепах падения проституция переплетается со всеми формами порока, пьянства, разврата.

Среда и личность, борьба за существование и нужда – вот причина этой формы падения. Преступление общества по отношению к проституции, <...> не может быть оправдано никакими доводами человеческого разума и социальной необходимости.

Для нас здесь важно отметить тот факт, что проституция есть наиболее типичный случай падения людей, носящих в себе все характерные черты этого социолого-психологического явления. Здесь есть падение, гибель и тела, и души. Здесь разрушается личность, гибнет социальная единица, нивелируясь в общий тип проститутки, откуда бы жертва ни была выхвачена.

Наиболее исследованную и, тем не менее, мало выясненную группу падения составляют алкоголики.

Алкоголизм как болезнь определяется психиатрией.

Но что алкоголизм стоит в теснейшей связи со всеми формами падения, не подлежит сомнению. Однако, быть может, существует некоторая переоценка этого деятеля как причины падения, ибо всегда загадочным остается решение вопроса: алкоголик ли становится падшим человеком, или падший становится пьяницей.

Алкоголь есть большим двигателем в жизни мира отверженных, и, кто знает, сколько человеческих личностей гибнет под его влиянием. То же можно сказать и о действии других ядов, как опиум <...>

<...> наблюдая курильщика, я не мог решить вопроса, пал ли он потому что курил, или курил, потому что пал. Если причинная связь двух явлений сомнительна, то родство их очевидно, и алкоголизм не как болезнь, а как социальное явление есть лишь вид падения.

Нищенство всех стран, оправдываемое и понимаемое разумом как неизбежный способ пропитания убогих и больных, очень быстро переходит границы этого определения и захватывает многочисленный класс людей, ведущих паразитарный образ жизни, играющих на струнах жалости и поддерживаемых благотворительностью.

Рядом с бродяжничеством нищенство уже есть чистый вид падения. Общество не только мирится с ним, но устраивая спорт благотворительности и проявляя не презрение, а жалость создает себе один из видов добродетелей, санкционированный религией.

Самый тип нищего, несмотря на свою древность, меняется соответственно эволюции форм жизни общества, сохраняя, однако, некоторые общие черты для всех времен и стран.

Многие группы падших людей, будучи задавлены жизнью, за исключением преступников, обыкновенно смиряются под роком судьбы и редко вступают в борьбу с обществом активно. Они предпочитают просить, чем требовать, гнуться и пресмыкаться, чем воевать. Однако некоторым группам, как проституткам и золоторотцам, а также алкоголикам временами свойственна активная наглость, нахальство и скандализм. Кроткое и тихое существо вдруг раздражается буйной выходкой, нарушая тишину, порядок, презирая и игнорируя общественную нравственность, изрыгая площадную ругань и заменяя силу мускулов ядов циничных слов.

Другую форму совершенно своеобразного выхода из тишины общественного равновесия представляет хулиганство.

Типа постоянного хулигана почти не существует, ибо, превращаясь в преступника, он живо сходит со сцены. Но временных хулиганов очень много, и в них могут превращаться как золоторотцы, падшие заранее, так и крепкие до тех пор люди, захваченные волной стихийного движения.

Хулиган антисоциален и вреден всем. Его действия не имеют определенного смысла и даже цели. Он дает волю свои инстинктам преимущественно хищничества и разрушения, а иногда и мстительной ненависти. Он действует в минуты общественных затруднений. Он грабит и убивает во время погромов, он быстро появляется и незаметно, неуловимо исчезает. Активно он выступает в толпе, действуя, однако, изолированно от нее, оставаясь верным себе, не заражаясь никогда никакими идейными порывами.

И замечательно, что хулиган труслив. Он действует лишь там, где он безнаказан и, чуя опасность, моментально уничтожается.

Как особый вид длительного хулиганства надо отметить тип мародера.

<...> мародеры, в отличие от хулиганов, преследуют планомерно свои цели наживы, личной выгоды и пользы. К падшим людям они относятся лишь косвенно.

Перечисленные до сих пор группы падших людей хотя и не вполне изучены с социолого-психологической точки зрения, хотя и не вполне ясно очерчены их границы, но в общежитии они хорошо определяются как элемент отверженный и едва ли встретятся серьезные возражения против объединения их в один тип падших людей.

Но существует еще многочисленная категория лиц, которые, с одной стороны, занимая особое положение в обществе, с другой стороны – в своем существовании так тесно переплетаются с жизнью других людей, что трудно усмотреть в них типичные черты падшего человека. Эти более слабые формы падения захватывают отдельного человека, делают его не таким, как все. Это падение выливается в форму простой отсталости, бледности индивидуализма, как у ленивцев-обломовцев, или принимает качественно извращенную форму, выражающуюся в типах различных оригиналов.

Как ни многообразны различные индивидуальные личности, следует признать существование облика среднего человека, который должен стоять в соответствии с формами окружающей его жизни.

<...> Вместе со средним типом обыкновенного человека, большее или меньшее число своеобразных типов людей составляют главную массу всякого общества <...>.

Но кроме этой главной массы типичных людей, составляющих ядро общества, в нем существуют люди атипичные, необыкновенные, не входящие в рамки ни одного из распространенных типов и в норму среднего человека. Эти особенные люди принадлежат к двум резко отличным категориям: людей выдающихся и гениев, а с другой стороны – людей больных, отсталых, неуравновешенных и падших.

<...>

Обе категории людей живут и действуют не так, как все. Они вносят диссонанс в мирное течение обыденной жизни, они нарушают покой среды, в которой появляются, они тревожат окружающих, они мешают им, поднимая иногда бури там, где без них течет все мирно и спокойно. Взаимодействие этих необыкновенных людей, обладающих чуткой, но неуравновешенной психикой, при столкновении и встрече с обыденными слоями общества дает конфликты, заваривается борьба упорная, жестокая и, в зависимости от соотношения сил, эти героические личности то ставятся самой толпой на пьедестал героя, то самым беспощадным образом свергаются с него на дно, топчутся и поругаются.

В этом удивительно легком осуществлении падения, в ментальном помрачении кумиром толпы сказывается то странное родство великого с ничтожеством, гениальности – с помешательством и безумием, которое было отмечено тем же Lambrozo. Замечательно то, что эти люди всегда стоят в одиночку, а в борьбе с ними их противники всегда действуют толпой, сомкнутым строем, по отношению к которому говорится, что один в поле не воин. Толпа и масса рукоплещет им и пресмыкается, или свирепо топчет ногами даже ненавистную память людей, уже низвергнутых, сошедших со сцены.

<...>

Могучее слово «обломовщина» устами Добролюбова очертило социальное явление огромной важности. Падение в форме обломовщины тем опасно, что оно заразительно. Ее черты передаются окружающим. Она губит силу и энергию, затягивает в себя.

Но инертность, как явление социологического порядка, иногда бывает нетерпима, когда темп окружающей жизни ускорится, когда вокруг закипит работа и жизнь. Тогда обломовцы остаются за бортом. В лучшем случае они сетуют, жалуются на свою судьбу, но они не могут стать борцами в ряды сражающихся за свое благополучие. И вследствие этой инертности целые народности обречены на вымирание как результат социального падения.

<...>

Мне остается сказать еще несколько слов об одном типе падших людей, т. наз. кутилах, прожигателях жизни. <...> Это «высшая» категория падших людей с клеймом вырождения, с надорванной психофизической организацией, с музеем специфиче-

ских болезней, с порочностью и совершенно извращенными потребностями, стоящая одной ногою в сумасшедшем доме – есть категория людей опустившихся, ведущих паразитарный образ жизни. Разряд людей богатых, они обставляют свое падение мишурной декорацией, романтической обстановкой, привлекая к себе группу неустойчивых и слабых людей из соответствующего класса общества. То, что в романах и жизни именуется золотой молодежью, в терминологии психиатра именуется слабостью ума и вырождением...

<...>

Основные факторы падения – дефекты психофизической организации человека в форме вырождения и влияние среды – остаются постоянными, но сам процесс падения совершается весьма многообразно.

Воля есть та область душевной деятельности, которая наиболее поражена у падших людей.

Привычка занимает место свободного выбора и сильной воли.

Очень своеобразен мир чувств этих людей.

<...> Эмоции подчинены силе инстинктивных влечений и трудноотделимы от них, а влечения эти часто носят извращенный характер.

Падшие люди не эгоисты в обширном смысле слова, но если дело идет об удовлетворении их влечений, то они не считаются с жалостью к себе подобным. К людям той среды, из которой они вышли, они довольно равнодушны. У них нет глубокой зависти; враждебность, если и встречается, то сама по себе какая-то вялая и неглубокая. Эти люди больше добры, чем злы, но, если им приходится совершать преступления, они делают их просто.

Очень характерную черту составляет трусость этих людей.

Переходя к общей оценке явления падения, мы должны отметить печальный вывод, что это весьма распространенное явление не есть случайное, а закономерно и неизбежно для всякого общества людей. Но самое фатальное – это то, что имея в своей основе изменения организации индивида и воздействие на него условий внешней социальной среды, надо придти к заключению, что раз начавшееся падение человека почти неудержимо и что без изменения коренным образом социальных условий жизни его воскресение невозможно.

Для отверженных нет спасения. Все средства благотворительности и помощи в том виде, как они применяются в настоящее время, совершенно бесплодны и, может быть, отчасти вредны, способствуя паразитизму бывших людей. Борьба с падением, как в частности с преступностью и проституцией, должна быть направлена совсем в другую сторону – на устранение причин падения, которые заложены в жизни самого общества.

Падшие люди, являясь продуктом современного общества, вместе с тем неизбежная часть его и, кто знает, удастся ли с полной перестройкой всех форм социальной жизни устранить окончательно явление падения, поскольку оно основано на биологических факторах вырождения и неправильной от природы психофизической организации отдельных индивидов.

Но уже теперь несомненно, что в значительной мере оно может быть сокращено, что борьба с падением все же возможна.

<...> коренным образом зло можно уменьшить лишь при условии коренного изменения всех форм социальной жизни современного общества.

Тогда, быть может, и мир отверженных не будет являться тем жестоким мстителем, которым он подчас бывает теперь, а пучина дна не будет завлекать излишних жертв, как *memento mori*, напоминая современному обществу о ничтожестве житейского благополучия и непрочности земных благ!

ЛЕОНИД ЄВСТАФІЙОВИЧ ВЛАДИМИРОВ 1845–1917

Український правознавець, криміналіст, випускник Харківського університету. У 1886 р. захистив магістерську дисертацію «Про значення лікарів-експертів у карному процесі», а в 1873 р. – докторську дисертацію «Суд присяжних. Умови дії суду присяжних і метод розробки доказів». У 1873–1892 рр. – професор карного права Харківського університету.

Основні праці: «Вчення про карні докази» (1881), «Захисні промови та публічні лекції» (1892), «Психологічне дослідження в карному суді» (1902), «Психологічні особливості злочинців за найновішими дослідженнями» (1877).

Психологическое исследование в уголовном суде¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубокое убеждение, что свет для криминалистики блеснет не из кабинета юриста, а из клиники психиатра, руководило мною с самого начал моей ученой деятельности. На кафедре, в сочинениях и на скамье защиты старался я с тех пор, выяснить уголовно-судопроизводственные условия для наиболее плодотворной, строго научной постановки врачебной экспертизы.

Настоящая работа есть дальнейший шаг в деле точного отмежевания области медицинской экспертизы, а также и более отчетливого выяснения главнейших ее задач.

Читатель найдет в этой книге, между прочим, и положения, до сих пор еще не высказанные в литературе уголовного права. Наряду с этим, откроет он, по всей вероятности, и немало спорного с точки зрения юридического лагеря. Но и от спорного получается в науке польза, если им вызывается обсуждение вновь поставленных, или же еще не решенных окончательно вопросов.

Современная уголовная юстиция наиболее передовых и образованных народов Европы, в общем, еще так сурова даже там, где она уже успела переменить грозный образ гневной богини на благодушный, с виду, облик пенитенциарного педагога, что споспешествование ее смягчению может составить благодарную задачу для целой жизни нынешнего поколения криминалистов. Конечно, и теперь найдется немало даже серьезно мыслящих публицистов, которым нынешняя уголовная юстиция представляется слабою в подавлении преступлений, – иногда даже как бы потакающею беспутному, слабовольному, безнравственному люду. Но эти публицисты ошибаются. Они мало знакомы с подавляющею уголовною деятельностью. Они забывают, что за тюремными решетками сидят не только злодеи разных уголовно-антропологических наименований, но также жертвы болезней и жизненной битвы. Прежде всего, критики забывают, что, весьма часто, за немногие минуты заблуждения ума от страстей, своевременно не взятых в узду, или за один

---

¹ Владимиров Л. Е. Психологическое исследование в уголовном суде / Владимиров Л.Е., проф. – Москва : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1901. – 303 с. – Репринтная копия.

момент забвения долга, недостаточно внушенного слабым воспитанием и расшатанной средой, или за временный упадок воли от невыносимого давления обстоятельств, для не героев, юстиция берет у виновного человека долгие и многие годы. Они переполнены физическими и нравственными страданиями, отчаянием и безысходною тоскою вследствие разлуки с близкими, дорогими существами. Словом, – утрясенною мерой получают преступники воздаяние за совершенное.

Желающим проверить наши слова можно порекомендовать выслушать не одних только тех, для которых суд и тюрьма – золотая нива для благодарного служения обществу, но и тех, которые имели несчастье совершить преступление и попасть в уголовную сеть. В этом отношении, поистине, потрясающее впечатление производят тюремные записки бывшего министра Французской республики Шарля Баю, судившегося по панамскому делу и присужденного к пятилетнему тюремному заключению. Почти не верится, чтобы в самом конце XIX в., в центре Европы, в Париже, могли с такою, совсем даже и не нужною, жестокостью относиться к человеку, искренне сознавшемуся в своей нравственной ошибке, искупленной разбитой жизнью. Не верится, чтобы убитому горем отцу не разрешено было, под наблюдением стражи, навестить умирающую дочь, чтобы отцу не позволено было в последний раз взглянуть в гробу на умершую дочь, сказать ей последнее «прости»!

Против «моря зол» современной жизни есть, однако, одно только действительное средство: научное изучение этих зол, неизменно приводящее к улучшениям. Правосудие не есть организованный государственный гнев, а правильно устроенное государственное расследование преступления, для соответствующего его лечения.

Это положение должно быть поставлено руководящим началом при устройстве суда, при выборе наилучших способов выполнения наказания и при создании мер для ограждения общественной безопасности. Должно внести со своей стороны, что-нибудь в лабораторию науки, могущей устранить исторически унаследованные обществом, почти не сознаваемые жестокости и несправедливости нынешнего общеевропейского уголовного правосудия есть настоящее счастье для людей, уже постигнувших, что открытие исти-

ны и есть тот *summum bonum*¹, пред которым остальные жизненные блага «*vana et futilia*»².

Постоянным стремлением современной литературы уголовного права должно быть освобождение уголовного законодательства от унаследованной жестокости, а суда – от ненаучной, вредной фразы «психологирующего» оратора.

Человечность и наука – вот лозунг для криминалистов. Никогда еще ничему на свете не вредила человечность; никогда еще наука не причиняла бедствий ни государству, ни обществу, ни отдельному человеку. Наука всегда учила жить по велениям разума и любви к ближнему. Из двух положений: *homo homini deus est*³, – она избличала первое и всегда поддерживала второе. Вспомним, что первый, запротестовавший против бесчеловечного сжигания замученных жертв, обвинявшихся в колдовстве, был ученый, врач Иоанн Вейер в 1653 году.

Придя, после многих лет изучения в теории и суде вопроса о вменяемости, к выводу, что есть случаи, когда преступник хотя и оказывается, по обычным понятиям, вменяемым, но, в то же время, представляется, по своему психическому состоянию, неспособным приноровиться к первичным требованиям общежития и отвечать необходимою доле рассудительности и размеренной энергии на запросы жизни, с развитием цивилизации все более повышающиеся. Я провожу в настоящей книге идею о необходимости освящения в уголовном законодательстве понятия уменьшенной вменяе-

---

¹ Найвище або остаточне благо – латинський вираз, уведений римським філософом Цицероном для позначення фундаментального принципу, на якому базується певна система етики, тобто цілі дій, які, якщо їх послідовно проводити, будуть вести до найкращого можливого життя

² *Vana et futilia esse* (лат.) – усе, із чим стикаємося зазвичай у повсякденному житті, марнота і порожнеча.

³ *Homo homini deus est, si suum officium sciat* (лат.) – «Людина для людини бог, якщо знає свої обов'язки» – цитата з п'єси Цецилія Стація, яку наводить Квінт Аврелій Сіммах, римський політичний діяч («Письма», IX, 114). Цей вислів був відомий і давнім грекам: «Людина для людини божество», – говорять, коли хтось несподівано дістав від когось погартунок або благодіяння. Афоризм пізніше використовували для означення морального ідеалу держави майбутнього.

мости. Научная совесть современного криминалиста не позволяет умалчивать долее о состояниях уменьшенной вменяемости, в видах не только справедливости, но и общественной безопасности.

Но нам могут сказать: «вы призываете все блага человечности и науки на головы преступников; а между тем среди них есть злодеи, совершающие зверства, от одного описания которых стынет кровь в жилах!»

История указала два способа решения вопроса о таких злодеях: или практиковавшееся прежде в большом размере истребление их, или же религиозно-нравственное просвещение их душ, погруженных во мрак. Как люди мы должны с ужасом отвернуться от казней и всею душой отдаться делу исправления и лечения павших.

Тонкая, лицемерная западноевропейская жестокость не должна соблазнять и совращать нас. Будем крепко держаться сердечного и мудрого воззрения русского народа, для которого преступник есть, прежде всего, несчастный. Занимайтесь десятки лет вопросом о преступниках и, в конце концов, вы убедитесь, что глубже народной мудрости вы не проникнете, – для вас ясно станет, что преступник, прежде всего, действительно есть человек несчастный. Поэтому будем беречь драгоценное указание народной совести. И дальше будем хранить как зеницу ока, жемчужину нашей обновленной правовой жизни, вдохновенный завет: «правда и милость». Правда есть истина; милость есть человечность. Вот куда следует держать свой курс.

Глава четвертая. Медико-психологическое исследование

Раздел 2. Исследование содержания психической жизни

(С. 195-244)

I. Обратим внимание, прежде всего, на аффективную сторону, на чувства человека, так как чувства являются отправными моментами для умственной жизни у людей, не приучивших себя мыслить по правилам разума, а руководствующихся лишь чувствованиями. Помня, что задача психологического исследования в области уголовного суда имеет в виду, главным образом, общежительную сторону человека, отношение его к ближнему; что отношение его к самому себе здесь лишь настолько важно, насколько оно вообще необходимо для выяснения свойств человека как животного общественного, мы при исследовании чувств испытуемого лица

должны выяснить, какое в нем есть преобладающее чувство, характеризующее его как ближнего, как сочлена человеческого общежития. В этом отношении на первом плане должно быть расследование чувства симпатии к другим людям. В самой своей выразительной и доступной наблюдению форме сочувствие является в виде сострадания, жалости. Помня, что задача психологического исследования в области уголовного суда имеет в виду общежительную сторону жизни человека, отношение его к ближнему; что отношение его к самому себе здесь настолько важно, насколько оно вообще необходимо для выяснения свойств человека как животного общественного, мы при исследовании чувств испытуемого лица должны выяснить, какое в нем есть преобладающее чувство, характеризующее его как ближнего, как сочлена человеческого общежития. В этом отношении, на первом плане должно быть расследование чувства симпатии к другим людям. В самой своей выразительной и доступной к наблюдению форме, сочувствие является в виде сострадания, жалости. Жалость, по нашему мнению, есть мерка для оценки человека как существа общежительного. Жалость составляет, по мнению некоторых, основу нравственности. Превосходно мотивирует это положение Вл. Соловьев. «Истинно добрым, – говорит этот философ, можно признать только то, что само по себе хорошо и потому во всех случаях сохраняет свой добрый характер, никогда не становясь злом; поэтому подлинным основанием нравственности (как добра) может быть только такое данное, из которого выводится общее и безусловное правило. Такова именно – жалость, ибо жалеть все страждущие существа есть свойство одобрительное, безусловно, и во всех случаях, так что оно может быть возведено в правило, не требующее никаких ограничений». В другом месте Вл. Соловьев старается найти основание жалости для того, чтобы она была для этики фактом и говорить: «Естественная, органическая связь всех существ, как частей одного целого, есть факт опыта, а не умозрительная идея только, а потому психологическое выражение этой связи – внутреннее участие одного существа в страданиях других, сострадание или жалость есть нечто понятное и с эмпирической точки зрения». Мы не вполне согласны с Вл. Соловьевым, что жалость – основа этики, скорее она – руководство (санкция морали), что один человек к другому будет относиться так, чтобы каждое существо могло достигать высшей цели.

Поэтому, приходится, при обосновании этики, найти, – что такое высшая цель? Высшей целью (*summum bonum*) может быть признано лишь бытие во всей полноте его бесконечного развития, признавая лишь ограничения, природою данные. И, следовательно, добром будет все то, что содействует этой высшей цели <...> Но мы здесь не занимаемся философским вопросом об основаниях этики, для нас важно установить, что жалость есть такое свойство человека, которое является источником многих, если даже не всех общежительных добродетелей. И если у Спинозы встречается такое положение: «сострадание в человеке, живущем по руководству разума, само по себе дурно и бесполезно», то это положение лишь означает, что сострадание, как человеческая печаль (*tristitia*), уменьшает полноту бытия, и что оно, как печаль, должно быть заменяемо велением разума. Тот же, кто не подвигается к поданию помощи ни разумом, ни состраданием, называется, у Спинозы, бесчеловечным. Жалостью мир держится, а в обыкновенной, грубой жизни, где наблюдения делаются в течение многих и многих лет, – на собственных боках, больше всего ценится *добрый человек*, потому что в доброте – все обеспечения, каких не могут дать ни закон, ни интересы. В жизни всегда есть такие положения, когда один человек находится в руках другого, когда этот другой может сделать с ним все, что ему угодно. Ни закон, ни люди, ни власть не в состоянии спасти другого человека от вражды, злобы или корыстолюбия другого. Только жалость спасает, в таких случаях, одного человека от другого. Все сказанное дает основание сказать, что при оценке *чувствований* человека, при обследовании его «сердца» необходимо, прежде всего, остановить на этой черте. Отсутствие жалости есть грозный признак при изучении отдельного человека. Фактически изучение преступников привело Дэпина к признанию *безжалостности, выступающей* чертою тяжкого *преступника*, того преступника, из которого уголовная антропология делает особый вид человека – человека-преступника. Безжалостность тяжелых преступников поразительна и может быть объяснена лишь какою-то особою *моральною бесчувственностью, моральным идиотизмом*. Всем известны поражающие подробности этой часто встречающейся безжалостности, ледящей кровь, даже при одном чтении процессов. По-видимому, тяжелый преступник режет другого человека на куски так же безучастно, как мы режем палку. Ко-

гда такая жестокость является результатом длинной практики бесчеловечности, она нас не так поражает, как в том случае, когда подобная жестокость проявляется вдруг по какому-нибудь поводу, когда она как-будто долго покоилась в душе человека и была пробуждена, вызвана наружу каким-либо раздражением. Дэпин утверждает, что наряду с безжалостностью, замечающеюся, как постоянная черта, у некоторых людей, находим безжалостность, временно проявляющуюся во взрыве страстей человека, который вообще не характеризуется как жестокий. Но можно подумать, что такие люди представляют лишь известную ступень в лестнице моральной бесчувственности. Что жестокость, инстинкт разрушения может овладеть не только одним человеком, но и целыми массами, об этом известном факте едва ли стоит распространяться. Но и в этом опьянении можно отличать жестоких от – увлеченных общим потоком, постоянно безжалостных – от временно безжалостных, вовлеченных в жестокость *эпидемией разрушения*, охватившей какую-нибудь группу лиц.

Что такое эта безжалостность, встречающаяся у преступников и других людей, в которых она проявилась не в преступной форме, предающей человека в руки правосудию, это – вопрос, решением которого здесь мы не можем заняться. Пережиток ли это, моральная ли тупость, граничащая с душевною ненормальностью, или загрубелость чувств, которую даже трудно отличить от состояния патологического, – на это трудно ответить для всех случаев одной формулой. Люди, страдающие такою моральною бесчувственностью или отсутствием морального чувства, понимают лишь рассудком запрещенность, наказуемость и безнравственность преступных жестоких деяний: они это знают, но не *чувствуют* сердцем, что такое-то действие безнравственно и преступно. Мало оцененный и совсем не нашумевший, Дэпин один из первых начал изучать психологию преступников. И если они поставлены в благоприятные условия, когда могут удовлетворять свою чувственность и свой эгоизм беспрепятственно, они будут жить, не совершая преступлений; но как только они попадут в положение, не благоприятное для их моральной бесчувственности, – они совершают злодеяния.

Странно было бы даже напоминать, что при исследовании чувства *сострадания* у изучаемого лица следует отличать *слабо-*

нервность, проливающую слезы в театре и равнодушно выносящую картины истинных человеческих страданий, от настоящего сострадания, настоящей жалости. Там, где мы встречаемся с *безжалостностью*, с отсутствием морального чувства, мы, конечно, часто будем встречаться и с нравственной *извращенностью*, т. е. с развратом, ленью, лживостью, пьянством и т. п. чертами. *Благоразумие* и *предусмотрительность* суть дальнейшие черты, которые должны быть обследованы у изучаемого лица. Изучая преступников, объективно, путем эмпирическим мы убеждаемся, что *неблагоразумие* и *непредусмотрительность* суть выдающиеся их свойства, установленные Дэпином на основании фактов множества уголовных процессов. Преступник под влиянием страсти бросается на действие, совершает целый ряд преступлений, положительно забывая или даже не вспоминая о том, что ему придется за все это ответить перед законом. У человека благоразумного всякое желание вызывает соображение о дозволенности или недозволенности осуществления этого желания. Преступники, находящиеся под сильнейшим, ослепляющим влиянием своих страстей, забывают о самом существовании суда и права. Непредусмотрительность преступников резко выступает из самого их злодеяния. Они так всецело поглощены своей страстью, для удовлетворения которой они совершают самое преступление, что совершенно не замечают крупных вещей, изобличающих их впоследствии. Непредусмотрительность их, в этом отношении, поразительна и много раз обращала на себя внимание исследователей. Они совершенно лишены правильно понятого личного интереса, и жизнь их, на которую они зарабатывают средства преступлением, представляется полной опасностей, неудобной, жалкой, тяжелой, неправильной и бродячей. Но она такова лишь с *нашей точки зрения*. С их точки зрения – она хороша и удобна. Дэпин рассказывает, что <...> молодой адвокат в 1860 г., защищая какого-то вора, занимавшегося всякими делами, кроме честных, желал несколько тронуть присяжных и дрожащим от волнения голосом, в конце своей речи, стал описывать им тяжелую жизнь своего клиента. Подсудимый, в течение всего процесса бесстрастный, вдруг заволновался при описании тягостей его жизни, которые его несколько не мучили, однако, во время его бродяжничества. В конце речи подсудимый плакал горячими слезами, и среди рыданий слышались его слова: «о, я не знал, что был

так несчастлив!». «Невольно», замечает Дэпин, вспомнишь слова Дюма: «Порок имеет свою невинность и наивность. Есть существа, созданные для зла, которые имеют инстинкт для зла и которые его чинят, вовсе не осознавая, что они делают зло». Поразительное легкомыслие есть отличительная черта преступников, и легкомыслие это есть не только результат запущенного или прямо дурного воспитания, но и что-то им присущее, что-то лежащее в их организации. *Способность обдумывать* есть одно из величайших качеств человека, доказательство прекрасного воспитания и нормальной нравственной организации. Внушать *обдуманность*, а не *страх* – вот правило, которое следует выбрать лозунгом воспитания.

Переходим к содержанию умственной жизни исследуемого лица. Посредством «психологических проб» можно установить большую или меньшую нормальность умственных операций, но содержание *умственной жизни лица, умственный склад* может быть исследуем беседой и изучением фактов из жизни лица. Те или другие руководящие идеи человека зависят от его умственного развития, умственного образования, умственного кругозора. Хотя внутренние ощущения, чувства и нравственные привычки сильно влияют на склад и ход наших идей в жизни, тем не менее, нельзя не признать, что *общее направление человека*, его общий взгляд на задачи жизни, на ее цели и на средства их достижения вполне зависят от свойства и характера идей, составляющих его умственное достояние. В конце концов человек стремится к тому и делает то, что он считает для себя хорошим, желательным, благом, а что именно он считает благом, – это уже результат его умственного развития, склада и содержания его идей. Как бы ни развивалась, ни ширилась психология, но Сократова идея о воле есть наиболее твердое, наиболее прочное учение, – конечно, мы имеем в виду не механизм воли, а ее содержание. <...> Если человек находит свое *личное благо* в чем-то противоположном *благу общему*, то в этом сказывается лишь его неправильное понимание: благо единичное не может состоять в том, что противоположно благу общему. Дж. Ст. Милль высказывает надежду, что путем воспитания можно будет достичь такого состояния чувств человека, когда он будет считать *своим благом* лишь то, что вполне согласно, тождественно с *благом общим*. В великие моменты подъема социальных чувств человек и в настоящее время уже отдает предпочтение благу

общему перед своим частным: пожертвование собою ради спасения отечества – факт заурядный. *Тьма умственная* есть богатейший источник творимого человеком зла. Его *нравственная тьма* в значительной степени обусловлена умственной, и мы не можем не видеть, что нравственный свет в человеке есть результат расширения умственного кругозора, раздвинутые для данного лица пределы познания. Есть на свете, по-видимому, много умных, развитых и даже ученых людей, умственный кругозор которых, однако, настолько не широк, что умственная их сила не освещает для них вопросов жизни надлежащим образом. Отсюда противоречие между их кажущейся умственной высотой и нравственной низменностью. Присмотревшись к таким людям, вы увидите, что их умственная сила очень невелика, что за ум мы часто принимали бесплодное их знание и хитрость, развитую у них до значительной степени, вследствие постоянного упражнения ее на службе эгоизму.

АНАТОЛІЙ ФЕДОРОВИЧ КОНІ 1844–1927

Громадський діяч, правознавець. Народився в м. Петербурзі в сім'ї творчої інтелігенції (батько – театральний діяч, письменник, мати – письменниця, актриса). Закінчив юридичний факультет Московського університету, з 1867 р. працював у Сумах, Харкові, Казані, Петербурзі. У 1890 р. Харківський університет за сукупністю наукових праць присвоїв йому ступінь доктора карного права без захисту дисертації. Був обраний почесним академіком Петербурзької академії наук у галузі юриспруденції (1896) і з літератури (1900). Свої роботи публікував у журналах «Вісник Європи», «Юридичний літопис», «Журнал Міністерства юстиції», «Історичний вісник», «Московські юридичні відомості», «Журнал карного та цивільного права» та ін.

Основні праці: «Судові промови» (1868–1888), «Батьки і діти судової реформи» (1864–1914), «Про суд присяжних та умови його діяльності» (1880), «Про завдання російського судово-медичного законодавства» (1890), «Про літературно-художню експертизу як

карний доказ» (1893), «Нариси та спогади» (1906), «На життєвому шляху» (1912–1923), «Вибрані твори» (1956).

Искусство речи на суде¹

Так называется книга П. Сергеича (П. С. Пороховщикова), вышедшая в 1910 году, задачей которой является исследование условий судебного красноречия и установление его методов. Автор – опытный судебный деятель, верный традициям лучших времен судебной реформы, – вложил в свой труд не только обширное знакомство с образцами ораторского искусства, но и богатый результат своих наблюдений из области живого слова в русском суде. Эта книга является вполне современной и притом в двух отношениях. Она содержит практическое, основанное на многочисленных примерах, наставление о том, как надо и – еще чаще – как не надо говорить на суде, что, по-видимому, особенно важно в такое время, когда развязность приемов судоговорения развивается на счет их целесообразности. Она своевременна и потому, в сущности, только теперь, когда накопился многолетний опыт словесного судебного состязания и появились в печати целые сборники обвинительных и защитительных речей, сделались возможным основательное исследование основ судебного красноречия и всесторонняя оценка практических приемов русских судебных ораторов...

Книга П. С. Пороховщикова <...> полное, подробное и богатое эрудицией исследование о существе и проявлениях искусства речи на суде. В авторе попеременно сменяют друг друга восприимчивый и чуткий наблюдатель, тонкий психолог, просвещенный юрист, а по временам и поэт, благодаря чему эта серьезная книга изобилует живыми бытовыми сценами и лирическими местами, вплетенными в строго научную канву. Таков, например, рассказ

---

¹ Кони А. Ф. Искусство речи на суде / А. Ф. Кони // Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. – Москва, 1956. – С. 93–94. (Впервые опубликовано как послесловие к книге: П. Сергеич (Пороховщикова П. С.). Искусство речи на суде. – Санкт-Петербург : Сенатск. типогр., 1910).

автора, приводимый в доказательство того, как сильно может повлиять творчество в судебной речи даже по довольно заурядному делу. В те недавние дни, когда еще и разговора не было о свободе вероисповедания, полиция по сообщению дворника явилась в подвальное жилье, в котором помещалась сектантская молельня. Хозяин – мелкий ремесленник, – встав на пороге, грубо крикнув, что никого не впустит к себе и зарубит всякого, кто попытается войти, что вызвало составление акта о преступлении, предусмотренным статьей 286 Уложения о наказаниях и влекущем за собой тюрьму до четырех месяцев или штраф не свыше ста рублей. «Товарищ прокурора сказал: поддерживаю обвинительный акт. Заговорил защитник, и через несколько мгновений вся зала превратилась в напряженный, очарованный и встревоженный слух», – пишет автор. «Он говорил нам, что люди, оказавшиеся в этой подвальной молельне, собрались туда не для обычного богослужения, что это был особый торжественный, единственный день в году, когда они очищались от грехов своих и находили примирение со Всевышним, что в этот день они отрешались от земного, возносясь к божественному; погруженные в святая святых души своей, они были неприкосновенны для мирской власти, были свободны даже от законных ее запретов. И все время защитник держал нас на пороге этого низкого подвального хода, где надо было в темноте спуститься по двум ступенькам, где толкались дворники и где за дверью в низкой убогой комнате сердца молившихся уносились к Богу... Я не могу передать этой речи и впечатления, ею произведенного, но скажу, что не переживал более возвышенного настроения.

<...> Четыре вопроса возникают обыкновенно пред каждым ... [кто субъективно или объективно интересуется судебным красноречием]: что такое искусство речи на суде? Какими свойствами надо обладать, чтобы стать искусным оратором? Какими средствами и способами может располагать последний? В чем должно состоять содержание речи и ее подготовка? На все эти вопросы встречается у П. С. Пороховщикова обстоятельный ответ, разбросанный по девяти главам его обширной книги (390 страниц). Судебная речь, по его мнению, есть продукт творчества, такой же его продукт, как всякое литературное или поэтическое произведение. <...> Разница между творчеством поэта и судебного оратора состоит главным образом в том, что они смотрят на действительность с

разных точек зрения и сообразно этому черпают из нее соответствующие краски, положения и впечатления, перерабатывая их затем в доводы обвинения или защиты, или в поэтические образы.

<...> ответ на второй вопрос: что нужно для того, чтобы быть судебным оратором? Наличие прирожденного таланта, как думают многие, вовсе не есть неперемнное условие, без которого нельзя сделаться оратором. <...> Талант облегчает задачу оратора, но его одного мало: нужны умственное развитие и умение владеть словом, что достигается вдумчивым упражнением. Кроме того, другие личные свойства оратора, несомненно, отражаются на его речи. Между ними, конечно, одно из главных мест занимает его темперамент. Блестящая характеристика темпераментов, сделанная Кантом, различавшим два темперамента чувств (сангвинический и меланхолический) и два темперамента деятельности (холерический и флегматический), нашла себе физиологическую основу в труде Фулье «О темпераменте и характере». Она применима ко всем говорящим публично.

Разность темпераментов и вызываемых ими настроений говорящего обнаруживается иногда даже помимо его воли в жесте, в тоне голоса, в манере говорить и держать себя на суде. Типическое настроение, свойственное тому или другому темпераменту оратора, неминуемо отражается на его отношении к обстоятельствам, о которых он говорит, и на форме его выводов. <...> Точно также не может не сказываться в речи оратора его возраст. <...> Судебная речь должна заключать в себе нравственную оценку преступления, соответствующую высшему мировоззрению современного общества. Но нравственные воззрения общества не так устойчивы и консервативны, как писанные законы. На них влияет процесс то медленной и постепенной, то резкой и неожиданной переоценки ценностей. Поэтому оратор имеет выбор между двумя ролями: он может быть послушным и уверенным выразителем господствующих воззрений, солидарным с большинством общества; но может, наоборот, выступить в качестве изобличителя распространенных заблуждений, предрассудков, косности или слепоты общества и идти против течения, отстаивая свои собственные новые взгляды и убеждения. В избирании одного из этих путей, намеченных и автором, неминуемо должны сказываться и возраст оратора и свойственные ему настроения.

Содержание судебной речи играет не меньшую роль, чем искусство в ее построении. <...> *Что говорить* – укажет <...> логика, на основе точного знания предмета, о котором приходится повествовать. Там, где придется говорить о людях, их страстях, слабостях и свойствах, житейская психология и знание общих свойств человеческой природы помогут осветить внутреннюю сторону рассматриваемых отношений и побуждений.

В вопросе: *как говорить* – на первый план выступает уже действительное искусство речи. ...надо знать хорошо предмет, о котором говоришь, изучив его во всех подробностях, надо знать родной язык, с его богатством, гибкостью и своеобразностью, так, чтобы не искать слов и оборотов для выражения своей мысли и, наконец, надо быть искренним.

Советы лекторам¹ (Из неопубликованных заметок)

§ 1

Необходимо *готовиться* к лекции; собрать интересное и важное, относящееся к теме – прямо или косвенно, составить сжатый, по возможности полный план и пройти по нему несколько раз.

Еще лучше – написать речь и, тщательно отделив ее в стилистическом отношении, прочитать вслух.

Письменное изложение предстоящей речи очень полезно начинающим лекторам и не обладающим резко выраженной способностью к свободной и спокойной речи.

План должен быть *подвижным*, то есть таким, чтобы его можно было сокращать без нарушения целого.

§ 2

Следует одеться *просто и прилично*. В костюме не должно быть ничего *вычурного и кричащего* (резкий цвет, необыкновенный

---

¹ Кони А. Ф. Советы лекторам / А. Ф. Кони // Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. – Москва, 1956. – С. 107–115.

фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это важно помнить, так как *психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора на публике.*

§ 3

Перед каждым выступлением следует *мысленно пробежать* план речи, так сказать, приводить в порядок имеющийся материал. Когда лектор сознает, что хорошо помнит все то, о чем предстоит сказать, то это придает ему бодрость, внушает уверенность и успокаивает.

§ 4

Лектору, особенности начинающему, очень мешает *боязнь* слушателей, страх от осознания, что речь окажется неудачной, *то тягостное состояние души*, которое хорошо знакомо каждому выступающему публично: адвокату, певцу, музыканту и т. д. Все это, с практикой, исчезает в значительной мере, хотя некоторое волнение, конечно, всегда бывает.

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенными в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. *Размер волнения прямо пропорционален затраченному на подготовку труду* или, вернее, результату подготовки. Невидимый ни для кого предварительный труд – основа уверенности лектора. Эта уверенность тот час же повысится во время самой речи, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, сто производит впечатление и *знает* все, что еще осталось сказать.

<...> Итак, страх лектора уменьшается подготовкой и практикой, то есть тем же трудом.

В уменьшении страха играют большую роль и те *счастливые минуты* успеха, которые, нет-нет, да и выпадают на долю не совсем плохого или только порядочного лектора.

§ 5

Начинать речь с обращения: «Товарищи». Можно построить начальную фразу и так, чтобы эти слова были в середине: «Сегодня, товарищи, нам предстоит...».

§ 6

Говорить следует громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, сила. Не должно быть учительского тона, противного и ненужного – взрослым, скучного – молодежи.

§ 7

Тон речи может повышаться (то, что в музыке *crescendo*), но следует вообще менять тон – повышать и понижать его в связи со смыслом и значением данной фразы и даже отдельные слова (логическое ударение). *Тон подчеркивает.* Иногда хорошо «упасть» в тоне: с высокого вдруг перейти на низкий, сделав паузу. Это «иногда» определяется местом в речи.

<...> Следует помнить о значении *пауз* между отдельными частями устной речи (то же, что абзац или строка в письменной). Речь не должна произноситься одним махом; она должна быть речью, *живым* словом.

§ 8

Жесты оживляют *речь*, но ими нужно пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т. п.) должны соответствовать смыслу и значению данной фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают.

§ 9

Не расхаживать по сцене, не делать однообразных движений, например покачиваний с ноги на ногу, приседать и т. п.

§ 10

Полезно всматриваться в отдельные группы слушателей (особенно в маленьких аудиториях, комнатах): слушатели смотрят на лектора, им приятно, если лектор посмотрит на них. Этим привлекается внимание и завоевывается расположение к лектору. У

лектора не должно быть какой-то одной точки, к которой привлекается во все время речи его взор.

§ 11

Лектор должен быть в достаточной мере *освещен*: лицо говорит вместе с языком.

§ 12

От лектора требуется большая *выдержка* и умение владеть собой при всех неблагоприятных обстоятельствах. Никакие отвлекающие причины не должны на него действовать (бинокли, газеты, поворачивания, шорох, плач ребенка, лай случайно забравшейся собаки). Лектор должен делать свое дело. Указанные мелочи (их можно насчитать с десятков), между которыми есть и действующие на самолюбие, с практикой, не будут оказывать влияние, к ним лектор привыкает.

§ 13

В случае резкого шума – призвать к тишине и продолжать речь. Если перед началом речи можно предположить, что будет шумно, если видно, что публика нервная, самую речь начать с призыва к тишине, а в этот призыв полезно включить одну-две фразы завлекающего характера.

§ 14

Избегать шаблона речи. Он особенно опасен в начале и в конце. Публика подмечает все, и шаблон может быть поводом к какой-нибудь неожиданной выходке, например, шаблонно начатую лектором фразу закончит кто-нибудь в рядах и опередит лектора. Шаблон – совершенно недопустимое зло во всяком творчестве.

§ 15

Не применять в речи одних и тех же выражений, даже одних и тех же слов на близком расстоянии. Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе, чем на 200 строк.

§ 16

Форма речи – *простая, понятная*. Иностраный элемент допустим, но его следует тотчас же объяснить, а объяснение должно быть *кратким, начеканенным*; оно не должно надолго задерживать движение речи. Лучше не допускать труднопонимаемых ироний, аллегорий; все это не усваивается неразвитыми умами, пропадает зря, хорошо действует *простое наглядное сравнение, параллель, выразительный эпитет*.

§ 17

Лирика допустима, но ее должно быть мало (тем она ценнее). Лирика должна быть *искренней*, как и вся речь вообще. Все же или почти все должно быть в форме и содержании речи, – вот почему предварительная подготовка и выработка плана так важны и необходимы.

§ 18

Элемент *трогательного, жалостливого* может быть в речи, но чтобы «трогательное» действительно «трогало» сердце, надо о трогательном говорить *спокойно, холодно, бесстрастно*: ни голос не должен дрожать, ни слеза слышаться, не должно быть никакого внешнего притока трогательности, от этого получается *контрастный фон*: черные линии сливаются с черным фоном, а на белом выступают резко. Так и с трогательным. Например, читать сцены казни Остапа надо протокольно, сухо, холодно, стальным крепким голосом и изменить его там, где нельзя уже не изменить: описание страданий казаков и Остапа и возглас его: «Батько! Слышишь ли ты все это?!».

§ 19

Чтобы лекция имела успех, надо: 1) завоевать внимание слушателей и 2) удержать внимание до конца речи.

Привлечь (завоевать) внимание слушателей – первый ответственный момент в речи лектора – самое трудное дело. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается *простым интересным* (интересующим) и *близким* к тому, что, наверно, переживал и испытывал каждый. Значит, первые

слова лектора должна быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны (должны отвлечь, *зацепить* внимание). Этих зацепляющих «крючков» – вступлений – может быть очень много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, как будто не идущая ни к жесту, ни к делу (но на самом-то деле связанная со всей речью), неожиданный или неглупый вопрос и т. п. Большинство людей занято пустой болтовней или легкими мыслями. Своротить их внимание в свою сторону всегда можно.

Чтобы открыть (найти) такое начало, надо *обдумать, взвесить всю речь* и *сообразить*, какое из указанных выше начал и однородных с ними, здесь не помеченных, может подходить и быть в тесной связи хоть какой-нибудь стороной с речью. *Эта работа* целиком творческая.

***

Вторая задача лектора – удержать внимание аудитории.

Раз внимание возбуждено вступлением, надо хранить его, иначе перестанут слушать, начнется движение и, наконец, появится та «смесь» тягостных признаков равнодушия к словам лектора, которая убивает всякое желание продолжать речь.

Удержать и даже увеличить внимание можно:

- 1) краткостью,
- 2) быстрым движением речи,
- 3) краткими освежающими отступлениями.

Краткость речи состоит не только в краткости времени, в течение которого она произносится. Лекция может идти целый час и все-таки быть краткой; она же при 10 минутах может казаться утомительной. Краткость – отсутствие всего лишнего, не относящегося к содержанию, всего того водянистого и засоряющего, чем обычно грешат речи. Надо избегать лишнего: оно расхолаживает и ведет к потере внимания слушателей.

***

Все неважное – *выбрасывать*, тогда и получится краткость, о которой тот же Чехов сказал: «Краткость – сестра таланта». Нужно делать так, *чтобы слов было относительно немного, а мыслей, чувств, эмоций – много*. Тогда речь краткая, тогда она уподобляется вкусному вину, которого достаточно рюмки, чтобы почувство-

вать себя приятно опьяненным, тогда она исполнит завет Майкова: *словам тесно, а мыслям просторно*.

Быстрое движение речи обязывает лектора не задерживать внимание в подходах к новым частям (к новым вопросам – моментам) речи.

***

Краткие освежающие отступления нужны в большой (скажем, часовой) речи, когда есть полное основание предполагать, что внимание слушателей могло утомиться. *Утомленное внимание* – невнимание. Отступления должны быть *легкими*, даже комического характера, и в тоже время стоять в связи с содержанием данного места речи. *В маленькой речи можно обойтись и без отступлений*: внимание может сохраниться хорошими качествами самой речи.

Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом.

***

Конец – разрешение всей речи (как в музыке последний аккорд – разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье – тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду, что пьеса кончилась); конец должен быть такой, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора, это обязательно), *что дальше говорить нечего*.

§ 20

Для успеха речи важно *течение мысли* лектора. Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать. Надо построить план так, чтобы вторая мысль вытекала из первой, третья из второй и т. д., или чтобы был *естественный переход от одного к другому*.

§ 21

Лучшие речи *просты, ясны, понятны и полны глубокого смысла*. При недостатке собственной «глубокой мысли» дозвоительно пользоваться мудростью мудрых, соблюдая меру и в этом, чтобы не потерять своего лица между Лермонтовыми, Толстыми, Диккенсами...

ВІЙСЬКОВА ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА

**МИКОЛА ОЛЕКСАНДРОВИЧ
УХАЧ-ОГОРОВИЧ
1860 – ?**

Генерал-майор армії Російської імперії. Народився в с. Радзихове в сім'ї збіднілого дворянина, який працював землеміром при земстві. Після закінчення класичної гімназії вступив добровольцем на службу рядовим. У віці 24 років, командування направило його як одного з найкращих добровольців на навчання в Академію Генерального штабу, яку він з успіхом закінчив. Рік працював лектором у Чугуївському військовому училищі. Згодом його запросили до Москви на посаду ад'ютанта в чині капітана Генштабу. У 1892 р. отримав звання підполковника. Брав активну участь у російсько-японській війні. За вдало проведену операцію на р. Хульдос йому було присвоєно звання генерал-майора. У 1907 р. вийшов у відставку. З 1923 р. викладав військові науки в різних полках. У 1931 р. заарештований радянською владою.

Основні праці: «Військова психологія» (1908), «Психологія натовпу і армії» (1911).

Психология толпы и армии¹

Первоначально надо выяснить – что такое толпа? Слово толпа дает понятие собирательное, под коим понимается собрание людей. Но можно ли каждое собрание людей назвать толпою? Очевидно, нельзя, так как люди собираются по разным причинам,

---

¹ Ухач-Огорович Н. А. Психология толпы и армии / Н. А. Ухач-Огорович. – Киев, 1911.

вследствие разных побуждений, а потому подобные собрания получают различную окраску.

Все собрания людей можно разделить на четыре вида: к первому виду относятся собрания государственные, имеющие свою организацию и подчиненные определенной дисциплине. Сюда относятся Думы, Советы, Парламенты, ученые заседания, учебные заведения, земские, городские и другие собрания, съезды и проч.

Подобным собраниям присвоены специальные наименования, каковые дают понятие о цели и характере собрания. Деятельность указанных собраний заранее предрешается законом, правилами, инструкциями и частными разрешениями государственной власти.

Ко второму виду относят собрания общественные, не имеющие организации, но подчиненные заранее установленным правилам, согласно коим все лица обязаны соблюдать определенные порядки. К числу таких собраний относятся молящиеся в храмах и молитвенных домах, религиозные процессии и народные гуляния, публика в театрах, разрешенные митинги, торжественные встречи и т. п.

К третьему виду относятся собрания преступные, т. е. такие, которые имеют организацию и дисциплину, но не разрешены законом и установленной властью. Преступные собрания представляют собрание лиц, явно нарушающих законы, а потому лица эти должны быть зачислены в разряд явных врагов государства. К числу указанных собраний относятся собрания анархистов, социалистов, разбойников, воров и проч. Участники подобных собраний ответственны двояко: за участие в неразрешенном собрании и за свою специальную деятельность в преступной организации.

К четвертому виду относится толпа, т. е. собрание разнородных лиц, не имеющих организации и дисциплины.

Таким образом, существенная разница между видами собрания заключается в том, что два первых вида имеют организацию и дисциплину; третий вид преступен; четвертый – толпа, не имеет организации и дисциплины, являясь продуктом внезапно назревших обстоятельств. Поэтому душевные силы людей государственных и общественных собраний работают по общим законам психологии, т. е. работают нормально и планомерно, в зависимости от цели собрания и характера каждого отдельного субъекта. Душев-

ные силы преступного собрания работают планомерно, но ненормально и даже болезненно, на почве отрицательного душевного состояния. Душевные силы толпы, составляя случайную, бесформенную смесь, в коей не имеется органической связи между отдельными побуждениями – работают ненормально и непланомерно.

В действительной жизни наблюдаются явления что государственное или общественное собрание может превратиться в толпу, раз только собрание потеряет свою организацию и дисциплину. Даже в храме и парламенте собравшиеся могут получить все свойства толпы, если потеряют органическую связь и планомерность действий. Ниже рассматривается психология только толпы.

Дабы понять психологию толпы, необходимо выяснить, – в какой форме проявляются в толпе четыре стороны души: ум, чувство, воля и совесть.

Ум есть духовная сила, познающая предметы и явления. Дабы понять что-либо, необходимо обладать, во-первых – знаниями, а во-вторых – способностью обрабатывать знания путем мышления. Но мышление – это продолжительное напряжение мозговых центров; это правильная последовательная смена однородных мыслей, стремящихся выяснить данный вопрос. Чтобы мышление совершалось, требуется спокойствие, тишина, отсутствие сильных внешних впечатлений и время. Всех означенных условий для мышления толпа не имеет; поэтому ум толпы лишен возможности работать.

Затем, в толпе находятся люди разного умственного развития, обладающие разными специальными сведениями. Однако в толпе нет почвы для проявления умственных дарований. Эти последние проявляются в виде рассуждений; но толпа не терпит и не переносит холодных рассуждений. Кроме того, всякие рассуждения, составляющие плоды умственного развития данного субъекта, непременно встречают возражение и критику со стороны лиц противоположного мнения. Слушать скучные споры толпа неспособна вследствие возбужденного состояния. Если же исключить людей, умственно развитых, то в толпе останутся субъекты, ум которых стоит на низкой степени развития, а потому неспособных к самостоятельной обработке получаемых впечатлений. В результате толпа теряет разум и возможность критически отнестись к явлениям и даже к тому, что говорят толпе ее вожаки.

Что же имеется у толпы взамен ума? Лишенная разума, толпа не может составить себе цели, к которой стремиться; но без всякой цели – толпа не станет нарушать обычные порядки, не станет рисковать жизнью. Очевидно, существуют какие-то умовные двигатели, руководящие толпой. Такими двигателями служат предвзятые идеи, навязчивые мысли. В наше время приманкой для толпы служит идея равенства и стремление равномерно поделить между людьми земные блага. Подобные идеи прививаются извне и не составляют продукта мышления толпы. Толпа верит на слово и превращает чужие мысли в свой собственный кумир. В этом более всего обнаруживается отсутствие разума у толпы, которая не в силах понять собственным рассудком, что не только земные порядки, но и весь мир основан на неравенстве. Свет солнца, звезд и луны – неодинаков. Физико-химическое состояние планет, – Земли, Марса, Юпитера и других – неодинаковы; получаемое при рождении физическое здоровье и красота человека неодинаковы; ум, воля, чувства и совесть людей – тоже неодинаковы. Но если абсолютно все от мельчайших атомов до колоссальных мировых величин основано и существует на неравенстве, то стремления изменить главный закон природы нельзя назвать иначе, как безумными. Подобные стремления безнравственны в наивысшей степени, во-первых, потому, что разрушают фундамент, на коем основана вся земная жизнь человека; а во-вторых – развращают человека до последнего предела, так как коверкают согласованную деятельность духовных сил, выдвигая на первый план низменные животные инстинкты.

«Хлеба и зрелищ!» – вот обычный запрос ума толпы.

Итак, толпа неспособна самостоятельно рассуждать и решать вопросы разумно: действовать на ум и рассудок толпы путем доказательств невозможно: толпа не в состоянии слушать, понять доводы ума. Отсюда вывод, что деятельность толпы – нелогична и неразумна. Чувства, как известно, это состояние души. Прежде всего необходимо выяснить, – на какой же почве слагаются чувства толпы?

Толпа сознает свою физическую силу как следствие многочисленности. Чем толпа больше, тем подобное сознание глубже. Сознание же силы значительно увеличивает все последующие чувства, делает толпу заносчивой, дерзкой, самоуверенной. В тоже время каждый отдельный человек, теряясь в толпе как личность,

сознает, что найти ответственных лиц за деяние толпы невозможно. Сознание безответственности дает выход дурным побуждениям, которые вне толпы скрываются из страха наказания. Наконец, толпа в высокой степени восприимчива, так как все впечатления, не сдерживаемые рассудком, сильно бьют по нервам, возбуждают и раздражают нервную систему. На такой-то почве, в полной мере непригодной для практической деятельности, создаются чувства толпы.

Сознание силы и могущества двигает толпу к цели стремительно, а наткнувшись на препятствие, вызывает ярость. И действительно, чувство ярости, превращающее толпу в диких зверей – явление обычное. Чрезвычайно повышенная нервная восприимчивость делает толпу легковерной и весьма поддающейся внушению. Таким состоянием пользуются опытные вожаки, которые бросают в толпу свои личные желания и в сильных выражениях требуют исполнения. Неспособная рассуждать, сознающая физическую силу и безответственность, толпа кидается по указанному направлению, совершает убийства, грабежи, буйства и всякие иные преступления, с общим характером бессмысленного разрушения и безобразной жестокости.

В общем, чувства толпы очень быстро и неожиданно переходят в различные страсти, т. е. в сильнейшее душевное напряжение, лишенное разума и воли, «опустошающее душу и превращающее ее в развалины». Страсти ослепляют человека, и в таком состоянии человек становится рабом своих чувств и вожака толпы.

Итак, с точки зрения чувств, толпа является варварской животной силой, могущей только разрушать и совершенно неспособной к созидательной работе.

«Воля есть духовная сила двигающая, совершающая действие. Выше выяснено, что сознательная личность в толпе исчезает и толпа лишается разума; чувства же, доведенные до страсти, принимают одно стремительное направление, которое, однако, может повернуться в обратную сторону без всякой видимой причины. Изложенное убеждает, что толпа впадает в экстаз.

Экстаз – по-русски значит исступление; это такое возбужденное состояние, когда душевные силы перепутываются, нормальная душевная деятельность расстраивается и человек теряет власть над собой, теряет волю. В экстазе человек не видит, не слы-

шит, не чувствует, и, находясь в этом личном хаосе, совершает ряд непоследовательных, чаще всего бессмысленных действий, совершенно не отдавая себе отчета, зачем это делается.

В общем, находясь в столь сильном возбуждении, толпа теряет волю, становится слепой. Но каждый слепой требует проводника, за которого держится. Таким проводником, вернее – руководителем, служит вожак, в котором сосредотачивается вся воля толпы.

Совесьть – это духовная сила, которая указывает человеку хорошее и дурное. Весь мир знает, что от толпы нельзя ждать чего-либо хорошего. Вот оценка совести толпы.

Чем объяснить подобное явление? Несомненно, в толпе находятся лица добродушные, сердечные, нравственные; но рядом с ними стоят люди жестокие, пьяницы, бесстыжие, извращенные, озлобленные, эгоисты и проч. Соединение столь разнородных элементов приводит к тому, что хорошие качества уничтожаются дурными. Мало того, так как эгоистических побуждений в человеке больше, чем гуманных, то злые инстинкты берут вверх, – толпа утрачивает представление о хорошем, становится рабом дурного. Даже в парламентах, когда депутаты, нарушивши дисциплину, превратятся в толпу, – немедленно начинаются дикие сцены разрушения и драки, что указывает на совершенное падение нравственных начал, падение совести.

Но если возможны подобные явления в толпе, состоящей из лучших людей, то чего можно ожидать от уличной толпы, состоящей из людей, несомненно, худших чем депутаты?

В общем, толпа более склонна ко злу, чем к добру. Отсюда ясно, что в толпе совесть молчит.

Итак, если суммировать все душевные побуждения толпы, то получится характер ее. Характер этот следующий: толпа – неспособна рассуждать, в высокой степени злобно-страстна, весьма изменчива в своих чувствах, безвольна, лишена совести как нравственного регулятора. Характер не симпатичный и зловредный. Вот почему у всех народов, во все эпохи толпа признавалась за явление уродливое, нарушающее жизнь государства.

Вожак толпы занимает совершенно обособленное положение. Вожак служит центром ума и воли толпы; поэтому обе эти стороны души вожака должны быть развиты в сильнейшей степени.

Иначе вожак очень скоро не только лишается влияния на толпу, но становится посмешищем и даже рискует потерять жизнь. Из двух душевных сил, ума и воли, у вожака более развита воля, поэтому вожаки люди действия, а не рассуждений. Подчиняться сильной воле – это природа толпы. Предвзятая идея вожака должна быть одинакова с идеей толпы, иначе получится абсолютное непонимание друг друга. Что же касается чувств, то таковые у вожака еще более возбуждены, еще ярче выражены, чем у толпы. Только при таком условии вожак может действовать на толпу своими действиями, своими рычагами. Сила же слова экзальтированного вожака настолько велика, что по его указаниям толпа готова совершить самые постыдные деяния. Совесть вожака молчит столь же упорно, как и у толпы, что необходимо для согласованности действий.

Соотношение вожака и толпы следующее: толпа возбуждена, котел находится под давлением пара, но еще не открыта заслонка, долженствующая выпустить пар. Куча пороха приготовлена, но никто не поднес к ней огня, чтобы воспламенить ее.

Но вот поднимается человек, слышится крик вожака: «смерть такому-то, врагу народа!» или «освободить такого-то, друга бедных!» – толчок дан, заслонка открыта, порох воспламенен. Толпа начинает действовать в сильнейшем иступлении, звероподобно, совершенно утрачивая облик человека!

В настоящее время определилось два типа вожаков: вожак идеи и вожак власти.

Первый – сам верит в идею, во имя которой ведет толпу; идет к цели смело, безумно; увлекает массы неудержимо. Вожак идеи занимает первое место в толпе и готов погибнуть вместе с ней. Вожак власти – эгоист, лицемер, не ведет, а посылает толпу разрушать, надеясь на развалинах создать свою личную власть, свое личное благополучие. Управляя массой издалека, прячась за спиной передних бойцов, вожак власти немедленно бросает толпу при первой неудаче и позорно скрывается с целью избежать личной ответственности.

Во всяком, однако, случае и вожак идеи, и вожак власти одинаково составляют волю толпы, а потому одинаково ответственны за деяния таковой.

Все изложенное убеждает, что толпа и ее деятельность составляют государственное зло, нарушающее нормальную жизнь народа; зло это необходимо предупреждать и уничтожать. Дабы предупредить зло, надлежит, прежде всего, выяснить природу толпы, т. е. ее основные свойства. Познавши таковые, каждый здравомыслящий человек сам убедится, что толпа, по своей природе, не имеет возможности осуществить идею, ради которой она собирается и действует; не может улучшить своего личного существования силой кулака. В спокойном состоянии человек легко поймет всю нелепость притязаний толпы и позорную роль раба в руках вожakov. Затем следует выяснить, что даже стихийные силы, как, напр., землетрясения, наводнения, ураганы – не могут изменить законов природы, а дают только разрушения, которые приходится потом исправлять, с громадными затратами времени и средств.

Сила же толпы во много раз меньше стихийной, а потому об изменениях законов природы не может быть речи. Зачем же нарушать нормальный ход жизни и даже производить разрушения? Очевидно, что деятельность толпы ничего изменить не может, а только ухудшить положение, так как вызовет непроизводительную трату времени и средств. Бедствия народные от неразумной силы толпы можно предупредить, если каждый участник толпы, хотя сколько-нибудь подумает о том, что он собирается делать. Наконец, необходимо внушить, что улучшенные формы общежития людей, так называемая цивилизация, под коей надо понимать верования, учреждения, искусства, создана творческим умом отдельных лиц, а не толпой, и что все эти творения составляют достояние всего народа. Поэтому кучка недовольных и озлобленных людей не имеет нравственного права портить или уничтожать все то, что создано другими и принадлежит народу, а не толпе. Относительно государственных учреждений, якобы мешающих толпе достигнуть благополучия, можно сказать следующее.

Учреждения есть бесплотный, духовный порядок, созданный веками. Порядок этот только исполняется современниками, но не создается ими. Поэтому данное, напр., чиновное лицо в такой же мере ответственно за род и характер известного учреждения, как и сама толпа, ибо учреждение это создавали предки и чиновники, и толпы. Вот почему изливать злобу на существующее учреждение несправедливо, безнравственно и бессмысленно. Древние римляне

отлично это понимали и оставили завет: «сохраняй – совершенствуй».

Этот удивительный практический совет связывает настоящее с прошлым, и только при таком условии можно получить хорошее будущее. Толпа, действуя неразумно, забывает благой совет народа, некогда владевшего миром; требует будущего, без всякой связи с настоящим и прошлым. Но как невозможно уничтожить два первых состояния, так и невозможно создать блага без всякой связи с исторической жизнью народа.

Попытка Великой французской революции порвать с прошлым и начать жизнь на новых основаниях привела государство на край гибели. К счастью для Франции, судьба послала ей величайшего гения, железная рука которого остановила разрушения толпы. Без Наполеона и Франция как государство была бы растерзана и кончила бы свое самостоятельное существование. Таковы неизбежные последствия работы толпы, по природе своей неспособной к созидательному творчеству.

В России, когда в смутное время, организация государства и дисциплина пошатнулись, весь народ превратился в толпу, со всеми характерными особенностями, в числе коих значится стремление разрушать, но не создавать. И действительно, история говорит, что никто иной, а всевозможные разновидности русской же толпы довели Россию до ужасающего состояния, довели ее до рубежа, за которым лежала пропасть. Присяга небольшой русской толпы иноземному государству ясно обозначила дорогу к гибели.

СОЦІОЛОГІЯ

АГНЕСА СОЛОМОНІВНА ЗВОНИЦЬКА 1897–1942

Вважається першою жінкою в соціологічній науковій спільноті Російської імперії. Народилася в м. Києві, по закінченні гімназії вступила у 1907 р. на Київські вищі жіночі курси, де почала вивчати соціологію та психологію. Не закінчивши курсів, виїхала за кордон. Вивчала юриспруденцію в Мюнхені та Парижі, у 1913–1915 рр. навчалася в Німеччині (Гейдельберзький університет) та Швейцарії. Після повернення спочатку працювала в Києві; пізніше, в 1918 р., переїхала до Петербурга, де стала асистентом у лабораторії колективної рефлексології Інституту з вивчення мозку і психічної діяльності під керівництвом В. М. Бехтерева і П. І. Сорокіна. У 1920–1925 рр. працювала на юридичному факультеті Київського інституту народного господарства, у 1926–1931 рр. була співробітником Інституту з вивчення злочинності в Петербурзі (Ленінграді), а протягом наступних десяти років (1931–1941). – Психотехнічної лабораторії, що обслуговувала транспортні організації «Лентрамвай». З початком війни евакуювалася у м. Фрунзе. У наукових колах відома передусім завдяки праці «Досвід теоретичної соціології. Соціальний зв'язок», яка вийшла друком у Києві в 1914 р., коли авторці виповнилося 17 років. Більшість робіт ученої залишилися неопублікованими, рукописи другого і третього томів її «Досвідів теоретичної соціології» були втрачені під час блокади м. Ленінграда.

Основні праці: «Досвід теоретичної соціології. Соціальний зв'язок» (1914), «Про нові течії у вченні про особистість» (1919), «Рефлексологія та вчення про особистість» (1926), «С. В. де Роберті як соціолог і філософ», «Завдання охорони праці у зв'язку з її соціальними чинниками», «Про психологію натовпу (мас)», «До

питання вивчення злочинності і злочинця», «Бандитизм як соціальне явище».

Социальная связь¹ (1914)

<...>

Прав Тард, когда он утверждает, что общение есть начальный основной момент общественной жизни.

Передача содержания одного сознания другому сознанию, – то, что Тард и Болдуин называют «подражанием», то, что мы назвали «общением», составляет, таким образом, центральный факт группировки индивидуумов. Раз этот процесс вырабатывается и поддерживается естественным отбором, то, очевидно, подражание полезно для сохранения индивидуума и вида. Какова же могла быть его полезность? На этот вопрос мы не найдем ответа в тех многочисленных исследованиях, которые посвящены привычной подражательной реакции и ее значению в развитой социальной жизни. Все это более высокие стадии, более отдаленные следствия, которые к первым зародышам подражания неприменимы. Между тем, для того, чтобы естественный отбор выработал эти более высокие сознательные стадии подражания, оно должно быть полезным в самом своем зарождении, в своих наиболее примитивных формах. Чем же обуславливалась эта первоначальная полезность примитивных подражательных реакций в процессе приспособления?

Основное свойство живой материи составляет ее способность отвечать на внешние реагенты двигательными реакциями, способность, называемая в биологии раздражимостью. Именно посредством таких двигательных реакций происходит приспособление.

Составляя путь приспособления к среде, двигательные реакции организма влияют в силу естественного отбора на его выживание. Организмы, реакции которых стремятся удерживать и усиливать действие полезных раздражителей, избегать и устранять дей-

---

¹ Звоницкая А. С. Социальная связь / А. С. Звоницкая // Опыт теоретической социологии. Социальная связь. – Киев, 1914. – Т. I.

ствие вредных, имеют преимущество в борьбе за существование. Естественно поэтому, что сохраняются и наследственно передают свои свойства те организмы, которые реагируют на благотворные и жизненно вредные раздражения в этих двух противоположных направлениях. Этим объясняется, что все организмы, не исключая самых низших, как бы различают раздражения полезные и вредные и реагируют на них различно. <...>

В предыдущей главе мы уже видели те основания, по которым всякая теория общественности должна начинать с исследования общения. Но было бы ошибкой думать, что, объяснив процесс общения, мы тем самым имели бы готовое исчерпывающее объяснение природы общественности. Подражательное общение составляет необходимую почву общественности, но обнимает сферу гораздо более широкую. <...>

Таким образом, подражательное общение во всем его объеме есть чисто биологический факт, непосредственно вытекающий из общих законов жизни и непосредственно управляющий этими законами. Уже по одному этому можно с логической неизбежностью сказать, что оно должно быть шире, нежели сфера социальности. К тому же выводу можно прийти и эмпирическим путем. Мы увидим ниже, что до известной степени права точка зрения профессора Гиддингса, считающего показателем наличности социальных отношений «групповое сознание». Между тем, не подлежит ни малейшему сомнению, что подражание может происходить в столь широких пределах, в которых никакого группового сознания констатировать нельзя. подражание между людьми низших ступеней культуры, принадлежащих к разным народам и расам, подражание между человеком и обезьяной или даже другими животными и т. п. факты служат наглядным подтверждением этого положения. А если подражательное общение возможно без группового сознания, то, следовательно, происходит в сфере более широкой, нежели сфера общественности. <...>

Полезность совместной жизни для индивидуума и вида вытекает с логической неизбежностью из полезности длительных процессов подражания. Справедливо говорит Эспинас, что благодаря подражанию особи, живущие вместе, имеют более широкий круг

представлений, нежели одинокие особи. Каждое индивидуальное сознание представляет сумму приобретений всей группы. <...>

Ясно поэтому, что до построения социальной теории необходимо проанализировать процесс общения, чтобы найти в нем именно ту форму, тот именно момент, который адекватен социальной.

В процессе подражания, как он проявляется у развивающейся личности, различаются три существенных момента: момент приобретения личностью сведений и свойств от окружающей психологической среды, или момент проэктивный; преломление этих приобретенных знаний и свойств в личном сознании, или субъективный момент; и, наконец, предположение этих субъективно преломленных свойств и у окружающих личностей, или момент эективный. <...>

Эективный момент по самому своему существу заимствует свое внутреннее содержание от субъективного. Поэтому содержание субъективного сознания своего «я» имеет решающее значение в отношении эективации. Те самые личные свойства, которые мыслятся в содержании своего «я», переносятся и на другие личности. Эективный момент, получая свое содержание от субъективного, поэтому также более узок, чем проективный. С другой стороны, эективный момент не замыкается в личном самосознании как субъективный, а представляет реакцию личности на окружающую ее психологическую среду. Поэтому органичивающее условие, заключающееся еще в субъективном моменте в третьей стадии подражательного процесса в эективации, уже непосредственно влияет на самый процесс общения.

Легко видеть, что эективация составляет необходимую основу совместной деятельности. <...>

Итак, эективация подражательного приобретенного содержания сознания (для краткости будем называть ее эективацией подражания), объясняя согласование деятельности, включает в себе искомую теоретическую природу социальной связи. <...>

Таким путем приходим мы к ясному представлению об отношении социальных и биологических явлений. Эективация подражания, выражая сущность социальной связи, требует для своего возникновения уравнивания содержания индивидуальных сознаний путем подражания. <...>

В субъективном сознании социальная связь отражается теми замеченным в конце прошлого века явлением, которое социологи называют «сознанием группы». Гиддингс построил на этом явлении свою теорию социальности.

<...>

Каждый индивидуум, находясь в социальной связи с другими индивидуумами, является центром многочисленных эктиваций со стороны окружающих.

До сих пор мы обходили молчанием один из существенных факторов, влияющих на разные моменты социальной связи: симпатию. <...> Логическая основа, определяющая начало как самой социальной связи, так и всех этих ее логически неизбежных последствий заключается в ином, и сущность ее была выяснена выше. Не такова роль симпатии в восстановлении нарушенной социальной связи. Здесь ее значение первостепенное и она принадлежит к самым основным, самым решающим факторам. Поэтому в логическом порядке изучение симпатии предшествует учению о восстановлении социальной связи. <...>

Это влияние социальной связи на усугубление симпатии отражается и на том влиянии, которое оказывает, в свою очередь, симпатия на социальную связь. Влияние это вытекает из общего принципа, что сознание сходств усиливается через присоединение эмоциональной ассоциации, создаваемой симпатией. Так как эктивациями различных подражаний очерчиваются разные круги общности, то усиление сознания сходств, вызываемое симпатией, не может остаться без влияния на эту группировку. Сильнее напрягая, больше подчеркивая сознание каждого сходства, симпатия способствует большей сплоченности, более тесному единению внутри каждого социального круга. <...> Возрастание сплоченности круга в силу симпатии пропорционально основной социальной сплоченности.

ПІСЛЯМОВА

Соціально-психологічна проблематика актуалізувалася в Україні на предметно-змістовому рівні задовго до інституційного та дисциплінарного становлення соціальної психології як системи наукових знань. Хоча проблеми соціально-психологічного характеру вперше заявили про себе поза сферою академічної психології – як відповідь на запити суспільної практики, проте саме взаємодія психології зі спорідненими галузями соціогуманітарного знання сприяла кристалізації цих проблем. Основними сферами вітчизняної наукової думки того періоду, в яких висувалися і розвивалися соціально-психологічні ідеї, були психологія творчості, психіатрія, юридична психологія та криміналістика, військова психологія та соціологія, етнографія, фольклористика та мовознавство.

Можна виокремити основні напрями розвитку вітчизняної соціально-психологічної думки в досліджуваний період. Це, зокрема, психологія великих груп; психологія масових явищ та впливу на маси; психологія спілкування та міжособової взаємодії; соціальна психологія особистості. Ці напрями загалом є такими, що кореспондують із сучасною структурою соціально-психологічного знання.

РЕКОМЕНДОВАНИ ДЛЯ ВИВЧЕННЯ ПРАЦІ
ПРЕДСТАВЛЕНИХ У ХРЕСТОМАТІЇ ТА ІНШИХ
ПЕРШОПРОХІДЦІВ СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНОЇ
ДУМКИ В УКРАЇНІ У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ –
НА ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТТЯ

1. *Владимиров Л. Е.* Психологические особенности преступников по новейшим исследованиям / Л. Е. Владимиров // Юридический вестник. – 1877. – Кн. VII–VIII. – С. 105–141.
2. *Владимиров Л. Е.* Психологическое исследование в уголовном суде / Л. Е. Владимиров. – Москва : Тип. А. А. Левенсона, 1901. – 293 с.
3. *Драгоманов М. П.* Нові українські пісні про громадські справи (1764–1880) / М. П. Драгоманов. – Київ : Криниця, 1918. – 154 с.
4. *Драгомиров М. И.* Курс тактики для г.г. офицеров Учебного пехотного баталиона: [С 5-ю планами для решения тактич. задач] / Сост. проф. Николаев, акад. Ген. штаба М. Драгомировым. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Тип. А. П. Червякова, 1867. – 362 с.
5. *Драгомиров М. И.* Учебник тактики / Сост. М. И. Драгомиров. – Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1879. – 459 с.
6. Записки Юго-Западного отдела Императорского Русского Географического общества / Русское географическое общество. Юго-Западный отдел. – Киев : Тип.Имп. ун-та Св. Владимира, 1874. – Т. I.– 488 с. ; 1875. –Т. II.– 402 с.
7. *Звоницкая А.* Опыт теоретической социологии : Т. 1. Социальная связь / А. Звоницкая. – Киев : Тип. И. И. Самоненко, 1914. – 294 с.
8. *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – Москва :М. и С. Сабашниковы, 1916. –704 с.
9. *Ковалевский М. М.* Социология: в 2 т. / Максим Ковалевский. – Т. 1: Социология и конкретные науки об обществе. Историчес-

- кий очерк развития социологии. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 300 с.
10. *Ковалевский П. И.* Вырождение и возрождение / П. И. Ковалевский // Преступник и борьба с преступностью (социально-психологические эскизы). – Санкт-Петербург : [б/и], 1903. – 370 с.
  11. *Ковалевский П. И.* Отцеубийцы. Социально-психологический очерк / П. И. Ковалевский // Вестник знания.– 1903. – №1. – С. 58–68.
  12. *Кони А. Ф.* Свидетели на суде (заметки и воспоминания судьи) / А. Ф. Кони // Проблемы психологии. – 1905. – Вып. 1. – С. 102–144.
  13. *Кони А. Ф.* Советы лекторам / А. Ф. Кони // Избранные произведения. – Москва : Госюриздат, 1956. – С. 107–115.
  14. *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони // Избранные произведения. – Москва : Госюриздат, 1956. – С. 19–48.
  15. *Кони А. Ф.* Обвиняемые и свидетели / А. Ф. Кони // Избранные произведения. – Москва : Госюриздат, 1956. – С. 116–152.
  16. *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни / [Соч.] Д-ра мед. Н. В. Краинского, дир. Колмов. психиатр. больницы, с предисл. акад. В. М. Бехтерева, дир. Клиники душевн. и нервн. болезней Имп. Воен. мед. акад. – Новгород : Губ. тип., 1900. – 243 с.
  17. *Краинский Н. В.* Психология падших людей / Н. В. Краинский. – Вильна : Губернская типография, 1910. – 34 с.
  18. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного) / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1914. – Т. 6. – С. 15–51.
  19. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Идея бесконечного в положительной науке и в реальном искусстве / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1914. – Т. 6. – С. 136–162.
  20. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Лирика как особый вид творчества /

- Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1914. – Т. 6. – С. 163–207.
21. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Основы ведаизма / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений: Т. 1–9. – Санкт-Петербург : Общественная польза; Прометей, 1909. – Т. 6. – 232 с.
  22. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Психология национальности / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – Петербург: Время, 1922. – 39 с.
  23. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* К психологии понимания / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Собрание сочинений. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1914. – Т. 6. – С. 1–14.
  24. *Орбан-Лембрик Л. Е.* Психологія етнічних спільностей і груп: від перших наукових розвідок до сучасних напрямів досліджень / Л. Е. Орбан-Лембрик // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 38–57.
  25. *Потебня А. А.* О национализме. Заметка по поводу статьи «Über Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift für Völkerpsychol. und Sprachwiss. III B. 1865» / А. А. Потебня // Мысль и язык. – 3-е изд. – Харьков : Тип. «Мирный труд», 1892. – 225 с.
  26. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976. – 616 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
  27. *Потебня А. А.* Язык и народность / А. А. Потебня // Вестник Европы. – 1895. – Т. IX. – С. 5–37.
  28. *Сикорский И. А.* Алкоголизм и питейное дело / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. – 1897. – Т. II. – С. 327–361.
  29. *Сикорский И. А.* Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении / И. А. Сикорский. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1912. – 770 с.
  30. *Сикорский И. А.* Начатки психологии / И. А. Сикорский. – 2-е изд., доп. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1909. – 138 с.
  31. *Сикорский И. А.* Ненормальные и болезненные характеры / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. –

- Киев : Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К., 1899. – Т. 4. – С. 139–171.
32. *Сикорский И. А.* О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России: (Статистическое исследование по официальным источникам) / И. А. Сикорский // Вопросы нервно-психической медицины. – Киев : Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К., 1899. – Т. 4. – С. 175–270.
33. *Сикорский И. А.* О двадцати пяти заживо погребенных в Терновских хуторах (близ Тирасполя) в 1896–1897 гг. / И. А. Сикорский // Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены: в 5 кн. – Кн. 1 (статьи по вопросам общественной психологии). – Киев–Харьков: Южно-русское изд-во Ф. А. Иогансона, 1899. – С. 165–258.
34. *Сикорский И. А.* О психологических основах национализма (читано проф. И. А. Сикорским в собрании членов Клуба русских националистов 8 апреля 1910 года) / И. А. Сикорский. – 2-е изд. – Киев: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1910. – 15 с.
35. *Сикорский И. А.* Психопатическая эпидемия 1892 года в Киевской губернии / И. А. Сикорский. – Киев : Типо-Литография Имп. унив. Св. Владимира, 1893. – 46 с.
36. *Сикорский И. А.* Черты из психологии великих людей / И. А. Сикорский // Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены: в 5 кн. Кн. 1 (статьи по вопросам общественной психологии). – Киев–Харьков: Южно-рус. изд-во Ф. А. Иогансона, 1899. – С. 46–71.
37. *Ухач-Огорович Н. А.* Военная психология / Н. А. Ухач-Огорович. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1911. – 283 с.
38. *Ухач-Огорович Н. А.* Психология толпы и армии / Н. А. Ухач-Огорович. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1911. – 54 с.
39. *Франко І.* Из секретів поетичної творчості / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. –Т. 31. – С. 45–119.
40. *Франко І.* Мислі о еволюції в історії людськості / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 45 – С. 76–139.

41. *Франко І.* Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 41. – С. 194–470.
42. *Франко І.* Одвертий лист до галицької української молодезі / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 45. – С. 401–409.
43. *Франко І.* Останки первісногосвітогляду в руських і польських загадках народних / Іван Франко // Зібрання творів: у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1981. – Т. 26. – С. 332–346.
44. *Франко І.* Політичний огляд / Іван Франко // Правда. – Львів : Друк. Т-ва ім. Шевченка, 1888. – Т. 1. – С. 49–55.
45. *Франко І. Я.* В поті чола, образки з життя робочого люду / Іван Франко // Народ. – Львів : Народна друкарня В. Макецького, 1891. – С. 47–50.
46. *Франко І.* Двоязичність і дволичність / Іван Франко // Мозаїка. – Львів, 2001. – С. 263–277.
47. *Франко І. Я.* Із заграничних літератур / Іван Франко // Зоря. – Львів, 1883. – Ч. 12. – С. 201–202.
48. *Франко І. Я.* Мислі о еволюції в історії людськості / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1986. – Т. 45. – С. 76–139.
49. *Франко І. Я.* Студії над українськими народними піснями: Передне слово / І. Я. Франко // Зібрання творів : у 50 т. – Київ : Наукова думка, 1986. – Т. 42. – С. 11–16.
50. *Франко І. Я.* Чутливість на барви, її розвиток і значення в органічній природі: реферат на працю американського природознавця Аллена Гранта = Iwan FRANKO. Wrażliwość na barwy, jej rozwój i znaczenie w organicznej przyrodzie / І. Я. Франко ; пер. Ю. Романишин, О. Сербенська. – Львів : Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. – 133 с.
51. *Kistiakowski Th.* Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie / Th. Kistiakowski. – Berlin : Verlag von Otto Liebmann, 1899. – 205 s.

Навчальне видання

Юлія Сергіївна Кальницька

**Історія соціальної психології в Україні:
друга половина ХІХ – початок ХХ століття**

Навчальний посібник (хрестоматія)

Адреса Інституту: 04070, м. Київ, вул. Андріївська, 15

Підписано до друку 01.07.2021 р. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman. Ум. авт. арк. 12,0.
Наклад 300 прим. Замовлення №   .

Видавець і виготовлювач ТОВ «Талком»
93115, м. Київ, вул. Львівська, 23, тел./факс (044)424-40-69, 424-56-26
E-mail: ukraine.vdk@email.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4538 від 17.05.2013 р.
